

TARTU ÜLIKOOLI AJALOO KÜSIMUSI VI

TARTU RIIKLIK ÜLIKOOL

TARTU ÜLIKOOLI AJALOO KÜSIMUSI
VI

(TRÜ ajaloo komisjoni materjalid)

TARTU 1977

Toimetuse kolleegium: V. Kalnin (vastutav toimetaja),
T. Ilomets, Ü. Lumiste, P. Prüller,
K. Siilivask, H. Trass.

Käesolevas kogumikus "Tartu ülikooli ajaloo küsimusi" VI on avaldatud TRÜ ajaloo komisjoni II teadusliku sessiooni "Kõrgkooli ajaloost Tartus" meditsiinisektsioonis kuulatud ettekanded. Neis käsitletakse Tartu ülikooli arstiteaduskonna teadlaste panust arstiteaduse ja meditsiinilise kõrghariduse arendamisse, üliõpilaste osavõttu teadustööst, arstiteaduskonna sidemeid teiste teaduskeskustega ja selle kasvandike tegevust Lätis, Leedus, Peterburis, Saratovis jm. Kogumikku on paigutatud ka Tartu ülikooli arstiteaduskonna kasvandiku, praeguse pensionärist naisarsti K. Bežanitskaja mälestused oma õpiajast käesoleva sajandi algaastail.

РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА
КАФЕДРЕ ФИЗИОЛОГИИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Э.Г. Кяэр-Кингисепп

Уже начиная с первых десятилетий минувшего столетия профессора Тартуского (б. Дерптского) университета большое внимание уделяли экспериментальным работам в изучении функций живого организма и это, несомненно, оказало плодотворное влияние на учащуюся молодежь. В своих воспоминаниях Н.И. Пирогов пишет: "Приехав в Дерпт без всякой подготовки к экспериментальным научным занятиям, я бросился, очертя голову, экспериментировать ... " / 1 /. Исследования увенчались успехом, и в 1829 г. Пирогов удостоился золотой медали за основательную разработку темы, предложенной факультетом. Работа, содержащая также данные, полученные в опытах на животных, была оценена "превосходнейшей" против прочих представленных.

Почва для благоприятного развития экспериментального направления в научных исследованиях была подготовлена уставом Дерптского университета 1820 г., по которому физиология отделялась от анатомии в отдельную кафедру физиологии, патологии и семиотики / 2 /. Такое распределение предметов на медицинском факультете в пользу физиологии и обусловило, как полагают, процветание медицины в Тарту на долгие годы / 3 /.

Среди питомцев Тартуского университета было немало будущих выдающихся физиологов / 4 /. Основоположником экспериментальной физиологии в России стал Алексей Филомафитский, который учился в Профессорском институте Тартуского университета одновременно с Н. Пироговым и др. В 1833 г. он защитил докторскую диссертацию в Тарту и после заграничной поездки возглавил кафедру физиологии Московского университета. По словам А. Коштоянца, он стал "глашатаем всемогущества опытного естествознания в России" / 5 /. Перу Филомафитского принадлежит оригинальный учебник физиологии на русском языке, где изложены мысли о способах исследования жизненных явлений, приведены доказательства в пользу экспериментального метода по результатам своих опытов. Горячим призывом звучат в предисловии учебника слова: " ... если мы хотим получить

какое-либо понятие о жизни, а не довольствоваться одними мнениями, предложениями, игрой воображения, то один только путь может привести нас к этой цели — путь опыта и наблюдения. Сей путь избрал я, М.М.Г.Г. в своих занятиях физиологией, ему же буду следовать и в своем преподавании" / 6 /. Исключительную роль Филомафитского в развитии экспериментального направления в отечественной физиологии подчеркивает А.В. Макаров в обзоре о 200-летию кафедры физиологии Московского университета / 7 /.

В 1837 г. кафедру физиологии в Тартуском университете занял А.В. Фолькман (A.W. Volkman), талантливый ученый, выдающийся представитель точного физического направления в физиологических исследованиях. Он также познакомил свою аудиторию с физиологическими экспериментами / 8 /. Научный интерес Фолькмана составляло изучение структуры и значения нервной системы, физиологической оптики, законов движения крови, физиологии дыхания. В 1838 г. он одним из первых наблюдал торможение и остановку деятельности сердца лягушки при раздражении блуждающего нерва гальваническим током, с одновременным усилением сокращения желудка /9, 10/. К сожалению, эти наблюдения не были поняты современниками. В опубликованном в 1839 г. обзоре литературы за 1838 г. данные Фолькмана, полученные при раздражении блуждающего нерва, были обозначены как "весьма своеобразные", но, по существу, не дискутировались / 11/. Авторами этого открытия, как известно, считают братьев Вебер и датой открытия 1845 г., т.е. 7 лет спустя после опубликования работы Фолькмана. Открытие, сделанное Фолькманом в Тарту, в литературе последнего времени уже отмечают его именем /12, 13/. Далее Фолькманом в годы пребывания в Тарту были проведены весьма обстоятельное исследование рефлекторных движений на спинальной лягушке, работы для установления значения краниальных и шейных нервов в двигательных актах у различных млекопитающих и птиц (телят, овец, коз, собак, кошек, кроликов, гусей, кур) /14, 15, 16/. При гальваническом раздражении участков мозга, а также при удалении мозга, перерезки блуждающих нервов и др. изучалась деятельность различных органов и акт дыхания. Показано, что легкие активно не расширяются, а дыхательные движения зависят от раздражения продолговатого мозга накопившейся в крови углекислотой /17, 18, 19/. Были продолжены начатые ранее работы по физиологической оптике /20, 21/. Следует подчеркнуть,

что путем экспериментальных исследований Фолькмана было получено много ценных и заслуживающих внимания данных. Справедливые критические возражения у современников вызвало объяснение Фолькмана о возникновении у спинальной лягушки рефлекторных движений, для которых он считал пока недоказанным осуществление их без души, как принципа чувства и воли /II/.

В те годы шел острый спор о положении симпатической нервной системы: является ли она самостоятельным разделом нервной системы или же системой, состоящей из церебральных и спинальных нервов. Изучением этого вопроса занялись Фолькман и Ф. Биддер, в то время ординарный профессор анатомии Тартуского университета. Оба они интересовались исследованием нервной системы и плодотворно сотрудничали. Биддер и раньше принимал активное участие в физиологических опытах Фолькмана и считал Фолькмана своим учителем / 22 /. В их совместном морфо-физиологическом труде (1842) им, по крайней мере частично, удалось доказать самостоятельность симпатической нервной системы. В чрезвычайно трудоемких анатомо-гистологических исследованиях на лягушках они показали происхождение большинства симпатических (тонких) волокон из ганглиозных телец / 23 /. Установление морфологических особенностей симпатической и анимальной нервных систем было чрезвычайно важно для дальнейших физиологических исследований. После ухода Фолькмана из Тарту в 1843 г. физиологические исследования о самостоятельности симпатической нервной системы были временно прерваны, а затем продолжены Биддером / 24 /.

Преемником Фолькмана на кафедре физиологии, патологии и семиотики стал профессор Ф.Г. Биддер (Friedrich Heinrich Bidder). При нем в 1844 г. кафедра преобразовалась в кафедру физиологии и патологии, а в 1860 г. в кафедру физиологии. Свое медицинское образование Биддер получил в Тарту (1828-1834 гг.). В 1834 г. он стал доктором медицины и был назначен прозектором на кафедру анатомии. С 1830 г. Биддер был питомцем казенного института при медицинском факультете. Такой институт был основан при медицинском факультете в 1819 г. и студенты-медики, которые учились за казенный счет, должны были после окончания университета отслужить определенное время по назначению / 25, 26 /. Небезынтересно, что среди этих молодых людей были также доктор медицины (с 1829 г.) В. Даль (Woldemar v. Dahl), писатель и широко известный автор толкового словаря русского языка, почетный член Петербург-

ской АН 1863 г. и т.п. / 26 /, и Филипп Карелл, доктор медицины с 1832 г. — лейб-медик, получивший всемирную известность за метод лечения с помощью молочной диеты, предложенный им в 1865 г. / 26 /. Нужно добавить, что в Тарту в то время существовал Профессорский институт, куда направлялись талантливые молодые люди для подготовки к профессуре, и где из медиков учились Н. Пирогов, А. Филомафитский, С.С. Куторга и др., из эзевов А. Загорский и др., которые вскоре возглавили работу университетских кафедр / 4 /, основные понятия которых могли сложиться в бытность их в Тарту.

Широкий размах получили экспериментальные исследования на кафедре физиологии при Ф. Биддере, который заведовал кафедрой физиологии до 1869 г. Биддер был крупный ученый, вдохновитель и руководитель многих научных работ, всеми мерами способствовавший развитию экспериментальных исследований на факультете. Выдающееся положение Тартуского университета многим обязано наличию сильной физиологической школы. О научной деятельности Биддера и о достоинствах Тартуской физиологической школы, в развитии экспериментальной физиологии представлен богатый материал в статьях А.Н. Хазанова / 27, 28 /, с указанием источников литературы и краткой характеристикой докторских диссертаций.

Замечательный талант экспериментатора, широта научной мысли позволили Биддеру развить весьма многостороннюю научную деятельность. Он владел не только методом вивисекции, но и владел большим хирургическим методом, что необходимо для проведения постоянных опытов (так называли в то время хронические опыты). Кафедра физиологии в середине XIX столетия становится центром научных исследований. Благоприятные условия для экспериментальной работы в этот период жизни университета, несомненно, способствовали развитию также экспериментальной фармакологии в Тарту, основоположником которой является профессор Р. Бухгейм. Годы пребывания его в Тарту (с 1847 по 1867) совпадают с плодотворной деятельностью Биддера. Опыт кафедры физиологии и ее руководителя, большого мастера эксперимента Биддера, распространялся и в фармакологических исследованиях. Биддер оперировал животных для фармакологических исследований, проводил внутривенные инъекции и др. Как отмечают диссертанты в своих работах, Биддер научил их постановке опытов и гуманности при проведении экспериментов на животных. Доцент кафедры физиологии К. Шмидт помогал

при лабораторных анализах, за что диссертанты выражают им обоим слова искренней благодарности.

Проведенное Биддером и Шмидтом и целым рядом диссертантов систематическое и подробное изучение всей пищеварительной системы в физиологическом и физиолого-химическом аспектах имело большое значение как для экспериментальной физиологии, так и для медицины в целом. Биддером были разработаны операционные приемы наложения фистул в различных частях пищеварительного канала у собак, кошек, овец, коз, птиц (гусей и даже ворон!). Собаки с желудочными фистулами жили год-полтора, месяцами были в ежедневных опытах животные с фистулой желчного пузыря и др. Полученный материал был объединен в монографии: "Пищеварительные соки и обмен веществ," 1852 / 29 /: Биддером составлен раздел физиологии пищеварения, автором раздела об обмене веществ является К. Шмидт, (впоследствии профессор химии). К замечательным данным, не потерявшим своего значения и по сей день, относится наблюдение Биддера, что сокоотделение из фистулы желудка начинается еще до еды, при одном только виде пищи. Этот факт описан Н.М. Якубовичем в диссертации / 29, 31 /. Наблюдение, на многие десятилетия опередившее свое время, было раскрыто И.П. Павловым 40 с лишним лет спустя. Павлов показал, что для обнаружения этого явления требуется соблюдение определенных условий. Это послужило основой нового направления исследований в физиологии / 32 /. В работах Биддера исследования секреторной функции тесно переплетаются с изучением нервных воздействий. Определенная зависимость секреции желудочных желез от блуждающего нерва выявлялась после их перерезки, сопровождавшейся понижением сокоотделения и переваривающей способности. Тщательными наблюдениями было установлено, что слизь с нейтральной реакцией вырабатывается в желудке и не является продуктом разложения, как полагали в то время. О большой точности наблюдений говорит и тот факт, что реакция кишечного содержимого была найдена кислой, поверхность же слизистой оболочки щелочной. Данные систематического анализа состава пищеварительных соков и содержания соляной кислоты в желудочном соке были проведены К. Шмидтом и долгие годы служили основой для анализа во всех лабораториях / 29, 33, 34/. Заслугой Биддера является и установление наличия HCI также в желудочном соке травоядных животных.

Исследования в области физиологии пищеварения проводи-

лись и после выхода упомянутой выше монографии из печати, ограниченные рамки статьи позволяют привести лишь некоторые из них. Среди них определенный интерес представляют исследования желудочной секреции у молодой женщины, имеющей фистулу желудка / 35, 36 /. Обстоятельно изучались ферментативные свойства желудочного сока и роль НСІ при этом / 37 /. Внимание заслуживает методика изучения процесса всасывания / 38/. Много труда было приложено для изучения роли панкреатического сока у различных животных: кошек, собак, свиней. Постепенно, шаг за шагом разрабатывалась методика постоянной и временной фистулы протока; была установлена способность расщепления крахмала и жира панкреатическим соком, а позднее и белков / 39, 40, 41 /.

Для развития физиологического эксперимента большое значение имели и гистофизиологические исследования, проведенные как самим Биддером, так и многими соискателями ученой степени доктора наук под его руководством (Овсянников / 42 /, Кушфер / 43 / и др.). Эти работы представляют интерес в двух направлениях и требуют специального освещения с гистологической и физиологической стороны. На гистофизиологических исследованиях школы Биддера более подробно останавливается Хазанов (1976). В ряде работ Биддер пытался связать изучение физиологической деятельности слюнных желез с морфологическим исследованием нервных образований при электрическом раздражении и действием некоторыми веществами / 44, 45, 46, 47/. В сердце лягушки, на границе предсердия и желудочка Биддер обнаружил ганглиозные скопления - "функционально различные центры" / 48 /, названные потом узлом Биддера. Сердце не переставало интересоваться Биддера, и спустя несколько лет он провел детальное изучение строения и иннервации сердца / 49 /. Обстоятельно изучалась деятельность сердца лягушки при электрическом раздражении вагуса и воздействии ядами / 50 /, на кураризованных лягушках детально изучению подвергались особенности нервных окончаний сердечных ветвей вагуса / 51/, применялась атропинизация при изучении воздействия угнетающих нервов / 52 /. Весьма интересные данные были получены в опытах на различных животных с экзотическими ядами для стрел. Показана различная чувствительность летних и зимних лягушек и восстановление их жизнедеятельности благодаря кожному дыханию, установлено выделение яда почками и отравление инъекцией мочи отравленных животных / 53, 54, 55/. Был уста-

новлен важный для физиологических исследований факт кожного дыхания у лягушки / 56 /. Много внимания уделялось изучению роли депрессорного нерва в физиологической деятельности сердца / 57, 58 /. Повторно была сделана попытка срачивания функционально различных нервных волокон / 59 /, велись работы по выявлению роли различных нервов / 60, 61 и мн. др. /.

Биддер с первых шагов своей научной деятельности еще на кафедре анатомии придавал большое значение изучению нервной системы. Известны слова Биддера, не раз слышанные из его уст: "Жизненный нерв физиологии — это физиология нерва". Живое участие он принимал в споре об угнетающей роли блуждающего нерва на сердце и опередил свое время, полагая что "влияние угнетающих нервов надо искать в тех приспособлениях, которыми снабжены их периферические окончания и едва ли можно сомневаться, что в них происходят явления химического порядка" / 62 /.

Биддер был также замечательным педагогом и научным руководителем. Лекции его пояснялись физиологическими опытами на животных и демонстрациями микроскопического материала. По словам современников, доклады Биддера были по ясности и последовательности изложения классическими. Под его руководством выполнено около 80 докторских диссертаций за период с 1847 по 1869 г. Результаты этих работ вскоре после защиты стали достоянием всех европейских университетов, так как реферировались и печатались в физиологических журналах за рубежом.

Ряд учеников Биддера занимали кафедры физиологии в России и за рубежом. По словам Х.С. Коштоянца, "для середины XIX столетия имена Якубовича, Овсянникова, Сеченова олицетворяли собой физиологию в России". Из них Н.М. Якубович защитил диссертацию в 1848 г. и Ф.В. Овсянников в 1853 г. в Тарту у Биддера.

Биддер был разносторонним ученым: он занимался изучением структуры и функции симпатической нервной системы, иннервацией и функцией различных органов, физиологией пищеварительной системы, сердца, слюнных желез и др. Характерным для экспериментальной работы были тщательность и высокое качество методики. До сих пор своего значения не потеряли многие установленные им факты. Проведение постоянных опытов в середине XIX столетия является примером самоотверженного труда и беззаветного служения науке Биддера и его многочисленных

учеников.

Тартуской физиологической школе заслуженно принадлежит одно из первых мест в развитии экспериментального направления научных исследований в естествознании и медицине.

Л и т е р а т у р а

1. Н.И. П и р о г о в. Севастопольские письма и воспоминания. Изд. АН, 1950, 320.
2. Е.В. П е т у х о в. Императорский Орьевский, бывший Дерптский университет, т. I, Орьев, 1902, 365.
3. Г.В. Л е в и ц к и й (ред.). Биографический словарь Императорского Орьевского университета, т. II, Орьев, 1903, с. III-IV.
4. Э. К я э р-К и н г и с е п п. Физиологи из Профессорского института Тартуского университета. Мат. У конф. по истории науки в Прибалтике. Тарту, 1964, 121.
5. X.C. К о ш т о я н ц. Очерки по истории физиологии в России. М., 1946.
6. А.М. Ф и л о м а ф и т с к и й. Физиология, изданная для руководства своих слушателей. М., 1836, 19.
7. В.А. М а к а р о в. 200 лет кафедре физиологии медицинского факультета Московского университета и I-го Московского Медицинского института им. И.М. Сеченова. Физиол. журнал, 1976, т. XII, 1728-1729.
8. E. K ä e r - K i n g i s e r p. Füsioloogia õpetamisest kõrgemas koolis mõeldunud sajalnil. Tartu ülikooli ajaloo küsimusi, III. Tartu, 1975, 174-182.
9. A.W. V o l k m a n n. Von den Baue und den Verrichtungen der Kopfnerven des Frosches. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1838, 70-80.
10. E. K ä e r - K i n g i s e r p, E. V a s a r. A.W. Volkmanni uurimus 1838. a-st uitnärvi toime kohta konna südame tegevusele. Tartu ülikooli ajaloo küsimusi, III. Tartu, 1975, 9-12.
11. Theod. Ludw. Wilh. B i s c h o f f. Bericht über die Fortschritte der Physiologie im Jahre 1838. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1839, 157-160.
12. John F. F u l t o n. Physiology of the Nervous System. New York, U.S.A., 1951, p. 93.

13. Я.А. Р о с с и н . Физиология вегетативной нервной систем. М., 1965.
14. A.W. V o l k m a n n . Über Reflexbewegungen. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1838, 15-45.
15. A.W. V o l k m a n n . Über die motorischen Wirkungen der Kopf- und Halsnerven. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1840, 475-509.
16. A.W. V o l k m a n n . Beobachtungen und Reflexionen über Nerven anatomien. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1840, 510-532.
17. A.W. V o l k m a n n . Über die Beweiskraft derjenigen Experimente, durch welche man einen direkten Einfluss der Zentralorgane auf die Eingeweide zu erweisen suchte. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1842, 372-377.
18. A.W. V o l k m a n n . Über die Bewegungen des Atmens und Schluckens mit besonderer Berücksichtigung neurologischer Streitfragen. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1841, 332-360.
19. H. S c h n e i d e r . Questiones ad respirationis motus pertinentes. Inaug.-Diss. Dorpati, 1840.
20. A.W. V o l k m a n n . Erklärung einiger Gesichtssphänomene. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1839, 233-244.
21. A.W. V o l k m a n n . Revision in meinen Beiträgen zur Physiologie des Gesichtssinnes aufgestellten Lehrsätze. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1843, 1-13.
22. F. B i d d e r . Aus dem Leben eines Dorpater Universitätslehrers. Erinnerungen des Mediziners Prof. Dr. Friedrich Bidder 1810-1894. Hölzner Verlag, Würzburg, 1859.
23. F.H. B i d d e r , A.W. V o l k m a n n . Die Selbstständigkeit des sympathischen Nervensystems. Verlag Breitkopf und Härtel, Leipzig, 1842.
24. F. B i d d e r , A.W. V o l k m a n n . Erfahrungen über die funktionelle Selbstständigkeit des sympathischen Nervensystems, aus brieflichen Mitteilungen. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1844, 359-380.

25. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, д. 320, л. 2I.
26. E. K ä e r - K i n g i s e r p . Tartu Ülikooli arsti-
teaduskonna kroonustipendiaatide instituut (asut.
1818). Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, III. Tartu,
1975, 90-98.
27. А.Н. Х а з а н о в. Ф.Э. Биддер. Из истории медицины, т.
6. Рига, 1964, 294-303.
28. А.Н. Х а з а н о в. Почетный академик Ф. Биддер и дерпт-
ская физиологическая школа. Из истории естествозна-
ния и техники Прибалтики, т. 5. Изд. Зинатне, Рига,
1976, 68-9I.
29. F. B i d d e r , C. S c h m i d t . Die Verdauungssäf-
te und Stoffwechsel. Mitau und Leipzig, 1852.
30. Э.Г. К я э р - К и н г и с е п п. Исследования по физиоло-
гии пищеварения на кафедре физиологии Тартуского
(б. Дерптского) университета середины XIX столетия.
Уч. зап. Тартуского ун-та, 1968, 2I5, VIII (Гастро-
энтерология), 45-5I.
31. H. J a k u b o w i t s c h . De saliva. Inaug.-Diss.
Dorpati, 1848.
32. И.П. П а в л о в. Лекции о работе главных пищевари-
тельных желез. СПб., 1897.
33. C. S c h m i d t . Über das Wesen des Verdauungsprozes-
ses. Liebigs und Wöhlers Annalen, 1847, LXI, S. 311.
34. C. S c h m i d t . Über die Constitution des menschi-
chen Magensaftes. Lieb. Ann., 1854, 92, S. 42.
35. O. G r u e n e w a l d t . Succī gastrici humani indo-
les physica et chemica ope fistulae stomachalis in-
digata. Inaug.-Diss. Dorpati, 1853.
36. E. S c h r o e d e r . Succī gastrici humani vis diges-
tiva, ope fistulae stomachalis indigata. Inaug.-
Diss. Dorpati, 1853.
37. A. H e l t z l . Beiträge zur Lehre vom Verdauungsfer-
ment des Magensaftes. Inaug.-Diss. Dorpat, 1864.
38. L. E r d m a n n . Beobachtungen über die Resorptions-
wege in der Schleimhaut des Dünndarms. Inaug.-Diss.
Dorpat, 1867.
39. C. S c h m i d t . Über das Pankreas-Secret. Lieb. Ann.
1854(53), 92, S. 33.
40. S. K r a e g e r . De succo pancreatico. Inaug.-Diss. Dor-
pati, 1854.

41. A. S k r e b i t z k y . De succi pancreatici ad adipem et albuminatis vi atque effectu. Inaug.-Diss. Dorpati, 1859.
42. Ph. O w s j a n n i k o w . De medullae spinalis textura in piscibus. Inaug.-Diss. Dorpati, 1853.
43. K. K u p f e r . De medullae spinalis textura in ramis. Inaug.-Diss. Dorpati, 1854.
44. A. H i l d e b r a n d . Versuche über die Innervation der Glandula submaxillaris beim Hunde. Inaug.-Diss. Dorpati, 1865.
45. F. B i d d e r . Experimentelle und anatomische Untersuchungen über den Nerven der Glandula submaxillaris. Arch. Reichert & Du Bois-Reymond, 1866, 321-359.
46. F. B i d d e r . Weitere Untersuchungen über die Nerven der glandula submaxillaris beim Hunde. Arch. Reichert & Du Bois-Reymond, 1867, 1-30.
47. L. S c h r ö d e r . Versuche über die Innervation der Glandula parotis. Inaug.-Diss. Dorpat, 1868.
48. F. B i d d e r . Über functionell verschiedene und räumlich getrennte Nervencentra im Froschherzen. Arch. f. Anat., Physiol. u. wissenschaftl. Medizin, 1852, 178-191.
49. F. B i d d e r . Zur näheren Kenntniss des Froschherzens und seiner Nerven. Arch. Reichert & Du Bois-Reymond, 1866, 1-26.
50. C. G r e g o r y . Beiträge zur Physiologie der Herzbewegung beim Frosch. Inaug.-Diss. Dorpat, 1865.
51. F. B i d d e r . Die Endigungsweise der Herzzweige des Vagus. Arch. Reichert & Du Bois-Reymond, 1868.
52. P. K e u c h e l . Das Atropin und die Hemmungsnerven. Inaug.-Diss. Dorpat, 1868.
53. F. B i d d e r . Über die Unterschiede in den Beziehungen des Pfeilgifts zu verschiedenen Abtheilungen des Nervensystems. Arch. Reichert & Du Bois-Reymond, 1865, 337-359.
54. Nic. B ö h l e n d o r f f . Über die Wirkungen des amerikanischen Pfeilgiftes auf die Nerven. Inaug.-Diss. Dorpat, 1865.
55. F. B i d d e r . Beobachtungen an curarisierten Fröschen. Arch. Reichert & Du Bois-Reymond, 1868, 583-632.

56. W. B e r g . Untersuchungen über das Hautatmen der Frösche. Inaug.-Diss. Dorpat, 1865.
57. C. S t e l l i n g . Über den Einfluss des nervus depressor auf die Herztätigkeit. Inaug.-Diss. Dorpat, 1867.
58. E. B e r n h a r d t . Anatomische und physiologische Untersuchungen über den nervus depressor bei der Katze. Inaug.-Diss. Dorpat, 1868.
59. F. B i d d e r . Beobachtung doppelsinniger Leitung im N. lingualis nach Vereinigung desselben mit dem N. hypoglossus. Arch. Reichert & Du Bois-Reymond, 1865, 246-260.
60. F. B i d d e r . Die nervi splanchnici und der ganglion coeliacum. Arch. Reichert & Du Bois-Reymond, 1869, 472-481.
61. F. B i d d e r . Beiträge zur Kenntnis der Wirkungen des Nervus laryngeus superior. Arch. Reichert & Du Bois-Reymond, 1865, 492-507.
62. F. B i d d e r . Einige Bemerkungen über Hemmungsnerven und Hemmungscentren. Arch. Reichert & Du Bois-Reymond, 1871, 54-68.

О СВЯЗЯХ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ И МЕДИЦИНСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В.В. Калнин, И.Т. Леонов

В истории двух старейших в нашей стране высших учебных заведений, ровесников по началу деятельности, имеются многочисленные сведения о взаимных связях.

Многие крупные отечественные ученые, уроженцы Эстонии, выпускники медицинского факультета Дерптского (с 1893 г. Юрьевского), работая в стенах Медико-хирургической (с 1881 г. Военно-медицинской) академии, оставили значительный след в истории отечественной и мировой науки. Ряд воспитанников академии, начав свои научно-педагогическую деятельность в alma mater, впоследствии успешно развивали медицинскую науку в Тарту.

Если в первой половине XIX в. Дерптский университет дал Медико-хирургической академии ряд выдающихся ученых, то на рубеже столетий и в начале XX в. большую роль в развитии медицинской науки и высшего медицинского образования в Эстонии сыграла Военно-медицинская академия. В академии начинали свою деятельность на поприще медицины многие будущие участники рабочего движения в России. Исключенные за революционную работу, они смогли получить высшее медицинское образование в Юрьеве.

Характеризуя связи ученых медицинского факультета Тартуского университета и Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, в первую очередь следует назвать имя академика К.М. Бэра (1792-1876), учившегося на медицинском факультете Тартуского университета в 1810-1814 гг., получившего здесь ученую степень доктора медицины. В течение одиннадцати лет (1841-1852) К.М. Бэр был профессором Медико-хирургической академии, руководившей кафедрой сравнительной анатомии и физиологии. Его блестящие эмбриологические работы, как известно, оказали большое влияние на развитие этой науки в России, определив, в частности научные интересы А.О. Ковалевского и И.И. Мечникова. Независимо от Ж. Кювье, К.М. Бэр самостоятельно обосновал теорию типов организации животных, опираясь на особенности их эмбрионального развития. Всего им написано свыше 200 научных трудов. Из академии Бэр ушел в отставку по болезни. Деятельности К.М. Бэра в Медико-хирургической академии посвящена специальная монография академика Е.Н. Павловского, преемника К.М. Бэра по кафедре в советские годы (1921-1956) / I /.

Почти в те же годы, что и К.М. Бэр, в Медико-хирургической академии трудился Н.И. Пирогов, выпускник Профессорского института при Дерптском университете, защитивший здесь докторскую диссертацию, которая положила начало экспериментальной хирургии. В Дерпте, будучи профессором хирургии (1836-1840), Н.И. Пирогов сформировался как клиницист и педагог. Он издал "Анналы хирургического отделения клиники Дерптского университета". Анатомо-физиологическая основа всех исследований, проведенных в дерптский период деятельности Пирогова, получила исключительно широкое развитие в изысканиях дальнейших лет.

18 января 1841 г. Н.И. Пирогов был переведен в Петербург и стал ординарным профессором "...госпитальной хирургии, патологической и хирургической анатомии и главным врачом хи-

рургического отделения при втором военно-сухопутном госпитале". Как отмечают авторы статьи "Жизнь и деятельность Н.И. Пирогова", предпосланной первому тому его сочинений, в академии начался следующий, самый блестящий период его деятельности. Он проявил себя как реформатор медицинского образования, анатом, экспериментатор, хирург-клиницист, военно-полевой хирург и патолог. "Нужен был титанический труд, чтобы в короткий срок внести такой огромный вклад в сокровищницу отечественной и мировой медицины, да и не только медицины, но и общечеловеческой культуры!" - указывается в упомянутой статье / 2 /.

Небезынтересно отметить, что в разработке проекта создания анатомического института в академии, этого выдающегося для своего времени учреждения, вместе с Н.И. Пироговым участвовали академик К.М. Бэр и К.К. Зейдлиц. Последний изучал медицину в Дерпте с 1815 по 1821 г., защитив докторскую диссертацию на тему "О глазных болезнях, встречаемых среди эстонцев". С 1837 по 1846 г. К.К. Зейдлиц был профессором терапии и возглавлял клинику внутренних болезней в Медико-хирургической академии. В 1836 г. в этой клинике впервые были введены объективные методы исследования - выслушивание, выстукивание, химические исследования, применение микроскопа и др. и учреждены ежедневные амбулаторные приемы "для больных разного возраста и пола" / 3, 4 /. Н.И. Пирогов в "Дневнике старого врача", вспоминая, как Зейдлиц приобрел себе известность в науке, отмечал, что Зейдлиц первым в России начал применять перкуссию и аускультацию в госпитальной и частной практике / 5 /. По свидетельству современников, К.К. Зейдлиц был выдающимся клиницистом и педагогом / 6 / и совместно с Н.И. Пироговым оказал большое влияние на улучшение медицинского преподавания в России.

В Дерптском университете изучал медицину А.П. Загорский, защитив здесь в 1833 г. докторскую диссертацию. Будучи с 1839 г. профессором физиологии в Медико-хирургической академии после яркого представителя натурфилософского направления Д.М. Велланского, построил свою работу на новых основах и ввел экспериментальные методы в преподавание физиологии. Он является автором руководства "Записки по физиологии" / 7, 8 /. А.А. Кутер, учившийся в Дерпте с 1831 по 1836 г. и состоявший до 1838 г. ассистентом у Н.И. Пирогова, был впоследствии профессором хирургии в Медико-хирургической академии / 9 /.

В 1833-1837 гг. изучал медицину и защитил в Дерпте докторскую диссертацию Н.И. Козлов, работавший впоследствии на многих руководящих должностях, а с 1869 по 1871 г. — начальником Петербургской медико-хирургической академии / 8 /.

Н.М. Якубович (1817-1879) выполнил в Тарту под руководством известного отечественного физиолога Ф.Э. Биддера диссертацию "О слюне", которую защитил в 1848 г. Затем, с 1853 г., он работал профессором кафедры гистологии, эмбриологии и физиологии Медико-хирургической академии. Он внес крупный вклад в изучение микроскопической анатомии центральной нервной системы, исследуя гистологическое строение различных нервных элементов головного и спинного мозга человека и животных. В работах Якубовича нашли продолжение исследования Биддера / 10, 11 /.

В.А. Манассейн (1841-1901) учился на медицинском факультете Тартуского университета в 1861-1864 гг. и был здесь создателем одного из ранних кружков передовых студентов, в котором читали и комментировали сочинения А.И. Герцена, в частности "Колокол", и роман Н.Г. Чернышевского "Что делать?" / 12 /. За революционную деятельность Манассейн был вынужден уйти из Дерпта, он окончил в 1866 г. Медико-хирургическую академию, где стал впоследствии профессором кафедры частной патологии и терапии. Он создал и на протяжении 20 лет (1880-1901) редактировал одно из самых распространенных русских медицинских периодических изданий — еженедельный журнал "Врач" / 13 /.

Из других имен, связывающих два наших вуза, можно назвать таких ученых, как Г.В. Хлопин, А.Ф. Никитин, Н.И. Лепорский и др.

В 1918 г. конференцией Военно-медицинской академии экстраординарным профессором по кафедре гигиены был избран Г.В. Хлопин (1863-1929), начинавший свою профессорскую деятельность в Тарту (тогда Юрьеве), где в 1896-1903 гг. руководил кафедрой государственного врачеведения. Интересную и сложную жизнь прожил этот крупнейший отечественный гигиенист, заслуженный деятель науки. Студент естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета (с 1882 г.), выполнивший под руководством И.М. Сеченова исследование на звание кандидата естественных наук (1886), участник социал-демократического кружка Д.Н. Благоева, арестованный и высланный из Петербурга — таковы этапы

первого периода жизненного пути Г.В. Хлопина. Окончив благодаря помощи И.М. Сеченова и известного химика Н.А. Меншуткина Московский университет (1893), Г.В. Хлопин одновременно работал в лаборатории Ф.Ф. Эрисмана, под руководством которого готовился к профессорскому званию.

В 1896 г., после защиты докторской диссертации, Г.В. Хлопин начал профессорскую деятельность в Тау. Продолжая и развивая лучшие традиции отечественной гигиенической науки, Г.В. Хлопин уделял особое внимание гигиеническому эксперименту и внедрению гигиенических мероприятий в практику земской и городской медицины.

Занимая в течение II лет кафедру общей гигиены в Военно-медицинской академии, Г.В. Хлопин обучил тысячи военных врачей. Особенно плодотворной являлась его работа по вопросам противохимической обороны, им написан труд "Военно-санитарные основы противогазового дела" (1926).

Необходимо учесть, что как ученый Г.В. Хлопин сложился в дореволюционный период, поэтому его научные труды не в полной мере стоят на уровне требований социалистической эпохи. Так, например, совершенно нельзя согласиться с Г.В. Хлопиным в тех случаях, когда он говорит о проблемах евгеники, когда отрицает самостоятельное значение социальной гигиены / I4 /. Нельзя не упомянуть и о том, что отвечая в одной из анкет в 1919 г. на вопрос "Какое имущество имели до революции, что потеряли в результате революции?", - с нескрываемым раздражением отвечал: "Имел трудовые накопления, потерял все до копейки!" В то же самое время делал он очень многое для революции, для Красной Армии, для борьбы с голодом / I5 /.

Чтобы понять подобную позицию, следует вспомнить слова В.И. Ленина о старых специалистах, сказанные на VIII съезде партии в 1919 г.: "Эти люди привыкли к культурной работе. Они двигали ее в рамках буржуазного строя, то есть обогащали буржуазию огромными материальными преобразованиями, а для пролетариата уделяли их в ничтожных дозах. Но они все-таки двигали культуру, в этом состояла их профессия. Поскольку они видят, что рабочий класс выдвигает организованные передовые слои, которые не только ценят культуру, но и помогают проводить ее в массах, они меняют свое отношение к нам. Когда врач видит, что в борьбе с эпидемиями пролетариат поднимает самостоятельность трудящихся, он относится к нам уже совер-

шенно иначе"¹.

В числе сотрудников Г.В. Хлопина по Тарту был А.Ф. Никитин (1873-1965), закончивший здесь же университет с отличием в 1898 г. До этого, будучи с 1892 г. студентом Военно-медицинской академии, Никитин участвовал в революционном движении, работал в существовавшем в академии кружке марксистов, который в 1895 г. вошел в состав "Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса", организовывал рабочие кружки, собирал, хранил и распространял революционные издания и участвовал в сходках рабочих Невской заставы на квартирах рабочих-марксистов Н.Е. Меркулова и В.А. Шелтунова. В декабре 1895 г. А.Ф. Никитин был арестован, в течение 4 месяцев был узником Петропавловской крепости, а затем был выслан на 3 года в Архангельскую губернию под надзор полиции / 16 /.

В советские годы (с 1923 г.) профессор А.Ф. Никитин работал в Ленинграде, где в 1925-1931 гг. руководил кафедрой социальной гигиены Военно-медицинской академии. Его деятельность оказала определенное влияние на становление и развитие социальной гигиены в СССР в 20-е годы / 17 /.

В 1903 г. окончил Тартуский университет Н.И. Лепорокий (1877-1952). Затем он работал в лаборатории И.П. Павлова, где подготовил диссертацию "Материалы к физиологии условного торможения" (1911). Работая впоследствии приват-доцентом в Тарту при кафедре госпитальной терапии, он распространял здесь идеи И.П. Павлова. В дальнейшем с 1942 г. он возглавил госпитальную терапевтическую клинику Военно-морской медицинской академии, являлся действительным членом АМН СССР (с 1944 г.), заслуженным деятелем науки РСФСР (с 1944 г.), лауреатом государственной премии (1952) / 18, 19 /.

Среди врачей - выпускников медицинского факультета Тартуского университета, начинавших свое медицинское образование в Военно-медицинской академии, видное место принадлежит Н.А. Алексееву (1873-1972). Жизненный путь Героя Социалистического труда Н.А. Алексеева проходил под непосредственным воздействием В.И. Ленина. В 1899 г. студент Н.А. Алексеев был арестован и сослан в Вятскую губернию по делу "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". После побега из ссылки, с 1899 по 1905 г. он находился в эмиграции в Англии, где был членом "Заграничной лиги русской революционной социал-демократии", под руководством В.И. Ленина работал в ре-

¹ В.И. Ленин. Собр. соч., изд. 4-е, т. 29, с. 158.

дакции газеты "Искра" / 20 /. Со II съезда РСДРП Н.А. Алексеев большевик-ленинец, которым оставался и до конца своих дней. Он был на III съезде РСДРП, являлся его секретарем. В 1905 г. участвовал в революционных событиях в Петербурге. Партийная работа не только ослабила его любовь к медицине, "наоборот, стремление к ней стало более зрелым, осознанным. Я понимал, что эта профессия даст мне возможность быть в гуще людей" / 21 /. В 1910 г. Н.А. Алексеев с отличием закончил медицинский факультет Тартуского университета / 22 /.

В 1915 г. он был мобилизован в армию и был военным врачом до Октябрьской революции. В годы гражданской войны Н.А. Алексеев активный борец за становление Советской власти в Сибири. В феврале 1922 г. по указанию В.И. Ленина он был отозван на работу в Москву. В некрологе, подписанном руководителями КПСС, указывается: "На всех участках работы, куда посылала его партия, Николай Александрович отличался исключительной скромностью, трудолюбием, чувством высокой ответственности на порученное дело. Всей своей деятельностью он оправдал данную В.И. Лениным характеристику как очень образованного марксиста, большевика и замечательно добросовестного к исполнению своего долга товарища" / 23 /.

В конце XIX и начале XX столетий в Эстонии все больше сказывалось влияние русских медицинских школ. Особенно крупную роль в развитии медицинской науки и медицинского образования в Тартуском университете сыграла Военно-медицинская академия, ряд воспитанников которой был профессорами в Тартуском университете. В это время Военно-медицинская академия стала крупным центром медицинской науки. В ней работали выдающиеся ученые И.П. Павлов, С.П. Федоров, Н.П. Кравков, В.Н. Шевкуненко, В.Н. Тонков и др.

Так, выпускник Военно-медицинской академии 1882 г. В.А. Афанасьев (1859-1942) был профессором кафедры общей патологии и патологической анатомии и неоднократно деканом медицинского факультета в Тартуском университете с 1894 по 1918 гг. Затем он работал в Воронеже и стал видным советским патологоанатомом / 24, 25 /. Кафедрой физиологии заведовал в 1896-1917 гг. профессор В.П. Курчинский, также выпускник Военно-медицинской академии 1882 г. / 24 /. В 1917 г. на эту должность был избран ученик и ближайший сотрудник И.П. Павлова Л. Орбели, который, однако, не прибыл на место. С 1904 г. кафедрой гигиены в Тартуском университете заведовал Е.А. Ше-

пилевский, также воспитанник (окончил в 1881 г.) и приват-доцент Военно-медицинской академии. Он начал в Тарту с 1908 г., наряду с гигиеной, преподавать также систематический курс бактериологии. В 1918 г. он уехал в Воронеж, где умер в 1920 г. В 1913 г. приват-доцентом по кафедре гигиены и бактериологии Тартуского университета состоял Н.Ф. Гамаля, также воспитанник Военно-медицинской академии, впоследствии выдающийся советский микробиолог и эпидемиолог / 26 /.

Еще в 1878 г. закончил Медико-хирургическую академию В.Ф. Чиж, в 1886 г. там же получил звание приват-доцента. Он был в 1891 г. назначен ординарным профессором Тартуского университета по кафедре нервных и душевных болезней, где работал до 1916 г. / 24 /. Затем экстраординарным и в 1918 г. ординарным профессором этой кафедры был избран А.И. Ющенко (1869-1936), ученик В.М. Бехтерева и И.П. Павлова, один из основоположников биохимического направления в психиатрии, являвшийся автором свыше 120 научных работ. Впоследствии работал в Воронеже, стал известным советским психиатром и действительным членом АН Украинской ССР / 27 /.

Воспитанником Медико-хирургической академии (окончил в 1877 г.) был Н.К. Чермак (1856-1903). Он занимался гистологией у профессора Военно-медицинской академии Ф.Н. Заварыкина, получил затем звание приват-доцента, а в 1896 г. был назначен профессором на кафедру эмбриологии, гистологии и сравнительной анатомии в Тартуский университет, которой руководил до 1902 г. (умер в 1903 г. в Саратове). Его преемниками по этой кафедре в Тарту были также воспитанники Военно-медицинской академии П.А. Поляков (с 1902 по 1911 г.), автор оригинального учебника по гистологии и эмбриологии, и В.Я. Рубашкин (с 1911 по 1917 г.), занимавшийся до этого в физиологической лаборатории И.П. Павлова и гистологической лаборатории А.А. Максимова в Военно-медицинской академии / 28 /.

В 1902-1918 гг. кафедрой фармакологии в Тарту заведовал Д.М. Лавров, воспитанник и приват-доцент Военно-медицинской академии, ученик известных отечественных биохимиков А.Я. Данилевского и М.В. Ненцкого. Выпускник Военно-медицинской академии 1889 г. А.И. Яроцкий состоял в 1904-1918 г. профессором в Тарту, вначале кафедры госпитальной, а затем факультетской терапии. Здесь он предложил диету, известную как "диету Яроцкого", участвовал в составлении проектов новых госпитальных клиник на поле Маарьямяйза /19, 29/.

В историю мировой и отечественной нейрохирургии вошел день, когда в клинике нервных и душевных болезней Военно-медицинской академии, руководимой В.М. Бехтеревым, впервые в истории медицинской практики была создана операционная для хирургического лечения заболеваний нервной системы. Первым в России нейрохирургом стал ученик Бехтерева Л.М. Пууссеп, невропатолог и хирург. В 1912 г. он организовал в Петербурге первую нейрохирургическую клинику. В 1915 г. эта клиника, руководимая Л.М. Пууссепом, была превращена в "госпиталь для нервнораненных имени Н.И. Пирогова". Стремление Л.М. Пууссеп к изучению вопросов, связанных с нейрохирургией, проявилось уже в студенческие годы. Будучи студентом IV курса Военно-медицинской академии, он на кафедре академика В.М. Бехтерева провел экспериментальную работу ("Изменения спинного мозга при сдавлении брюшной аорты"), за которую получил золотую медаль. С первых дней врачебной деятельности он занимался в клинике В.М. Бехтерева, проводя экспериментальные работы. Л.М. Пууссеп часто печатал свои работы и выступал с докладами перед русскими невропатологами, а также и за рубежом — в Париже (о светолечении), в Мадриде (об "одревенелости позвоночника" или болезни Бехтерева). Л.М. Пууссепу пришлось участвовать в русско-японской войне 1904-1905 гг., по окончании которой он вернулся в клинику своего учителя В.М. Бехтерева, начав систематически оперировать, накапливая нейрохирургический опыт. От трепанирования при черепномозговых повреждениях, от операций при эпилепсии и водянке головного мозга он перешел к более сложным внутричерепным вмешательствам на гассеровом узле, по поводу опухолей мозга, на задней черепной ямке, на гипофизе и др. / 30 /. В 1917 г. он издал первое руководство по хирургической невропатологии на русском языке. Впоследствии Л.М. Пууссеп организовал клинику нервных болезней в Тартуском университете и руководил кафедрой невропатологии (с 1920 по 1942 г.), он создал научную школу невропатологов и нейрохирургов в Эстонии / 31 /.

Учеником основателя русской отологии Н.П. Симановского, профессора кафедры ушных, носовых и горловых болезней Военно-медицинской академии был Э. Сааресте, впоследствии профессор оториноларингологии в Тартуском университете, в результате чего традиции школы Симановского были перенесены также в Тарту.

В советские годы в Военно-медицинской академии училось не-

мало уроженцев Эстонии, ставших впоследствии военными врачами, участниками Великой Отечественной войны, в частности организаторами советского здравоохранения в Эстонии. Это А. Нордберг, В. Побус, А. Вилл и др. В числе сотрудников академии и в настоящее время имеются выпускники медицинского факультета Тартуского университета.

Л и т е р а т у р а

1. Е.Н. Павловский И. Академик К.М. Бар и Медико-хирургическая академия. Изд. АН СССР. М.-Л., 1948.
2. Н.И. Пирогов. Собрание сочинений в восьми томах, т. I. М., 1957, 22.
3. В.В. Калнин. Из истории медицины, т. У. Рига, 1963, 183-193.
4. С.М. Багдасарьян. Очерки истории высшего медицинского образования. К истории Военно-медицинской академии. М., 1959, 48-50, 79.
5. Н.И. Пирогов. Севастопольские письма и воспоминания. Изд. АН СССР. М., 1950.
6. А.И. Куценко. Исторический очерк кафедры академической терапевтической клиники. СПб., 1899, 59-60.
7. Э.Г. Кяэр-Кингисеп. Материалы У конференции по истории науки в Прибалтике. Тарту, 1964, 124-126.
8. И.Ф. Змеев. Русские врачи писатели, вып. I. С.-Петербург, 1886, II, 151.
9. Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1899, 212.
10. Э.Э. Мартинсон. Исторические связи Тартуского (б. Юрьевского) университета с русской наукой. Таллин, 1951, 60-61.
11. А.Н. Хазанов. Из истории медицины, т. У. Рига, 1965, 299-300.
12. Б. Егоров. Ученые записки Тартуского госуниверситета, вып. 87. Тарту, 1960, 136-145.
13. БМЭ, изд. 2-е, т. I6, 815-816.
14. П. Ласточкин. Хлопин Г.В. Энциклопедический словарь военной медицины, т. У. М., 1948, 905-909.

15. Цит. по книге В.С. Ильичева и Г.М. Васильева "Воспитанники академии в боях за Советскую Родину", Л., 1968, 7.
16. К.И. Гурвич. Советское здравоохранение, 1969, 3, 64-68.
17. Е.Я. Белицкая. Советское здравоохранение, 1972, 5, 85-89.
18. БМЭ, изд. 2-е т. 15, 878.
19. В.В. Калнин. Материалы конференции Тартуской республиканской клинической больницы, I. Тарту, 1969, 5-14.
20. А.Ф. Бережной, С.В. Смирнов. Бойцы революции - сотрудники большевистской печати. Библиографический справочник. Л., 1969, 21.
21. Н.А. Алексеев. Незабываемые годы. "Здоровье", 1957, 6, 17.
22. В.В. Калнин. 4-ая Всесоюзная историко-медицинская конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. М., 1972, 185.
23. "Правда" от 18 мая 1972 г., № 139.
24. Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского университета, т. II. Под редакцией Г.В. Левицкого. Юрьев, 1903.
25. БМЭ, изд. 2-е т. 2, 1195-1196.
26. В.В. Калнин. Развитие гигиенической науки в Тартуском (б. Дерптском, Юрьевском) университете (1802-1917 гг.). Автореферат канд. дисс. Тарту, 1972.
27. БМЭ, изд. 2-е, т. 33, 932.
28. П.Э. Аренд, В.В. Калнин. Тканевая биология. Материалы второго республиканского совещания 1-2 июня 1976 г. Тарту, 1976, 5-10.
29. БМЭ, изд. 2-е т. 35, 1198.
30. Н.И. Миронович. Краткий очерк развития отечественной нейрохирургии. М., 1964, 53-55.
31. Э.И. Раудам. Материалы У конференции по истории науки в Прибалтике. Тарту, 1964, 144-147.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ОБЩЕСТВА ИМЕНИ Н.И. ПИРОГОВА ПРИ ЮРЬЕВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1908-1918)

В.В. Калнин, А.О. Лойт

В 1899 г. декан медицинского факультета Юрьевского университета А.С. Игнатовский внес предложение об учреждении медицинского общества в Юрьеве. Это предложение записано в протокол заседания медицинского факультета от 5 апреля 1899 г. за № 126 / I /. Для выработки проекта устава была создана комиссия в составе А.С. Игнатовского, А.А. Муратова и С.И. Чирвинского, которая приступила к выработке проекта устава, но вскоре ее деятельность прекратилась.

Как отмечает С.Д. Михнов / 2 /, в это время было мало надежд на то, что русское медицинское общество может успешно функционировать в Юрьеве: русских профессоров и ассистентов было на медицинском факультете мало и некоторая часть преподавателей университета смотрела на свое пребывание в Юрьеве лишь как на временное, переходное состояние и стремилась перейти в другие университеты.

Дальнейшим толчком к созданию общества была попытка работающих в учреждениях университета ассистентов учредить общество для взаимного обмена мнений по научным вопросам.

В мае 1903 года И.И. Широкогоровым и И.В. Георгиевским было созвано учредительное собрание всех ассистентов медицинского факультета для обсуждения вопроса об учреждении общества. На этом совещании было решено организовать медицинское общество с участием профессоров университета и всех врачей города Юрьева.

В дальнейшем развитии дела главнейшая роль принадлежала, несомненно, проф. М.И. Ростовцеву: переговоры с товарищами, организация заседаний, составление проектов, ходатайства об учреждении устава.

В течение 1907 года состоялось три учредительных заседания общества.

Первое учредительное заседание состоялось 4 апреля 1907 года в зале заседаний Совета университета. Председателем собрания единогласно был избран проф. М.И. Ростовцев. По его предложению, необходимость учреждения в Юрьеве ученого медицинского общества была признана единогласно, и решено было

назвать общество имени Н.И. Пирогова.

Для выработки проекта устава была избрана комиссия в составе: М.И. Ростовцева, С.Д. Михнова, А.С. Игнатовского, А.И. Яроцкого и К.К. Летис.

На втором (II апреля 1907 г.) и третьем (23 сентября 1907 г.) учредительных собраниях обсуждался проект устава общества. Устав общества был утвержден заместителем министра народного образования 21 июня 1908 г. / 3 /.

21 октября 1908 года состоялось первое заседание "Медицинского общества имени Н.И. Пирогова при Юрьевском университете". На этом заседании общества присутствовало 17 членов-учредителей. Был прочитан устав общества, вынесено решение считать членами-учредителями всех, принимавших участие хотя бы в одном из учредительных заседаний, произведенны выборы в правление общества. Избранными оказались: председателем М.И. Ростовцев, товарищем председателя С.Д. Михнов, секретарем И.И. Широкогоров, казначеем В.Н. Воронов и библиотекарем Н.И. Лепорский / 4 /. В дальнейшем состав правления почти ежегодно переизбирался. Председателями общества были В.А. Афанасьев, Е.А. Шепиловский, С.Д. Михнов, А.И. Яроцкий и др.

В числе 41 члена-учредителя было 14 профессоров и 8 приват-доцентов университета, 5 докторов медицины, 2 преподавателя Ветеринарного института, 1 магистр университета, 1 провизор и 10 практических врачей, среди них и первая эстонская женщина-врач З.Н. Фельдбах.

Согласно уставу, членами общества могли быть врачи, ветеринарные врачи и фармацевты.

Общество учреждалось с целью разработки вопросов всех отраслей научной, практической и общественной медицины.

Для достижения этой цели общество устраивает заседания, на которых членами его, а также, с разрешения председателя, посторонними лицами делаются научные доклады, демонстрируются больные, препараты, инструменты, аппараты и т.п. / 5 /.

Первое заседание общества, где были заслушаны научные доклады, состоялось 5 ноября 1908 г., присутствовал 31 член общества. На этом заседании интересный доклад сделал Н.Н. Бурденко "О Н.И. Пирогове с исторической точки зрения" / 6 /.

Во время заседаний, которые совпали с датами рождения и смерти Н.И. Пирогова были заслушаны доклады, связанные с деятельностью великого воспитанника университета: проф. Н.К.

Грунский "Педагогические взгляды Н.И. Пирогова" (23 ноября 1908 г.), Е.В. Петухов "Из переписки Н.И. Пирогова с баронессой Э.Ф. Раден" (23 ноября 1909 г.), Н.Н. Бурденко "Краткий биографический очерк Н.И. Пирогова и его значение в хирургии", проф. В.А. Афанасьев "Из дерптской жизни Н.И. Пирогова" (27 октября 1910 г.).

На торжественном заседании общества, посвященном 100-й годовщине рождения Н.И. Пирогова, было решено организовать сбор пожертвований на сооружение в Юрьеве памятника Н.И. Пирогову и на учреждение при Юрьевском университете стипендий его имени. Проф. М.И. Ростовцевым был предложен сбор хирургических инструментов для устройства музея имени Н.И. Пирогова; собрать труды и портреты Н.И. Пирогова, издать почтовую карточку с изображением домов, в которых жил Н.И. Пирогов в свою бытность в Юрьеве, установить мемориальную доску на доме, в котором Н.И. Пирогов жил в первый год своего пребывания в Юрьеве; Карловскую улицу переименовать в Пироговскую / 7 /.

Для празднования 100-й годовщины рождения Н.И. Пирогова была создана также общеуниверситетская комиссия во главе с ректором В. Алексеевым. Комиссия сочла необходимым назвать первую по времени строящуюся хирургическую клинику клиникой имени Н.И. Пирогова и в этой клинике устроить музей имени Н.И. Пирогова, в котором собрать предметы, связанные с жизнью и деятельностью Н.И. Пирогова в Дерпте / 8 /. Карловская улица с разрешения Юрьевского городского управления в сентябре 1911 г. действительно была переименована в Пироговскую, а на доме № 2 по Соляной улице прикреплена доска с надписью "В этом доме жил Николай Иванович Пирогов в 1828 году" / 9 /. Доска была изготовлена из белого мрамора в мастерской Леста / 10 /. 27 июля 1911 г. царь дал разрешение провести всероссийский сбор для сооружения памятника Н.И. Пирогову в Юрьеве. До 1 мая 1913 г., по составленному профессором В.А. Афанасьевым отчету, общая сумма сбора составляла 1472 рубля и 25 копеек / 11 /. Уже к концу 1911 г. медицинское общество получило три ящика с инструментами и аппаратами, пожертвованными Военно-медицинской Академией для проектируемого музея Н.И. Пирогова в Юрьеве. Заведывание коллекцией инструментов было поручено Н.Н. Бурденко / 12 /.

За первые два года медицинским обществом было проведено 22 заседания. На каждом заседании заслушивались 2-3 доклада,

присутствовали 16-38 членов общества и много гостей, в прениях выступало 3-9 человек, особенно оживленные прения отмечались на втором году работы общества. 27 ноября 1910 г. в обществе числилось уже 60 действительных членов / 13 /.

Научные заседания проходили в актовом зале университета или в аудитории новоанатомического здания и госпитальной клиники. Большая посещаемость и активность в обсуждении вопросов свидетельствует о большом интересе к поставленным вопросам и актуальности рассматриваемых проблем.

Актовый зал университета, где происходили открытые заседания общества, был почти всегда переполнен, в основном студентами. Очевидно это, а также высказываемые передовые идеи на заседаниях общества стали причиной недоверия к нему царских властей. Обществу пришлось пересмотреть пункт устава в отношении открытых заседаний / 14 /, извещать в дальнейшем полицию об изменении состава правления и о повестке дня предстоящих собраний общества / 15 /. В архиве имеется письмо Юрьевского полицмейстера ректору университета, в котором одно публичное заседание медицинского общества было даже запрещено под предлогом, что оно будто бы "угрожает общественному покою и безопасности" / 16 /.

На заседаниях регулярно обсуждались результаты экспериментальных исследований и клинические вопросы, демонстрировались новые приборы, методы исследования.

Интересные материалы в своем докладе привел П.Т. Каргин (15 июня 1909 г.) "Форма и распространение кровяных брызг при убийствах" / 17 /. Опыты были проведены на овечьих головках, кроликах. Как указывал проф. А.С. Игнатовский, ко времени проведения работы, имеющей большое значение для судебной медицины, ни в иностранной, ни в русской литературе не имеется сведений по этому вопросу.

На заседаниях общества Н.Н. Бурденко докладывал о своих первых клинико-экспериментальных работах, посвященных физиологии поджелудочной железы и желудка; проф. А.И. Яроцкий высказался в пользу психотерапии, предложил диету при язве желудка, которая приобрела известность как "диета Яроцкого"; проф. С.Д. Михнов предложил оригинальную теорию механизма родов и т.д.

На 58-м заседании общества 5 февраля 1914 г. С.С. Ружичкий демонстрировал коллекцию рентгеновских снимков госпитальной терапевтической клиники. Были показаны снимки легких

в различных стадиях туберкулезного процесса, сердца и желудочно-кишечного тракта. В прениях проф. А.И. Яроцкий, Д.М. Лавров и Е.А. Шепиловский подчеркнули важность и необходимость этого исследования / 18 /.

На этом же заседании Н.И. Лепорский демонстрировал присутствующим электрокардиограф и электрокардиограммы / 19 /.

Н.И. Лепорский излагал теоретические основы электрокардиографии и принципы устройства электрокардиографов, продемонстрировал аппарат, показал как снимаются электрокардиограммы, изложил значение отдельных волн на кривых и указал на клинический интерес этого нового способа исследования.

Многие сомневались в перспективности метода электрокардиографии в клинике.

На 60-м заседании (12 марта 1914 г.) Н.И. Лепорский сделал новое сообщение "К вопросу о фибрилляции предсердий при полном сердечном блоке" / 20 /. Докладчик наблюдал в госпитальной терапевтической клинике случай чрезвычайно редкого и сложного расстройства сердечной деятельности, правильное понимание которого было изложено лишь благодаря использованию в исследованиях электрокардиографа.

Подробный анализ этих кривых дан в оригинальной работе, помещенной в журнале "Русский Врач".

На заседаниях обсуждались и вопросы общественной медицины, в частности вопросы улучшения санитарного состояния города Юрьева (С.Д. Михнов, 1 февраля 1912 г.) и контроля над деятельностью аптек. Ряд докладов был посвящен вопросам эпидемиологии. Проф. Е.А. Шепиловский 24 октября 1909 г. сделал сообщение о водяном происхождении холерных эпидемий, а проф. К.К. Дегио (23 ноября 1909 г.) о путях распространения проказы / 21 /.

3 марта 1910 г. Г.В. Колосов сделал на обществе сообщение, текст которого, к сожалению, не представлен в материалах общества: "Применение математического анализа в обработке статистических данных по оспопрививанию" / 22 /. Данный доклад вызвал оживленные прения. В защиту высказанных предложений выступил проф. А.И. Яроцкий, который указал, что формулы, выведенные из анализа эпидемий, позволяют на небольшом количестве данных построить большие выводы, например, на основании появления первичных случаев заболевания предугадать развитие эпидемии в данной местности; указал на важность для медицины математического анализа; по формуле кривой, напри-

мер, можно не только предсказать характер эпидемии, но и решить вопрос, какой из факторов данной эпидемии имеет наибольшее значение.

Некоторые из присутствующих указывали, что применение математики в медицине далеко еще не определено.

К.К. Дегно (1 февраля 1912 г.) сделал сообщение об определении кровяного давления по Короткову. Данный доклад вызвал оживленные прения.

Приват-доцент А.К. Пальдрок очень часто демонстрировал присутствующим больных с различными кожными поражениями.

Уделялось внимание постановке преподавания на медицинском факультете. В этом плане заслуживает внимания доклад проф. Б.И. Срезневского "Об университетском преподавании физики и метеорологии". (23 февраля 1911 г.). Автореферат доклада приведен в протоколах общества / 23 /.

В повестке дня были сообщения о съездах, конгрессах, в которых принимали участие преподаватели Юрьевского университета.

Часто на заседаниях общества выступали с интересными докладами студенты медицинского факультета, выполнившие свои работы в основном в институтах фармакологии и гигиены, также докладывались случаи из клинической практики.

Студент Т.Г. Спандуняц доложил о результатах своей работы по вопросу обезвреживания кураре в животном организме / 24 /. Естественный желудочный сок, использованный в модельных опытах, автор получил из Института экспериментальной медицины и из Военно-Медицинской Академии.

С клиническими докладами выступали студенты А.В. Попов (7 апреля 1910 г.) и А.А. Барон (31 марта 1910 г.). Вольнослушательница Р.И. Айзенберг (9 февраля 1911 г.) демонстрировала случай монголизма у ребенка из практики Детской амбулатории Юрьевского университета.

Интересное сообщение сделал студент И.П. Дмитриев (13 октября 1910 г.) о внутривенном гедоналовом наркозе / 25 /. Он сделал анализ 370 случаев наркоза, из них 30 по личным наблюдениям. И.П. Дмитриев наблюдал за гедоналовым наркозом во время летней практики в хирургическом отделении Кронштадтского морского госпиталя. Этот вид наркоза впервые был предложен фармакологом Кравковым и применен в клинике Федорова Военно-Медицинской Академии в 1909 году.

Сообщение студента Н.А. Гогниева (23 ноября 1911 г.) о-

ло посвящено медико-географическому описанию в настоящее время известного курорта: "Боровое" Акимовской области, как климато-терапевтическая и бальнеологическая станция" / 26 /.

Из числа активно участвовавших в работе общества профессоров и преподавателей вышел целый ряд известных советских ученых (Н.Н. Бурденко, Н.И. Лепорский, В.А. Афанасьев, А.И. Ющенко, А.С. Игнатовский, И.И. Широкогоров, С.Д. Михнов, Д.М. Лавров и др.). Активными членами общества были и принимали участие в его работе также и многие врачи-эстонцы (А. Пальдрок, Х. Коппель, М. Вильберг, Г. Куль, первая эстонская врач-женщина З. Фельдбах и др.). Кроме З. Фельдбах, в члены общества были приняты также женщины-врачи А.Р. Лепорская (в 1915-1916 г. была казначеем общества), М.Е. Бах, М.Д. Синекова, А.И. Широкогорова, К.Н. Безаницкая. Последняя совместно с приват-доцентом Э.Э. Мазингом сделала на заседании общества (23 апреля 1914 г.) сообщение "О неспецифическом гемолизе" / 27 /. В последний год работы общества в члены вступили женщины-врачи П.И. Денисова-Сущевская и А.М. Пиневиц-Десницкая.

Новых членов общества должны были рекомендовать 3 члена, а на следующем заседании они избирались тайным голосованием большинством голосов. В 1914 году насчитывалось в обществе 95 действительных членов / 28 /.

Устав общества предусматривал также избрания почетных членов общества, известных своими учеными трудами в области медицинских наук или оказавших важные услуги обществу.

Почетные члены избирались на годичном заседании общества по предложению 4-х действительных членов общества, большинством 3/4 голосов присутствующих членов общества.

О передовой ориентации и связях медицинского общества имени Н.И. Пирогова с другими научными центрами России свидетельствует избрание почетными членами общества таких выдающихся деятелей отечественной медицины, как академики И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, Г.Е. Рейн, профессора И.И. Мечников, Н.Н. Феноменов, В.В. Подвысоцкий, И.М. Догель. При этом в отношении И.П. Павлова собрание от 27 октября 1910 года постановило в виде исключения произвести выборы без предварительного предложения о том на предыдущем заседании / 29 /.

Медицинское общество имени Н.И. Пирогова издавало свои "Труды и протоколы", в которых печатались научные доклады, авторефераты и протоколы заседаний общества. Материалы неко-

Труды и протоколы застѣданій
Медицинскаго Общества

имени И. И. Пирогова

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ.

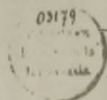
Годъ I-ый.

(Съ 21 окт. 1908 г. до 21 окт. 1909 г.)

подъ редакціей

проф. С. Д. Михнова.

Съ 1 руб. въ томбъ и 1 экземпляръ отдѣльно.

Юрьевъ.

Типографія К. Матвѣева.

1910.

Труды и протоколы застѣданій
Медицинскаго Общества

имени И. И. Пирогова

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ.

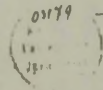
Годъ II-ой.

(Съ 21 окт. 1911 г. до 21 окт. 1912 г.)

Подъ редакціей

проф. С. Д. Михнова.

Съ 1 руб. въ томбъ, съ 3 экземпляра отдѣльно и съ 1 экземпляромъ.

Юрьевъ.

Типографія К. Матвѣева.

1912.

Титульные листы изданий Медицинскаго общества
им. Н.И. Пирогова при Тартускомъ университетѣ.

торых докладов печатались в журналах и "Ученых записках Юрьевского Университета". В течение 1910-1917 годов вышло семь томов трудов общества, редактором которых был С.Д. Михнов. Для издания трудов общество получало ежегодную субсидию в размере 400 рублей из специальных средств университета. По ходатайству общества министерством народного образования было разрешено, начиная с 1913 года отпускать для издания трудов общества еще 600 рублей из штатных сумм / 30 /.

В годы первой мировой войны деятельность общества прекратилась.

Медицинское общество имени Н.И. Пирогова при Юрьевском университете являлось одним из наиболее крупных и активных обществ Эстонии в начале XX в. Научная деятельность общества протекала под доминирующим влиянием выдающихся русских ученых. Этим общество способствовало поднятию уровня теоретической и практической медицины в Эстонии.

Л и т е р а т у р а

1. Труды и протоколы Медицинского общества имени Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 1-й. Юрьев, 1910, I-III.
2. Там же, У-VI.
3. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, ед. хр. 413, л. 23
4. Труды и протоколы Медицинского общества имени Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год I-й. Юрьев, 1910, 53.
5. Там же, 83-87.
6. Там же, 3-14.
7. Там же, Год 2-й. Юрьев, 1911, 259-260.
8. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, ед. хр. 413, л. 56.
9. Там же, оп. 4, ед. хр. 1380, л. 127-128.
10. Там же, оп. 5, ед. хр. 1813, л. 8-10.
11. Там же, оп. 4, ед. хр. 1380, л. 125, 138-139.
12. Труды и протоколы Медицинского общества имени Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 4-й. Юрьев, 1913. Протокол № 39.
13. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, ед. хр. 1380, л. 105-112.
14. Там же, л. 96 и 117.
15. Там же, л. 90 и 99.

16. Там же, л. 101.
17. Труды и протоколы Медицинского общества имени Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 1-й. Юрьев, 1910, 72.
18. Там же. Год 6-й. Юрьев, 1915, 250.
19. Там же. 251.
20. Там же. 260-261.
21. См. В.В. Калнин. Вопросы санитарного дела и эпидемиологии в деятельности Медицинского общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. - Материалы республиканского съезда эпидемиологов, микробиологов, инфекционистов и гигиенистов. Таллин, 1965, II-13.
22. Труды и протоколы Медицинского общества имени Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 2-й. Юрьев, 1911, 286-287.
23. Там же. Год 3-й. Юрьев, 1912, 276-283.
24. Там же. Год 2-й. Юрьев, 1911, 55-152.
25. Там же. Год 3-й. Юрьев, 1912, 183-198.
26. Там же. Год 4-й. Юрьев, 1913, 171-190.
27. Там же. Год 6-й. Юрьев, 1915, 265-266.
28. Там же. 269-273.
29. Там же. Год 3-й. Юрьев, 1912, 256.
30. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, ед.хр. 1380, л. 131; оп. 5, ед.хр. 1813, л. 1, 15, 29, 34-37.

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНЫ В ЛАТВИИ

А.А. Вискна

Тартуский университет на протяжении длительного периода времени играл важную роль как в подготовке медицинских кадров, так и в развитии медицинской науки в Латвии. Обширность данной проблемы позволяет в данной статье осветить лишь некоторые аспекты вопроса.

В первый период деятельности университета в Дерпте и Пернове (1632-1710) преподавание медицины находилось на весьма низком уровне. Некоторые, хотя и довольно скудные, успехи медицинской науки и практики все же следует отметить, особенно по сравнению с уровнем деятельности цеховых медиков.

В этот период трудно указать на какое-то ощутимое влияние Дерптского медицинского факультета на развитие медицины в Латвии. Но все же следует отметить, что два профессора медицинского факультета кратковременно работали в Латвии: И. Белов (1601-1668) и Л. Браун (1657-1730) /5, 8/. Среди воспитанников университета, работавших в Латвии, были известный шведский естествоиспытатель и врач У.Э. Иерне (1641-1724), врач и аптекарь Н. Мартини (1678-1741), аптекарь П. Кнолл (1670-1743) и, вероятно, еще некоторые другие.

Единственным латышом, который в этот период учился в Дерпте, был Я. Рейтер (около 1632-1680). В 1650-1654 годах он изучал теологию, как пастор выделялся вольнодумством, прожил пеструю приключенческую жизнь, в Германии получил звание доктора медицины и во Франции профессора приспруденции; известен также как литератор.

Вновь основанный в 1802 году Дерптский университет сыграл важную роль в развитии медицины в Латвии. Здесь следует согласиться с мнением Я.П. Страдыня, который указывает, что "Дерптский университет до самой Октябрьской революции играл заметную роль в интеллектуальной жизни всех трех балтийских губерний - Лифляндии, Курляндии и Эстляндии, и поэтому в равной степени может считаться научным центром как Латвии, так и Эстонии" / 7 /.

Многие профессора и преподаватели медицинского факультета Дерптского университета были уроженцами Латвии. Среди них физиолог Ф. Биддер (1810-1894), химики Д.Г. Гриндель (1776-1836), К. Шмидт (1822-1894), хирурги Э. Бергман (1836-1907), Ю.К. Шимановский (1829-1868), К.К. Рейер (1846-1890), Р. Ванах (1862-1931), терапевты Г. Замен (1789-1848), И.Ф.Эрдман (1809-1858), В. Вейрих (1819-1876), гинеколог П. Вальтер (1795-1874), фармаколог О. Шмидеберг (1838-1921), патолог А. Бётхер (1831-1889), анатомы Э. Рейснер (1824-1878), К. Купфер (1829-1902), Л. Стида (1837-1918), Г. Адольфи (1863-1919), а также многие другие / 4, 14, 20 /.

О влиянии медицинского факультета Дерптского университета на развитие медицины в Латвии свидетельствует то, что в конце XIX века свыше трех четвертей врачей Латвии, почти все ведущие специалисты данного периода, ученые-медики и медицинские администраторы, были его воспитанниками.

Научно-медицинским центром Риги было основанное в 1822 году Общество практических врачей, а к концу XIX века воз-

ники и некоторые другие медицинские общества. Среди основоположников Общества практических врачей были известные врачи Б. Беренс (1795–1863), К. Вильперт (1778–1839) и Э. Мерклин (1792–1873). Б. Беренс совместно с Х. Шварпом (1809–1859) в январе 1847 года осуществил первые опыты с эфирным наркозом в Риге; кроме того, Б. Беренс был известен своими трудами по офтальмологии, а также как медицинский администратор.

Большинство ведущих специалистов работало в Рижской больнице для бедных (позже – I-я Рижская городская клиника – клиническая больница). Среди них хирурги О. Энгельгардт (1819–1870), А. Бергман (1855–1922), терапевты П. Хампельн (1843–1927), К. Дойбнер (1856–1919), К. Хах (1881–1964), первый невропатолог Латвии В. Хольст (1839–1904), оториноларинголог Ф. Фос (1855–1924), гинеколог А. Кейльман (1863–1919), который при больнице в 1902 году организовал школу акушеров (ныне – I-ое Рижское медицинское училище), и другие.

В других медицинских учреждениях Риги работали А. Хакен (1833–1888), который в 1862 году изобрел уретроскоп, психиатры Г. Брутцер (1834–1883) и Т. Тилинг (1842–1913), офтальмолог Х. Криденер (1864–1932), первый детский хирург Латвии П. Клемм (1861–1921) и другие. В марте 1843 года в Риге одно из первых ортопедических учреждений в стране открыл Г. Магнус (1800–1861); из других ортопедов следует отметить О. Тило (1848–1917), который разработал оригинальный метод лечебной физкультуры, а также И. Брензона (1854–1929), Р. Зенгбуша (1869–1944) и К. Зарфельса (1881–1920) / 9, 12, 13, 14, 15, 19 /.

Воспитанниками Дерптского университета было и большинство фармацевтов Латвии соответствующего периода. С Дерптом больше десяти лет был связан крупный химик и фармацевт Д.Г. Гриндель (1776–1836), который в 1810–1812 годах был ректором университета. Д.Г. Гриндель в 1803 году организовал Рижское химико-фармацевтическое общество и начал издавать химико-фармацевтический журнал. Оба эти начинания были прерваны в стране.

Из более известных врачей и фармацевтов, работавших в других городах Латвии, следует указать на елгавских врачей: И.Г. Флейшера (1797–1838), получившего известность исследованиями по ботанике, Т. Дитериха (1811–1892), автора многих популярно-медицинских книг на латышском языке; друга Л. Бетховена врача К. Бурси (1791–1870), а также на липайского

офтальмолога Г. Ишрейта (1868-1941) и даугавпилсского фармацевта М. Кубли. (1836-1919).

Воспитанниками Дерптского университета были также первые историки медицины Латвии О. Хомзе (1832-1890), Г. Отто (1843-1917), И. Брензон (1854-1929) и А. Рафель (1866-1919).

Для изучения истории медицины Латвии особенно важным является вопрос, какое влияние Дерптский университет оказал на формирование национальных медицинских кадров. Здесь следует отметить, что в начальный период деятельности университета латышам-латышам было трудно попасть туда. Им пришлось вести трудную борьбу, чтобы опровергнуть утверждение о неспособности коренных жителей Прибалтики к научному творчеству. Центром высшего медицинского образования для латышей Дерптский университет становится лишь во второй половине XIX века / I, 2 /.

Примерные подсчеты показывают, что на медицинском факультете Дерптского университета училось следующее количество латышей: 1802-1850 г. - II, 1851-1880 г. - 68, 1881-1900 г. - 262, 1901-1918 г. - 338.

Первым латышом, который учился на медицинском факультете Дерптского университета, был К. Крауклинь (1792-1873). В Дерпте он учился в 1814 году, потом продолжал учебу в Германии, занимаясь философией и историей литературы. Жизнь К. Крауклиня протекала в Дрездене, где он был библиотекарем королевской библиотеки и директором музея истории; он был близко знаком с И.В. Гете.

Из выпускников первого пятидесятилетия университета следует указать на Ю. Бара (1808-1879), который, наряду с врачебной деятельностью, получил известность как литератор и первый языковед-латыш. Он разработал новую орфографию латышского языка, характеризовал интонации, первым начал переводить русских писателей на латышский язык.

Если до середины прошлого века большинство латышских врачей были подвергнуты онемечиванию, то потом, в связи с движением младолатышей, которое отражало интересы развивающейся национальной буржуазии и способствовало развитию латышской культуры, начинает формироваться латышская медицинская интеллигенция. Из наиболее популярных врачей этого периода, которые в основном работали в сельской местности, следует назвать Я. Юрьяна (1830-1879), К. Либиета (1846-1904), К. Блауа (1853-1906), А. Дирика (1855-1926), Г. Апиниса

(1859-1920) / 2 /.

В девяностых годах под влиянием нового течения, которое было идейным движением, связанным с рабочим движением и впервые сознательно развернувшим марксистскую пропаганду в Латвии, появляется ряд прогрессивных, революционных врачей. В формировании их мировоззрения большую роль сыграло научно-литературное общество ("Пипкалония") прогрессивных латышских студентов Дерптского университета, в рядах которого находились в основном студенты медицинского факультета. Среди них были А. Крумберг (1864-1897), один из основоположников КП Латвии Ф. Розиньш (1870-1919), Э. Бушевич (1871-1919) и другие / 3 /.

Младолатышское и особенно новотеченческое движение активно способствовало сближению русского и латышского народов. Поэтому все больше латышских студентов получали образование в Петербурге, Москве и других городах России. Удельный вес выпускников Дерптского университета среди медиков Латвии стал уменьшаться. По данным 1921 года среди врачей Латвии их было 65,8%, среди фармацевтов - 66,7% / 16 /.

Дерптскому университету принадлежит важная роль в развитии медицинской науки в Латвии. До Октябрьской революции звание доктора медицины там получило 45 латышей. Часть из них в стенах университета начали самостоятельную научную деятельность, часть работали в других научных центрах.

Научную работу в Дерптском университете начали первый латышский ученый-офтальмолог Я. Тальберг (1844-1884), первый ученый-хирург Ю. Калниньш (1848-1877), который работал под руководством Э. Бергмана, фармацевты К. Креслиньш (1860-1929), Я. Херталис (1858-1912) и другие /9, 18, 20/.

Организация центра высшего медицинского образования в Латвии в 1919 году уменьшало влияние Дерптского университета на развитие медицины в Латвии. С другой стороны, большинство профессоров и преподавателей медицинского факультета Латвийского университета образование получили в Дерпте, таким образом продолжая преемственность в научной работе.

Из заведующих кафедрами медицинского факультета Латвийского университета (с 1940 года - ЛПУ, с 1950 года - Рижского медицинского института), которые учились или работали в Дерпте, следует назвать хирургов Я.К. Дзирне (1861-?), Я.А. Алксниса (1870-1957), В.М. Минца (1872-1945), Я.Я. Янковско-го (1876-1925), Я.Я. Шульца (род. в 1885 г.), А.Ф. Лиепукал-

на (1892-1966), А.П. Биезиня (1897-1975), терапевтов М.Б. Зиле (1863-1945), Я.Е. Микельсона (1888-1952), офтальмологов Я.Ю. Руберта (1874-1934), Э.К. Янсона (1880-1946), патологов Э. Паукула (1872-1941), Р.Адельгейма (1881-1938), гинеколога Э.Я. Путныньша (1867-1962), биохимика Э.Е. Зариньша (1876-1947), гигиениста Э.А. Фермана (1872-1947), микробиолога А. М. Кирхенштейна (1872-1963), невропатолога Э.Я. Калныньша (1869-1949), психиатров Х.М. Будула (1882-1954), Г.А. Ротштейна (1904-1969), анатома Е.Е. Приманиса (1892-1971), дерматовенеролога П.М. Сникера (1875-1944), фармацевтов Я.Д. Кушиса (1871-1936), Э.Я. Свирловского (1874-1949), Я.К.Майзита (1883-1950). Они перенесли на Латвию лучшие научные традиции Дерптского университета /IО, II, I7/.

О том, что влияние Дерптского университета еще долгое время было ощутимо в медицинской жизни Латвии, свидетельствует тот, факт, что в 1939 году, спустя двадцать лет после организации медицинского факультета в Риге, в Латвии работало 284 выпускника Дерптского университета или 17,9% общего количества врачей / 6 /. Следует отметить еще целый ряд воспитанников Дерптского университета: фармацевта, участника революции 1905 года К. Пелекзирниса (1866-1906), убитого карательной экспедицией; организатора здравоохранения Я. Коса (1894-1941), которого расстреляли фашисты; врача-писателя Я. Лейниека (1876-1938), авторов многих популярно-медицинских книг П. Страутзелиса (1864-1940), Д. Матвея (1867-1924), популярных практических врачей Я. Пусбарниека (1877-1956), Т. Лаписса (1881-1962) и других. За пределами Латвии работали следующие профессора-латыши, воспитанники Дерптского университета: гинеколог Х. Томсон (1862-1933) - в Одессе, хирург Р. Ванах (1862-1931) - в Тарту, микробиолог А. Озол (род. в 1891 г.) - в Казани. Из семьи латышского моряка происходит крупный эстонский биохимик Э.Э. Мартинсон (1900-1963).

В послевоенный период число выпускников Тартуского университета среди врачей Латвийской ССР заметно сократилось и в 1946 году составило 4,6%, потом еще больше снизилось / 6 /. Однако в последние годы оно снова начало повышаться, главным образом за счет специалистов спортивной медицины, которые окончили Тартуский университет. Осуществляются регулярные и тесные научные связи между медицинским факультетом Тартуского университета и Рижским медицинским институтом и другими научно-медицинскими учреждениями Латвийской ССР. Звание За-

служенного врача Латвийской ССР получили следующие воспитанники Тартуского университета: Ю. Элиасберг (1868-1945), П. Круелис (1870-1962), Я. Микельсон (1888-1952), Ю. Лиепа (1889-1962), В. Файн (1889-1969), Н. Зандберг (1891-1960), А. Файтельсон (род. в 1893 г.), А. Рогулис (1897-1965), Р. Чаксте (1898-1967), М. Зик (род. в 1904 г.).

Л и т е р а т у р а

1. К.Я. А р о н, А.А. В и к с н а. К истории формирования латышской медицинской интеллигенции. - В кн.: Итоги и перспективы исследований по истории медицины. Кн-шинев, 1973, 402-403.
2. К.Я. А р о н, А.А. В и к с н а. Латышские медики в Дерптском университете в первой половине XIX века. - В кн.: Социальная гигиена, организация здравоохранения и история медицины. Таллин, 1973, III-II2.
3. А.А. В и к с н а. О студентах-медиках в научно-литературном обществе ("Пипкалонии") прогрессивных латышских студентов Дерптского (Тартуского) университета в конце XIX века. - В кн.: Из истории медицины, т. 9. Рига, 1973, 65-69.
4. Г.В. Л е в и ц к и й (редактор). Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета, т. 2. Юрьев, 1903.
5. С.Г. М а г и л ь н и ц к и й. Медики университетов в Тарту (Дерпте) и Пярну (Пернове) в ХУП-ХУШ вв. (1632-1710). В кн.: Из истории медицины, т. 7. Рига, 1967, 179-188.
6. Министерство здравоохранения Латвийской ССР. Справочник на 1946 г. Рига, 1946.
7. Я.П. С т р а д н ь. Взгляд в прошлое латвийской науки. Наука и техника, 1973, 5, 33-38.
8. Я.П. С т р а д н ь. Естественные науки в Прибалтике в ХУП-ХУШ веках. В кн.: Из истории медицины, т. I. Рига, 1957, 45-56.
9. ЦИТА Эст. ССР, ф. 402, оп. I, 2.
10. Album Lettonorum. Rīga, 1930.

- II. A. B i e z i n š . Tērbatas universitāte - latviešu ārstu audzinātāja. Veselība, 1964, 5, 19-20.
12. I. B r e n n s o h n . Die Aerzte Kurlands. Riga, 1929.
13. I. B r e n n s o h n . Die Aerzte Livlands. Mitau, 1905.
14. Deutschbaltisches biographisches Lexikon. 1710-1960. Köln, Wien, 1970.
15. A. H a s s e l b l a t t , G. O t t o . Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1889.
16. Latvijas medicīniskā personāla saraksts 1921., 1939. gadam. Rīga, 1921, 1939.
17. Latvijas Universitāte divdesmit gados. 1919-1939. Rīga, 1939.
18. F. M ī l e n b a h s . Latvieši un latvietes Krievijas augstskolās. Jelgava, 1908.
19. H. P e t e r s e n n . In Memoriam der Dom-Museums-Zeit der Gesellschaft praktischer Aerzte. Riga, 1936.
20. G. Š a u r u m s . Tērbatas universitāte. 1632-1932. Rīga, 1932.

ПРОФЕССОР ГИГИЕНЫ И БАКТЕРИОЛОГИИ ТАРТУСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА Е.А. ШЕПИЛЕВСКИЙ

В.В. Калнин

В историко-медицинской литературе нет специальных работ, посвященных жизни и научно-педагогической деятельности профессора Тартуского университета Е.А. Шепилевского, кроме некролога, опубликованного В.А. Афанасьевым / 1 /. Задача настоящей статьи - дать на основании архивных документов полную научную биографию Е.А. Шепилевского, а также библиографию его научных трудов.

После перехода Г.В. Хлопина в июне 1903 г. в Одесский университет на вакантную кафедру гигиены Тартуского университета претендовали 4 кандидата: П.Н. Лашенков, В.В. Кувальдин, В.А. Игнатъев и Е.А. Шепилевский / 2 /. Первый из них отказался, так как имел все шансы быть избранным профессором Харьковского университета / 3 /. Поэтому Г.В. Хлопин в своем письме профессору А. Рауберу рекомендовал В.А. Игнатъева, председателя Московского гигиенического общества / 4 /.

Однако медицинский факультет Тартуского университета, учитывая совместное мнение профессоров И.Л. Кондакова и В.П. Курчинского, заявление профессора В.А. Афанасьева и отзывы петербургских профессоров С.В. Шидловского и И.Ф. Рапчевского, избрал на заседании 24 ноября 1903 г. с небольшим перевесом положительных голосов на кафедру гигиены воспитанника и приват-доцента Военно-медицинской академии Е.А. Шепилевского / 5 /. Выбор остановился на нем, по-видимому, в связи с преобладанием тогда на медицинском факультете профессоров, вышедших из Военно-медицинской академии / 6 /, а также потому, что медицинский факультет Тартуского университета не имел в то время подготовленного специалиста-преподавателя по микробиологии.

Евгений Алексеевич Шепилевский родился 29 января (10 февраля) 1857 г. в Выборгской губернии в семье священника. Среднее образование получил в Петербургской духовной семинарии, высшее — в Военно-медицинской академии, которую окончил с отличием в 1882 г. Затем он служил младшим врачом в строевых частях и ординатором в Рижском военном госпитале, где организовал Рижское общество русских врачей / 1 /. В 1893—1895 гг. был прикомандирован к Военно-медицинской академии для усовершенствования. В это время он работал в бактериологической лаборатории Главного военно-медицинского управления, где под руководством И.Ф. Рапчевского выполнил докторскую диссертацию "Формальдегид как средство для дезинфекции". В ней автор путем многочисленных опытов с культурами холерного вибриона, брюшно-тифозной палочки, золотистого стафилококка и со спорами сибирской язвы показал пригодность формальдегида в качестве дезинфицирующего средства / 7 /.

После защиты диссертации Е.А. Шепилевский служил старшим врачом Курского полка, а в 1897 г. был назначен старшим ординатором Рижского военного госпиталя. В том же году он был командирован на 2 года за границу для усовершенствования по гигиене и эпидемиологии. Он работал в Берлине в Институте инфекционных болезней Р. Коха под руководством профессоров Пфейфера, Вассермана и Проскауэра, слушал лекции Р. Вирхова. Затем побывал в Вюрцбурге у К. Лемана и в Париже в Пастеровском институте у Э. Ру и И.И. Мечникова / 8 /.

Из опубликованного отчета видно, что во время заграничной командировки Е.А. Шепилевский имел возможность основательно познакомиться с самыми разнообразными вопросами гиги-

ены: канализация, водоснабжение, очистка питьевых и сточных вод, исследование пищевых веществ и открытие их фальсификации, а также с бактериологией, дезинфекцией, серотерапией и др. / 9 /.

После возвращения из-за границы Е.А. Шепилевский продолжал работать в лаборатории Главного военно-медицинского управления, а в марте 1903 г. был принят в число приват-доцентов Военно-медицинской академии по курсу военной гигиены. Его пробная лекция на звание приват-доцента: "Микробиологические основы учения о ботулизме и т.н. отравлении мясом" была опубликована в "Военно-медицинском журнале" / 10 /.

К тому времени Е.А. Шепилевским было опубликовано вместе с вышеотмеченными тремя работами всего 26 работ, из них шесть в Германии. Эти работы принесли Е.А. Шепилевскому известность как в русской, так и в иностранной науке.

Четыре работы посвящены эпидемиологии тифа, гриппа и малярии /II, I2, I3, I4/. Эпидемии двух первых болезней описаны им еще во время работы в Рижском военном госпитале. О причинах малярии в Термезе Е.А. Шепилевский выступил на XI съезде естествоиспытателей и врачей с докладом, вызвавшим оживленные прения по вопросу о роли комаров в развитии малярии / I5 /. Две его ранних работы относятся к казуистическим наблюдениям из больничной практики /I6, I7/.

Остальные могут быть отнесены к работам экспериментального характера. В одной из них Е.А. Шепилевский дал свой, притом простой и достаточно точный метод для количественного определения соединительной ткани в мышцах / I8 /. Две работы касаются скорее вопроса общей патологии. Так, в исследовании о происхождении амилоидного перерождения Е.А. Шепилевский экспериментально доказал, что амилоид может быть вызван не только при участии живых бактерий, как это считали раньше, но и под влиянием вполне стерильных ферментов как животного, так и растительного происхождения /I9, 20/. В совместной работе с В. Кемпнером рядом опытов было доказано, что при введении антитоксина колбасного яда в мозг требуется меньшее количества его, чем при подкожном впрыскивании /2I/. Первая работа была выполнена у К. Лемана, две последние в институте Р. Коха.

В основе других экспериментальных работ лежит бактериологическая методика. Е.А. Шепилевский изучал микроорганизмы воздуха, в частности влияние связевских печей на их количе-

ство в комнатном воздухе /22, 23/, определял титры противодифтерийных сывороток /24, 25/. Он предложил модификацию способа Виндельбандта для определения тифозных бактерий в воде. Видоизменение состояло в том, что, применяя вместо желатина агар, он сократил срок определения вместо целой недели всего до двух дней /26, 27/. В одной работе он исследовал пригодность войскового фильтра доктора Н. Керстенса, в том числе способность этого фильтра очищать воду от бактерий / 28 /. Две статьи были посвящены формальдегиду как средству для дезинфекции /29, 30/.

Е.А. Шепилевский стал известным и как изобретатель. В 1892 г. он предложил для термостата взамен электрического регулятора доктора Курчинского свой, основанный на расширении паров эфира и замыкании стока воды ртутью; отопление регулятора производилось при помощи согретой в особом котелке воды /31, 32/. В 1895 г. им был сконструирован контрольный аппарат к паровой дезинфекционной камере / 33 /. Затем он предложил термостат новой модели с водяным отоплением для бактериологических лабораторий, не имеющих газового отопления. Он почти не отличался от термостатов, предназначенных для отопления газом, и мог быть легко переделан из них / 34 /. Это имело практическую ценность. Термостат системы Шепилевского получил награды на гигиенической выставке в Петербурге, на выставке в Нижнем Новгороде и большую золотую медаль на выставке молочного хозяйства в Петербурге / I /, а также высокую оценку в 1907 г. в Тарту на выставке благосостояния народа / 35 /.

Эти работы Е.А. Шепилевского свидетельствуют о его интересе к бактериологии и эпидемиологии и умении уже вполне самостоятельно решать научные и практические вопросы.

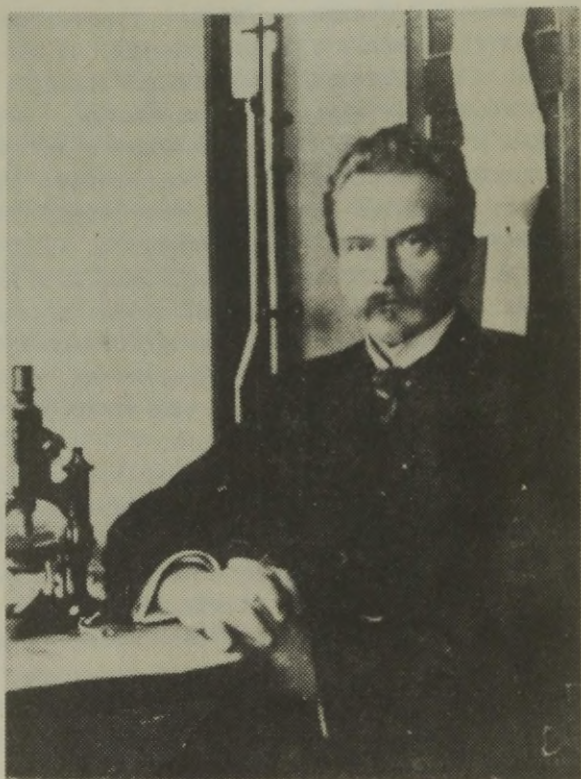
Преподавательскую деятельность в Тартуском университете Е.А. Шепилевский начал в осеннем семестре 1904 г. в качестве экстраординарного профессора, а в апреле 1911 г. был назначен ординарным профессором / 36 /. Расписание лекций по гигиене и эпизоотологии и практическим занятиям он оставил то же, что было при Г.В. Хлопине / 37 /. Наряду с этими предметами Е.А. Шепилевский начал с весеннего семестра 1908 г. регулярно читать студентам медицинского факультета систематический курс бактериологии, сначала только теоретический курс, а затем стал проводить и практические занятия (через семестр по 6+6 часов в неделю). Раньше этот курс преподавал-

ся эпизодически и нерегулярно профессорами патологической анатомии Р. Тома в 1890 и 1892 гг. и В.А. Афанасьевым в 1896-1904 гг. / 38 /.

Е.А. Шепилевский начал свою деятельность на кафедре гигиены в более лучших условиях, чем его предшественники С.Ф. Бубнов и Г.В. Хлопин. Кафедра и лаборатория при ней были уже более или менее оборудованы согласно требованиям времени. Оснащение их продолжал и Е.А. Шепилевский. По его инициативе было проведено электричество в помещения кафедры, приобретены электрическая центрифуга, агглютиноскоп, копировальный пресс и пр., а также эпидиаскоп для общей аудитории трех кафедр, находившихся в новоянатомическом здании / 39 /. В результате весь инвентарь кафедры за время заведывания ею Е.А. Шепилевским увеличился по числу номеров и названий более чем в два раза, а по стоимости вдвое. Так, на 1 января 1918 г. было: книг 865 экземпляров в 1496 томах, журналов 368 в 611 томах, инструментов, приборов и пр. 500 номеров с 1588 предметами, мебели 71 номер с 190 предметами, платиновых изделий 15 номеров с 104 предметами; вся стоимость имущества оценивалась в 16 128,13 рубл. / 40 /.

Кроме вышеотмеченной напряженной работы, Е.А. Шепилевский устраивал в некоторые годы для практических врачей и провизоров, студентов или сестер милосердия военного времени специальные курсы по бактериологии, холере, санитарному делу, дезинфекции и военно-полевой гигиене / 41 /. В 1914 г. в связи с предполагаемым введением обязательного оспопрививания в России он сделал доклад от имени комиссии, созданной медицинским факультетом, и совместно с профессором детских болезней В.П. Жуковским выработал программу практического оспопрививания для студентов III курса / 42 /.

В 1908 г. Е.А. Шепилевский просил от медицинского факультета разрешения напечатать в "Ученых записках" составленное им "Руководство по методике бактериологии в применении ее к санитарным и клиническим исследованиям" / 43 /. Однако подготовлено к изданию это руководство им почему-то не было. В 1911 г. он дал согласие на участие в составлении для врачей и студентов "Курса гигиены". Это руководство предполагалось издать на 60 печатных листах большого формата с участием в нем еще Н.Ф. Гамелеи, З.Г. Френкеля, П.К. Галлера, Н.И. Тезякова, Д.П. Никольского, С.А. Новосельского и др. / 44 /. Е.А. Шепилевским самим были в 1915-1916 гг. из-

Проф. Е. Шпилевский

Профессор гигиены и бактериологии Тартуского
университета Е.А. Шпилевский (1904-1918)
(публикуется впервые).

даны два кратких руководства об обеззараживании / 45 / и основах мер борьбы с заразными болезнями / 46 /. Часть его лекций по гигиене, записанных и обработанных студентом С.В. Моисеевым, была издана Обществом студентов-медиков. Они касались таких разделов гигиены, как атмосфера, климат, почва и эпидемиология /47, 48/, Е.А. Шепилевский отводил в них много места изложению сущности локалистической теории М. Петтенкофера, показав необоснованность его положений. Одновременно он подвергал критике отдельные стороны питьевой теории происхождения холерных эпидемий, сформулированной Р. Кохом.

В качестве помощников Е.А. Шепилевский имел одного или двух ассистентов. В отдельные годы ими были: К.Г. Серповский (1904-1905), В.А. Несмелов (1905-1908), И.А. Штамм (1906-1911), В.А. Цвиньев (1908-1909), Н.А. Классен (1908-1909), В.В. Гребенщиков (1910-1911), А.М. Левин (1910-1911), И.Ф. Дилектов (1910), М.М. Экземплярский (1911-1914), К.Н. Шапшев (1915-1918), С.В. Моисеев (1916-1918). У Е.А. Шепилевского в качестве ассистента работала также А.Р. Лепорская (1911-1915), одна из первых женщин-преподавателей в Тартуском университете / 49 /.

Научно-исследовательскую работу вели или специально изучали бактериологию под руководством Е.А. Шепилевского также многие врачи и фармацевты. Под его руководством было выполнено 4 докторских диссертации и 4 диссертации на степень магистра фармации и ряд студенческих работ на соискание наград. Из его ассистентов и учеников впоследствии стали известными гигиенистами С.В. Моисеев, К.Н. Шапшев, М.М. Экземплярский, бактериолог К. Шлоссман (Тарту), фармацевт И.А. Штамм (Тарту) и др. Это свидетельствует о том, что Е.А. Шепилевский работал успешно в качестве учителя и умел побуждать своих учеников к научной работе.

Следует отметить, что на основании положительного отзыва о трудах Н.Ф. Гамалея, данного комиссией, председателем которой был Е.А. Шепилевский, медицинский факультет избрал в ноябре 1912 г. Н.Ф. Гамалеев "приват-доцентом по кафедре гигиены и бактериологии". Последний читал лекции по бактериологии в Тартуском университете только в 1913 г., в основном же был в 1911-1913 гг. лектором по этим предметам на частных университетских курсах профессора М.И. Ростовцева в Тарту / 50 /.

Е.А. Шепиловским было положено начало получению на месте чистых культур микробов, а также изготовлению вакцин и сывороток для научных работ. В ответ на запрос заведующего Бактериологическим институтом Московского университета Г.Н. Габричевского он сообщил в январе 1905 г. список культур микробов, насчитывающий 42 вида, и выразил согласие на обмен культурами и научными трудами. В частности, он писал: "Бактериологическая лаборатория при Гигиеническом институте Дрезбургского университета составляет неразрывную часть этого института и служит гигиене ... Курс бактериологии входит как часть в общий курс гигиены. Практические занятия по гигиенической бактериологии — ежегодно по группам в 20 человек. Общее число мест для самостоятельных занятий по бактериологии не более 8" / 51 /. С 1908 г. курс бактериологии Е.А. Шепиловский сделал самостоятельным, хотя тогда еще не обязательным предметом. Кафедра представляла собою фактически объединенную кафедру гигиены и бактериологии.

Предварительная подготовка и интересы Е.А. Шепиловского определили развитие научной работы в ином направлении, чем при Г.В. Хлопине. Для большинства трудов Е.А. Шепиловского и его учеников характерным является иммуно-бактериологическое направление. Самим Е.А. Шепиловским было опубликовано за период 1904—1917 гг. более 20 работ.

С наибольшим усердием Е.А. Шепиловский разрабатывал вопрос о процессах самоочищения естественных вод в связи с жизнедеятельностью простейших организмов. Изучение этого вопроса им тесно увязывалось с изучением эпидемиологии заразных болезней (особенно холеры и брюшного тифа), а также с выработкой способов обезвреживания воды. Этим вопросам посвящены его следующие работы: 1) "О способах применения брома и йода для обеззараживания питьевой воды" / 52 /; 2) "О видоизменении способов обеззараживания питьевой воды Шумберга и Георгеса" / 53 /; 3) "К вопросу о судьбе тифозных бактерий в воде" / 54 /; 4) "О процессах самоочищения естественных вод после искусственного заражения их бактериями" / 55, 56 /; 5) "Слабые стороны учения о водянном происхождении холерных эпидемий" / 57 /; 6) практические руководства об обеззараживании и мерах борьбы с заразными болезнями / 45, 46 /, а также доклады, сделанные им в Обществе естествоиспытателей при Тартуском университете: 1) "Судьба тифозных, холерных и других патогенных бактерий в воде"; 2) "О процессе самоочищения вод

при искусственном заражении их бактериями" и 3) "Типы простейших, по преимуществу обслуживающих очищение природных вод от бактерий" / 58 /. К изучению возбудителя и эпидемиологии холеры относятся конкурсная работа студента К.Ф. Акинфиева "Сравнительная продолжительность жизнеспособности холерных и холероподобных бактерий в воде", награжденная в 1915 г. золотой медалью / 59 /, и работа ассистента М.М. Экземплярского / 60 /.

Большое теоретическое значение имело экспериментальное исследование ассистента И.А. Штамма об изменчивости холерного вибриона, материалы которого были оформлены также в виде магистерской диссертации /61, 62, 63/. Автор показал, что холерный вибрион может, действительно, изменяться под продолжительным влиянием воды и что это изменение не чисто функционального и переходящего характера, на которое указывал С.И. Златогоров, а образуются новые вариации, передающие свойства по наследству. Тем самым И.А. Штамм доказал мутационную теорию Г. де Фриза также по отношению к бактериям, что последним было лично подтверждено в Амстердаме, где И.А. Штамм демонстрировал свои микрофотограммы с новыми вариациями / 64 /. В результате своих исследований И.А. Штамм пришел еще к выводу, что наступление, прекращение и возобновление холерных вибрионов в сапрофитные формы и обратно, а также, что во всех сомнительных случаях дифференциальное исследование должно быть дополнено испытанием вибрионов на агглютиногенную способность / 62 /.

С этими работами связан интерес Е.А. Шепилевского к водоснабжению городов. В 1909 г. он ездил в Ригу, Москву и Петербург для ознакомления с состоянием водоснабжения этих городов / 65 /. Затем он исследовал воду реки Эмайыги, четырех колодцев и неоднократно - университетского водопровода. В 1915-1916 гг. он предпринял, по повелению Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, обширное исследование воды в Тарту. В комиссию входили также военные врачи и инженеры-гидротехники. Была проанализирована вода более 500 колодцев на закись азота, аммиак, хлориды и окисляемость, а также на содержание бактерий. Анализы проводились в лаборатории кафедры и в бактериологической лаборатории Общества Красного Креста, созданной при кафедре с целью предупреждения распространения заразных заболеваний в войсках / 66 /.

Е.А. Шепилевский считал теорию водяного происхождения холеры не вполне законченной, хотя Р. Кох и его последователи считали всякие рассуждения по этому вопросу излишними. По Шепилевскому, эпидемия холеры является результатом различных условий человеческого общежития и вода может быть лишь одной из причин возникновения эпидемии / 57 /. Относительно мер борьбы с заразными болезнями он выдвигал предложения, являющиеся правильными и с современной точки зрения. В основу противоэпидемических мер должно быть положено раннее выявление первых случаев заболеваний, устройство бактериологических лабораторий, создание среди населения искусственного специфического иммунитета путем прививок, организация санитарной службы из специально подготовленного персонала. Прогрессивность взглядов выражалась и в том, что первенствующее значение он придавал принципу предупреждения, понимавшемуся широко. Е.А. Шепилевский считал социальный фактор решающим в эпидемическом процессе, для ликвидации распространения инфекции необходимо улучшение экономического положения и социальных условий низших слоев населения / 46 /.

Много внимания Е.А. Шепилевский уделял чисто бактериологическим работам и усовершенствованию техники их проведения. К этой области относятся работы: об образовании спор у бактерий / 67 /; о распознавании дифтерийных бацилл, в которой он предложил свой способ для дифференциального отличия дифтерийных бацилл от ложнодифтерийных / 68 /; о нитевидных придатках у трипанозом / 69, 70 /; о строении колоний вибрионов на агаре / 71 /. Им был предложен новый способ микроскопических исследований в темном поле с освещением, в частности для исследования трипанозом / 72 /. Во время войны, когда краска Гимзы стала большой редкостью, он при окраске плазмодий и др. простейших предложил замену ее по принципу Д.Л. Романовского / 73 /. Е.А. Шепилевский предложил также заменить при приготовлении агара Эша гемоглобин своим препаратом, состоявшим из бычьей или бараньей крови. Исследования К.Н. Шапшева показали, что между щелочно-гемоглобиновым агаром Эша и предложенной Е.А. Шепилевским модификацией не замечается никакой разницы, что видоизмененная среда является такой же хорошей элективной средой для холерных вибрионов, как агар Эша, что было важно в первые годы Советской власти, когда отсутствовал гемоглобин даже отечественного производства / 74 /.

На кафедре под руководством Е.А. Шепилевского изучал нитевидные придатки у крысиной трипаномы и студент П.Н. Алексеев / 75 /, а доктор Н.И. Лепорский занимался окрашиванием трипаномом / 70 /; И.А. Штамм изучал значение для дифференциального диагноза выделяемого в анаэробных условиях патогенными бактериями тифозно-кишечной группы газа / 76 /; А.В. Россов изучал сывороточную и лекарственную устойчивость бактерий / 77 /; Н.А. Уйманов провел микроскопическое и бактериологическое исследование японского гриба / 78 /.

Е.А. Шепилевский заинтересовался т.н. "большой стерилизующей терапией", т.е. химиотерапией для уничтожения инфекции в заболевшем и вообще в живом теле. Он приветствовал открытие Эрлиха главным образом в эпидемиологическом отношении, как средство для общественной профилактики сифилиса и оздоровления человечества. Его лекции о лечебном действии препарата Эрлиха "606", назначенные для публичного чтения, были изданы в виде обширной статьи и отдельной монографии / 79 /. Под его руководством Б.Х. Бульф выполнил докторскую диссертацию, в которой впервые экспериментально на животных исследовал действие салварсана на септицемические бактериальные инфекции / 80 /.

С интересом Е.А. Шепилевского к серодиагностике при инфекционных заболеваниях связана докторская диссертация И.Т. Гана. Автор провел сравнительное исследование некоторых модификаций реакции Вассермана, применив при этом впервые в Тарту эту реакцию при исследовании больных сифилисом / 81 /. До него эту реакцию производил ассистент Шепилевского А.М. Левин, изучавший применение ее у прокаженных в лепрозориях Лифляндской губернии / 82 /. Влияние вакцинации против тифа, паратифов и холеры на реакцию Вассермана изучали Н.А. Кадлец и И.А. Штамм, получившие живые культуры возбудителей от Е.А. Шепилевского / 83 /. Я.А. Эйгес изучал пригодность для распознавания туберкулеза модификации кожной пробы Пирке, предложенной Лигньером / 84 /. Под руководством Е.А. Шепилевского была выполнена также докторская диссертация К. Шлоссмана "Серотерапия сифилиса" / 85 /. Из лаборатории Шепилевского вышла еще относящаяся к серологии работа В.И. Ильинского (отчасти была выполнена в акушерско-гинекологической клинике) "К вопросу о разнице биологических свойств крови плода и матери" / 86 /.

С интересом Е.А. Шепилевского к серологии связано внед-

рение им впервые в России метода биологической преципитации в гигиенические исследования (для обнаружения фальсификации мясных продуктов лошадиным и собачьим мясом при помощи специфических преципитирующих сывороток иммунизированных кроликов — магистерская диссертация Ф.А. Куррота /87/). Специально реакция преципитации и свойства различных преципитинов, действующих на денатурированные белки, стали темой докторской диссертации К.Н. Шапшева. Он, в частности, считал необходимым, чтобы в России лаборатории, в ведении которых находится санитарный надзор над пищевыми продуктами, ввели и возможно широко пользовались биологическим методом преципитации при контроле над фальсификациями мясных продуктов /88/. Под руководством Е.А. Шепилевского была выполнена также работа П.Н. Алексеева, посвященная методике определения фальсификации вареного мяса при помощи реакции анафилаксии /89/.

К области гигиены питания относится также работа самого Е.А. Шепилевского, посвященная исследованию нового сорта хлеба "Pain normal", который начали в 1912 г. изготавливать тартуские фабриканты, рекламируя его как "наилучший для здоровья". Е.А. Шепилевский изучил физические и химические свойства этого хлеба, а его ассистент М.М. Экземплярский определял усвояемость хлеба на себе и на одной вольнослушательнице. В результате было показано, что новый сорт хлеба имеет недостатки, общие для всех зерновых хлебов, а в силу своей дороговизны недоступен для бедных семей. В заключение были предложены мероприятия для усовершенствования технологии хлебопечения / 90 /. Совместно с ассистентом В.А. Несмеловым Е.А. Шепилевский подверг сравнительному исследованию способы бутирометрии по Герберу и по Зихлеру / 91 /, а В.А. Несмелов опубликовал большую статью под названием "Упрощенные методы определения главных химических констант в коровьем молоке" / 92 /.

Е.А. Шепилевский придавал большое значение в гигиенических исследованиях также приемам газового анализа. Эти приемы и конструкцию соответствующих приборов изучал в 1906 г. И.А. Штамм / 63 /. На применении газового анализа основывались и магистерские диссертации В.А. Несмелова / 93 / и Б.К. Гревинга / 94 /, выполненные под руководством Е.А. Шепилевского и относящиеся к коммунальной гигиене.

Не оставил Е.А. Шепилевский без внимания и модной тогда темы — евгеники. Он выступил в Медицинском обществе им. Н.И.

Пирогова в 1914 г. с большим докладом "Основы и средства расовой гигиены (гигиены размножения)", а также опубликовал его в виде отдельной брошюры / 95 /. Из этой работы видно, что хотя Е.А. Шепилевский придерживался правильной позиции в понимании основных задач гигиены и подчеркивал социальное значение борьбы с такими общественными пороками, как сифилис, алкоголизм и т.д., политическое и философское мировоззрение его было колеблющимся, не полностью определившимся.

Однако рассмотренные направления научной деятельности Е.А. Шепилевского характеризуют его прежде всего как сторонника передовых взглядов и новых путей в науке. Об этом свидетельствуют также речи Е.А. Шепилевского, посвященные памяти Р. Коха / 96 /, П. Эрлиха / 57 /, Н.И. Пирогова / 97 /, Д.Д. Ахшарумова / 98 / и др. Особенно интересным является выступление в память Д.Д. Ахшарумова, передового врача, бывшего петрашевца и студента Тартуского университета. Е.А. Шепилевский некоторое время жил в Риге вблизи "этого гуманнейшего из людей", был в переписке и сохранил с ним связь до самой его смерти. Он рассказал о его политических убеждениях, за которые тот едва не заплатился жизнью, о его научной и общественной деятельности, подчеркнув, что особую известность Д.Д. Ахшарумов приобрел в области общественно-санитарных вопросов. Уже 86-летним старцем Д.Д. Ахшарумов задумал переселиться из Полтавы в Тарту, где "можно пользоваться ученой литературой и на старости лет сесть на скамью студентов" / 96 /.

Е.А. Шепилевский придавал большое значение популяризации гигиенических и бактериологических знаний путем выставок. В октябре 1910 г. кафедра гигиены принимала участие в выставке, организованной кружком студентов физико-математического факультета, где были представлены коллекция микрофотографических снимков бактерий, приборы и аппараты, используемые при бактериологических исследованиях по распознаванию тифа и холеры; для исследования в темном поле без освещения; для проведения реакции Вассермана и др. / 99 /. В 1911 г. Е.А. Шепилевский участвовал в Дрезденской гигиенической выставке. О ней он опубликовал обширный обзор с описанием наиболее важных и интересных экспонатов, в частности павильона России. На выставке были представлены также итоги исследований его ассистента И.А. Штамма об изменчивости холерного вибриона / 100 /. Активное участие кафедра гигиены принимала во

Всесоюзной гигиенической выставке в Петербурге в 1913 г. В приготовлении экспонатов, кроме Шепилевского, принимали участие ассистенты М.М. Экземплярский и И.А. Штамм и студент Б. Бугринов. Выставлены были, в частности, культуры и микрофотограммы вновь открытой И.А. Штаммом септической бациллы, способ и результаты биологического определения лошадиного мяса в мясных продуктах, демонстрация агглютинации, научные труды кафедры и пр. /101/. Экспертной комиссией выставки был присужден кафедре гигиены Тартуского университета почетный диплом. Такая же награда была присуждена и Е.А. Шепилевскому за сотрудничество в выставке /102/.

Следует отметить также большую и разностороннюю общественную деятельность Е.А. Шепилевского. Его доклады для студентов других факультетов и в школах касались мер борьбы с туберкулезом, острозаразными болезнями, дезинфекции, т.н. "гигиены размножения", школьной гигиены и др., в частности, в Обществе студентов-медиков им был сделан доклад на тему "Элементы общественной гигиены и их развитие в России" /103/. Он был неоднократно членом санитарной комиссии и бюджетной комиссии университета, входил в состав комиссии по студенческим делам при Совете университета, а в 1911 г. был избран председателем этой комиссии и занимался рассмотрением и утверждением уставов студенческих организаций /104/. Во время I-й мировой войны Е.А. Шепилевский вошел в комитет профессоров и служащих университета для оказания помощи раненым и больным воинам, в особую комиссию по борьбе с заразными болезнями в г. Тарту, а также в состав научного отдела Местного Юрьевского военно-промышленного комитета, председателем которого был профессор физики А.И. Садовский /105/.

Активное участие Е.А. Шепилевский принимал в работе научных обществ. Он был членом-учредителем Медицинского общества им. Н.И. Пирогова при Тартуском университете. Благодаря своему скромному и ровному характеру, он несколько раз избирался в председатели. В 1911-1912 гг. он состоял заместителем председателя и в 1913-1914 гг. председателем Медицинского общества им. Н.И. Пирогова (председателем санитарной комиссии при этом обществе), в 1912-1917 гг. - председателем Общества естествоиспытателей при Тартуском университете /57, 64, 70, 94/, был председателем родительского комитета в Юрьевской женской гимназии им. А.С. Пушкина / I /. Как один из основателей и первый председатель Общества русских врачей

в Риге, активный участник в его работе, Е.А. Шепиловский был в 1915 г. избран почетным членом означенного общества /106/.

Большую работу Е.А. Шепиловский предал в 1910-1913 гг. в комиссиях по рассмотрению эскизов госпитальных клиник и здания для кухни и квартир для служащих этих клиник. Он указал на многие недостатки с гигиенической точки зрения в предварительных планах зданий и выдвинул предложения для устранения их /107/. Благодаря участию Е.А. Шепиловского в работе комиссии о нуждах медицинского факультета, комиссия пришла в 1914 г. к заключению о необходимости выстроить в первую очередь на малом Домберге против новоянатомического здания здание для 3 институтов: 1) для гистологии с эмбриологией и сравнительной анатомией; 2) для гигиены и 3) для фармакологии. Было также постановлено просить архитектора П.Ф. Никитина сделать эскизный набросок этого здания /108/. Однако начавшаяся I-я мировая война помешала реализации этого плана.

После эвакуации персонала Тартуского университета в июле-августе 1918 г. в Воронеж (туда же было эвакуировано более ценное имущество кафедры гигиены), Е.А. Шепиловский организовал там кафедру гигиены, которой руководил до своей смерти, последовавшей 3 февраля 1920 г. Причиной смерти послужила болезнь сосудов. На этой почве первый инсульт случился еще в феврале 1906 г. Затем в ноябре 1917 г., под влиянием тяжелой инфлюэнцы, он подвергался новым инсультам, которые повторились несколько раз и, наконец, свели его в могилу. Он похоронен на Чугуновском кладбище в Воронеже /1/.

В работах Е.А. Шепиловского и его учеников разрабатывались наиболее актуальные вопросы того времени не только в области гигиены и микробиологии, но и в области эпидемиологии и серологии. Труды их в этих областях немаловажны и, несомненно, составили солидный вклад в науку. Е.А. Шепиловскому принадлежат большие заслуги также в подготовке врачебных кадров для Прибалтики, особенно как учителю их в области микробиологии.

Л и т е р а т у р а

1. В.А. А ф а н а с ь е в. Памяти проф. Е.А. Шепилевского. Воронежское здравоохранение. Изд. Воронежского губ-здравотдела. Воронеж, 1926, 30-32.
2. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, ед. хр. 424, л. 21, 25, 40.
3. Там же, л. 42.
4. Там же, л. 47.
5. Там же, л. 49-50, 52-52 об.
6. См. статью В.В. Калниина и И.Т. Леонова в настоящем сборнике стр. 14-24.
7. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Формальдегид как средство дезинфекции. Дисс. докт. мед. СПб., 1895.
8. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, ед.хр. 424, л. 49-49 об.
9. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Военно-медицинский журнал, 1899, II, 967-992.
10. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Военно-медицинский журнал, 1903, 10, 197-216; II, 407-419.
11. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Очерк эпидемии брюшного тифа. Отчет о деятельности Общества русских врачей в г. Риге за 1888/89 год. Рига, 1889, 66-86.
12. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Эпидемия гриппа в Рижском гарнизоне. Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1891, 2, 69-88.
13. Е.А. Ш е п и л о в с к и й. О причинах малярии в урочище Термезе Туркменского военного округа. Военно-медицинский журнал, 1902, 7, 2025-2059.
14. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. По поводу статьи д-ра Шульгина "Малярия в Термезе и ее причины". Военно-медицинский журнал, 1902, 12, 4695-4703.
15. Русский врач, 1902, 7, 275.
16. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. К казуистике повреждений наружных половых органов женщины. Скопческие операции. Врач, 1882, 3, 35-38.
17. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Случай бугорчатки глотки и носоглоточного пространства. Врач, 1893, 31, 856-858.
18. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, ед. хр. 424, л. 50 об.

19. Е.А. Шепилевский. Экспериментальные исследования к вопросу об амилоидной дегенерации. Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии, 1899, т. VIII, 109-127.
20. Е. S c h e p i l e w s k y . Zeitschrift für Hygiene und Infektionskrankheiten, 1899, 24, 849-862.
21. W. К е м п н е р , Е. S c h e p i l e w s k y . Über antitoxische Substanzen gegenüber dem Botulismusgift. Zeitschrift für Hygiene und Infektionskrankheiten, 1898, 27, 213-222.
22. Е.А. Шепилевский. Микроорганизмы воздуха. Отчет о деятельности Общества русских врачей в г. Риге за 1888/89 год. Рига, 1889, 87-95.
23. Е.А. Шепилевский. О влиянии топки связевских печей на количественное содержание бактерий в комнатном воздухе. Санитарное дело, 1891, № 9.
24. Е.А. Шепилевский. О составе дифтеринного яда и способе испытания антидифтеринной сыворотки. Военно-медицинский журнал, 1900, I, 239-151.
25. Е.А. Шепилевский. Опыт применения Эрлихского масштаба к определению достоинства противодифтеринной сыворотки русского приготовления. Военно-медицинский журнал, 1900, 6, 2191-2209.
26. Е.А. Шепилевский. Определение бактерий тифа в воде и прочих средах по способу д-ра А. Виндельбандта. Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1903, I, 38-45.
27. Е. S c h e p i l e w s k y . Über den Nachweis der Typhusbakterien im Wasser nach der Methode von dr. A.W. Windelbandt. Zentralblatt für Bakteriologie, Parasitenkunde und Infektionskrankheiten, 1903, 5, 394-400.
28. Е.А. Шепилевский. Военно-медицинский журнал, 1896, 12, 188-200.
29. Е. S c h e p i l e w s k y . Formaldehyd als Desinfektionsmittel. Zentralblatt für Bakteriologie, Parasitenkunde und Infektionskrankheiten, 1896, 19, 794-796.
30. Е.А. Шепилевский. Простой, пригодный для практических врачей, способ дезинфекции платья формальдегидом. Военно-медицинский журнал, 1899, 12, 1352-1354.
31. Е.А. Шепилевский. Регулятор к термостату с водяным отоплением. Русская медицина, 1892, № 47, 48.

32. E. S c h e p i l e w s k y . Ein Regulator zum Thermo-
etaten mit Wasserheizung. Zentralblatt für Bakte-
riologie, Parasitenkunde und Infektionskrankheiten,
1893, 4/5, 131-138.
33. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Контрольный аппарат к паро-
вой дезинфекционной камере. Военно-медицинский жур-
нал, 1895, 5, 27-31.
34. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Термостат с водяным отопле-
нием. Военно-медицинский журнал, 1896, 12, 188-200.
35. Путеводитель на выставке по благосостоянию народа в г.
Юрьеве, Юрьев, 1907.
36. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, ед. хр. 388, л. 45.
37. Там же, ед. хр. 424, л. 55-57.
38. В.В. К а л н и н. Преподавание и изучение эпидемиологии
и микробиологии в Тартуском университете в XIX и в
начале XX столетий. Достижения науки и практики в
области микробиологии и эпизоотологии. Тарту, 1973,
186-189.
39. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, ед. хр. 1495, л. 157 об.; ед.
хр. 1485, л. 285; ед. хр. 1475, л. 50.
40. Там же, ед. хр. 1524, л. 56-57.
41. Там же, ед. хр. 1485, л. 286; ед. хр. 1495, л. 156; оп.
9, ед. хр. 392, л. 64; ед. хр. 388, л. 50.
42. Там же, ед. хр. 418, л. 1-10.
43. Там же, ед. хр. 424, л. 63.
44. Гигиена и санитария, 1911, № 17, 18, 19, 20. Объявления.
45. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Зараза и обеззараживание.
Практическое руководство для производства дезин-
фекции. Петроград, 1915.
46. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Основы современных мер борь-
бы с заразными болезнями. Юрьев, 1916.
47. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Записки по гигиене примени-
тельно к программе государственных экзаменов. Отде-
лы: атмосфера, климат, эпидемиология и практические
занятия. Вып. I. Юрьев, 1916.
48. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Записки по гигиене, читанные
в Юрьевском университете. Отдел 2: почва. Записан-
ные и обработанные студентом С.В. Моисеевым. Изд.
Общества студентов-медиков. Юрьев, 1917.
49. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, ед. хр. 973.

50. В.В. К а л н и н, Ю.И. М и л е н у ш к и н. Деятельность Н.Ф. Гамалеи в Юрьеве (Тарту). В кн.: Н.Ф. Гамалея. Собрание сочинений, т. 6. М., 1964, 378-387.
51. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, ед. хр. 379, л. 70; ед.хр. 424, л. 60-61.
52. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Труды IX Пироговского съезда, СПб., 1904.
53. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, 1905, 3, 426-427.
54. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, 1908, 9, 1426-1450.
55. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, 1909, 9, 1406-1419.
56. E. S c h e p i l e w s k y. Über den Prozess der Selbstreinigung durch Bakterien. Archiv für Hygiene, 1910, 72, 73-90.
57. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Труды и протоколы Медицинского общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 2. Юрьев, 1911, 259-262.
58. Протоколы Общества естествоиспытателей при Юрьевском университете, т. XVII, вып. 1-4. Юрьев, 1908; т. XVIII, вып. 1. Юрьев, 1909; т. XXIV, вып. 1-4. Юрьев, 1920.
59. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, ед. хр. 1495, л. 157, 224-227.
60. М.М. Э к з е м п л я р с к и й. Морфологические и биологические особенности холероподобных вибрионов. Ученые записки Юрьевского университета, 1914, 10, 1-79.
61. И.А. Ш т а м м. Труды и протоколы Медицинского общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 3. Юрьев, 1912, 199-216.
62. И.А. Ш т а м м. К вопросу об изменяемости холерных вибрионов в воде. Экспериментальное исследование. Дисс. маг. фарм. Юрьев, 1912.
63. J. S t a m m. Zeitschrift für Hygiene und Infektionskrankheiten, 1914, 76, 469-540.
64. H. M e t s a r a. Prof. J. Stammi biograafilised andmed, teaduslikud tööd ja ettekanded. Pharmacia, 1923, 4, 182-185.

65. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 9, ед. хр. 388, л. 35.
66. Там же, оп. 4, ед. хр. 1495, л. 156 об.; ед. хр. 1497, л. 26 об.
67. Е.А. Шепилевский. Некоторые детали в процессе образования спор у бактерий. Протоколы Общества естествоиспытателей при Юрьевском университете, т.ХУ, вып. 3. Юрьев, 1906, 185-196.
68. Е.А. Шепилевский. Протоколы Общества естествоиспытателей при Юрьевском университете, т. ХVII, вып. I. Юрьев, 1908, 13-20.
69. Е.А. Шепилевский. Протоколы Общества естествоиспытателей при Юрьевском университете, т.ХХ, вып. 3/4. Юрьев, 1911, 132-137.
70. E. S c h e r i l e w s k y . Zentralblatt für Bakteriologie, Parasitenkunde und Infektionskrankheiten, 1912, 1/3, 79-83.
71. Е.А. Шепилевский. Об одной особенности в строении колоний вибрионов на агаре. Труды и протоколы Медицинского общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 3. Юрьев, 1912, 217-224.
72. Протоколы Общества естествоиспытателей при Юрьевском университете, т. ХVII, вып. I-4. Юрьев, 1908, т. ХХ, вып. I-4. Юрьев, 1911.
73. Е.А. Шепилевский. Материалы по вопросам военно-полевой хирургии и санитарии. Юрьев, 1917, 2, 157-167.
74. К.Н. Шапцев. Агар Esch'a в видоизменении проф. Е. А. Шепилевского. Врачебное дело, 1921, I, II-12.
75. П.Н. Алексеев. Труды и протоколы Медицинского общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 5. Юрьев, 1914, 7-9.
76. J. S t a m m . Zentralblatt für Bakteriologie, Parasitenkunde und Infektionskrankheiten, 1906, 7, 590-595.
77. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, ед. хр. 1485, л. 284.
78. Н.А. Уйманов. Труды и протоколы Медицинского общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 6. Юрьев, 1915, 161-170.
79. Е.А. Шепилевский.
Ученые записки Юрьевского университета, 1911, 3, 1-80.

80. Б.Х. В у л ь ф. К вопросу о действии салварсана на экспериментальный септицемический процесс. Дисс. докт. мед. Юрьев, 1912.
81. И.Т. Г а н. Сравнительное исследование некоторых модификаций Вассермановской реакции. Дисс. докт. мед. Юрьев, 1913.
82. М.А. Л е в и н. Русский врач, 1911, 33, 1307-1311.
83. Н.А. К а д л е ц, И.А. Ш т а м м. Материалы по вопросам военно-полевой хирургии и санитарии. Юрьев, 1917, 2, 133-155.
84. J. E i g e n. St. Petersburg med. Wochenschrift, 1911, 3, 27-29.
85. I. V e n n e h n. Die Ärzte Estlands. Riga, 1922, 323.
86. В.И. И л ь и н с к и й. Труды и протоколы Медицинского общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 2. Юрьев, 1911, 227-233.
87. Ф.А. К у р р о т. Исследование мясных продуктов на фальсификацию их лошадиным мясом. Дисс. маг. фарм. Юрьев, 1912.
88. К.Н. Ш а п ш е в. О свойствах некоторых преципитинов, действующих на денатурированные белки. Дисс. докт. мед. Юрьев, 1913.
89. П.Н. А л е к с е е в. Труды и протоколы Медицинского общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 6. Юрьев, 1915, 1-17.
90. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, 1913, II, 1733-1752; Труды и протоколы Медицинского общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 5. Юрьев, 1914, 232-235.
91. Е.А. Ш е п и л е в с к и й, В.А. Н е с м е л о в. Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, 1906, II, 1666-1675.
92. В.А. Н е с м е л о в. Молочное хозяйство, 1906, № 43, 44, 46.
93. В.А. Н е с м е л о в. К методике количественного определения окиси углерода (СО). Экспериментальное исследование. Дисс. маг. фарм. Юрьев, 1907.
94. К. Г р е в и н г. Материалы к гигиенической оценке спиртокалильного освещения. Дисс. маг. фарм. Юрьев, 1908.

95. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Основы и средства расовой гигиены (гигиены размножения). Юрьев, 1914; Труды и протоколы Мед. общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 6. Юрьев, 1915, 61-138.
96. Протоколы Общества естествоиспытателей при Юрьевском университете, т. XVIII, вып. 2-4. Юрьев, 1910.
97. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Труды и протоколы Мед. общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 3. Юрьев, 1912, 258-261.
98. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Русский врач, 1910, 8, 279-280; Труды и протоколы Мед. общества им. Н.И. Пирогова при Юрьевском университете. Год 2. Юрьев, 1911, 281-282.
99. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, ед. хр. 1431, л. 100 об.
100. Е.А. Ш е п и л е в с к и й. Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, 1911, 9, 1352-1363; 10, 1514-1537; 11, 1677-1687.
101. Отчет по устройству Всероссийской гигиенической выставки в Петрограде в 1913 г. Петроград, 1915.
102. ЦГИА ЭССР, ф. 402. оп. 4, ед. хр. 1475, л. 52.
103. Там же, ед. хр. 1461, л. 54.
104. Там же, ед. хр. 1431, л. 95-98, 120-121.
105. Там же, ед. хр. 1497, л. 23-23 об., 27, 28 об.
106. Там же, ед. хр. 1495, л. 156 об.
107. В.В. К а л н и н. Материалы конференции Тартуской республиканской больницы, I. Тарту, 1969, 5-14.
108. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, ед. хр. 423, л. 45.

ВОСПИТАННИК ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВРАЧ Е.Б. ЕЩЕ
(к столетию со дня смерти)

В.П. Грицкевич

Врачебная деятельность воспитанников медицинского факультета Тартуского (Дерптского) университета в различных частях Российской империи является наглядным примером тесных медицинских научных и практических связей между Прибалтикой и Россией в XIX веке. Питомцы факультета нередко были числе первых по применению передовых методов диагностики и лечения

различных заболеваний. Одним из таких врачей, прокладывавших новые пути в отечественной медицине, был выходец из Тарту хирург Егор Богданович Еше, столетие со дня смерти которого отмечалось 9 декабря 1976 года.

В русской литературе полной биографии врача нет, в справочных изданиях на немецком языке, посвященных выпускникам Дерптского университета и врачам из Латвии и Эстонии, приведены лишь краткие биографические сведения /27, с. 67; 28, с. 216-217; 29, с. 225/.

В работах по истории медицины Приволжья освещались только отдельные периоды жизни хирурга /22, с. 19-25; 23, с. 4, 18-25; 25, с. 62-65/.

Это побудило нас попытаться осветить все этапы биографии Е.Б. Еше по данным архивов и книгохранилищ городов, в которых он работал.

Егор Богданович (Георг-Эмануэль) Еше родился в Дерпте 13 февраля 1815 года /2, л. 1/. Он был вторым сыном профессора философии Дерптского университета, выходца из Силезии Готлоба-Бенямина Еше /10, л. 14; 28, с. 216/. После окончания местной гимназии Е.Б. Еше поступил в 1833 г. на медицинский факультет университета в родном городе /2, лл. 1-2/.

В личном деле Е.Б. Еше из фонда Дерптского университета в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в Тарту сохранились его студенческие истории болезни, экзаменационные листы с подписями профессоров Н.И. Пирогова, Паррота, Ледебур и других /1, л. 2/. Николая Ивановича Пирогова Е.Б. Еше считал своим учителем и после окончания университета /31, с. 8, 13/.

19 декабря 1838 года Е.Б. Еше защитил диссертацию "*De apoplexia pulmonali*" (О легочной апоплексии) на степень доктора медицины /30, 48 стр./. В 1838-1839 гг. молодой врач совершенствовал свои знания в клиниках Берлина, Вены, Вюрцбурга, Парижа. С 1840 года он работал практическим и госпитальным врачом в Риге и Петербурге. В 1842-1844 гг. Е.Б. Еше разработал упомянутую ниже методику кожной пластики лица и, в частности, пластики века при энтропионе. Метод лечения энтропиона, предложенный Е.Б. Еше, получил распространение в модификации видного окулиста Арльта и был описан в учебниках как "операция Еше-Арльта" /28, сс. 216-217/.

В 1844 году Е.Б. Еше поступил на должность врача-ордина-

AVSPICIIS SAPIENTISSIMIS ET FELICISSIMIS
NICOLAI PRIMI
 AVGVSTISSIMI SERENISSIMI AC POTENTISSIMI
 IMPERATORIS

ELVSQVE AVCTORITATE IMPERATORIA
VNIVERSITATIS LITTERARVM CAESAREAE
DORPATENSIS

PHILADELPHIAE DOCTORE ARTIUM LIBERALIUM MAGISTRO A CONSULEN AYLICH ORDINE R. FLAMMINI CLASSE QUARTAE ET R. AUSTRIAE CLASSE TERTIAE EQVITI
HISTORIAE LITTERARVM LITTERARVM GRAECARVM ET LATINARVM AC PAEDAGOGICAE PROFESSORE PVBLCO ORDINARIO

IN YOUR EVANGELISM AT THE DOCTRINE

DOOR AT THE

DE APOPLEXIA PULMONALI

DOCTRINAR EXAMINATĂ ÎN REGIE CONTEMPORANĂ

MEDICINAE DOCTORIS

[illegible]

ORDINIS MEDICORVM H. T. DECATVS

LITTEBIS IOANNIS CHRISTIANI SCHVEENARUM

тора Минской еврейской больницы с правом государственной службы. 27 февраля 1844 года Минский приказ общественного призрения постановил просить Медицинский департамент Министерства внутренних дел утвердить Е.Б. Еше в должности, а 4 сентября того же года просьба эта была удовлетворена /4, лл. I-13/^{*}. В том же году в свет вышла монография Е.Б. Еше, посвященная пластической хирургии /31, 50 стр./, подробно рассмотренная в статье Е.А. Вагнера и З.Д. Кулешовой / 20 /.

В этой монографии Е.Б. Еше предложил оригинальный метод местной пластики дугообразными лоскутами, сближаемыми методом ротации. Лоскуты, в отличие от лоскутов при сходной операции хейлопластики, предложенной видным немецким хирургом Диффенбахом (1792-1847), имели не угловатый, а округлый край /19, с. 49/. Косметические результаты операций хейло- и блефаропластики, проведенных Е.Б. Еше по своей методике, были вполне удачными.

В марте 1845 г. Е.Б. Еше подал прошение об определении его на должность городского врача в Саранск. Медицинский департамент удовлетворил эту просьбу 2 апреля 1845 года, а 30 июня того же года Е.Б. Еше прибыл в Саранск и приступил к работе /6, лл. I-8/^{**}.

30 сентября 1846 года Е.Б. Еше был назначен старшим врачом при богоугодных заведениях Пензенского приказа общественного призрения /5, л. I; 12, лл. 488-489; 14/^{***}. Здесь развернулся клинический талант хирурга. В своих ежегодных отчетах по Пензенской больнице, которые Е.Б. Еше регулярно публиковал в столичной газете "Medicinische Zeitung kußlands" (1849-1852, 1854), врач описывал производимые им операции онкологического характера, первичные ампутации, ортопедические и глазные операции, резекции нижней челюсти, применение им крахмальной повязки, камнесечение. Историк хи-

* При просмотре частично сохранившихся архивных фондов "Канцелярия Минского губернатора" и "Минская врачебная управа" в Центральном государственном историческом архиве БССР в Минске сведения о Е.Б. Еше не были обнаружены /15/.

** Сведения о жизни и деятельности хирурга в Саранске в фондах Саранской городской думы и Саранской Городской управы Центрального государственного архива Мордовской АССР не обнаружены /17/.

*** С 1848 по 1853 гг. Е.Б. Еше работал также врачом при Пензенской казенной палате /10, л. 13; 11, лл. 101, 102 об./.

гургии в Пензенском крае С.В. Кульнев справедливо отмечает, что этого перечня операций достаточно, чтобы охарактеризовать Е.Б. Еще как активного и прогрессивного хирурга своего времени /23, с. 20/.

Е.Б. Еще был одним из зачинателей применения наркоза в отечественной хирургии. Уже спустя полгода после первых попыток применения наркоза в оперативной практике в Риге, Москве, Петербурге* и других крупных городах, Е.Б. Еще вместе с врачом Г. Циммерманом 20 августа 1847 года впервые в Пензе применил эфир для наркотизации оперируемого больного. Используя при этом "клизмопомп" своего учителя Н.И. Пирогова для ректального применения наркоза, к 18 декабря того же года Е.Б. Еще успешно применил эфир при восьми операциях без вредных последствий /12, лл. 174-175/**.

В 1848 году Е.Б. Еще с успехом применял и хлороформ для наркоза, о чем докладывал 3 января 1849 года в Медицинский департамент оператор Пензенской губернской врачебной управы О. Раденер /8, лл. 14-15/***.

После восьми с лишним лет работы в Пензе Е.Б. Еще переехал в Нижний Новгород (там служил его младший брат Юлиус Еще) /27, с. 105/. Перевод Е.Б. Еще на должность старшего врача Нижегородской больницы Приказа общественного призрения /13, л. 3 об.; 17/ был оформлен 22 февраля 1855 года. Врач возглавил хирургическое отделение больницы /10, л. 13; 11, л. 102 об./.

Под руководством Е.Б. Еще больница превратилась в образцовое лечебное учреждение, в котором применялись новые лечебные и диагностические методы. По характеристике историка нижегородской хирургии А.А. Ожерельева, Е.Б. Еще "с полным основанием может быть назван зачинателем хирургии в Нижнем Новгороде и Нижегородском крае" /25/.

* В Риге первое успешное хирургическое вмешательство под эфирным наркозом было осуществлено не позже 28 января 1847 г. /21, с. 30/; в Москве 7 и 13 февраля 1847 г., в Петербурге - 14 февраля 1847 г. /23, с. 21/.

** Впервые цитировавший этот документ С.В. Кульнев /23, с. 22/ указал страницы рапорта в деле иные: "144-145".

*** Впервые цитировавший этот документ С.В. Кульнев /23, с. 22/ указал номер фонда: "1247" и приписал текст отчета Егору Богдановичу Еще, тогда как под отчетом в архивном деле стоит подпись оператора О. Раденера.

Е.Б. Еще был одним из основателей Нижегородского научно-общества врачей и первым его председателем. Он поддерживал тесные связи со своим учителем Н.И. Пироговым и другими учеными крупных городов. Статьи Е.Б. Еще помещались в различных научных периодических изданиях страны. Ученый выступал с докладами на заседаниях Московского общества врачей /20, 22/.

В октябре 1858 года врач тщетно пытался занять пост заведующего кафедрой хирургии в Харьковском университете /I, лл. 68-69/, для чего обратился в Дерптский университет за рекомендацией медицинского факультета /I, лл. 72-72 об./*.

С 10 августа 1871 года Е.Б. Еще работал оператором и консультантом Нижегородской губернской больницы. В апреле 1876 года он был переведен на должность помощника инспектора Нижегородского врачебного отделения / 7 /, но вскоре, 9 декабря 1876 года, скончался /9; 27, с. 68; с. 216; 29, с. 225/.

Так закончилась жизнь передового провинциального хирурга Е.Б. Еще. Отдаленность от научных центров не смогла помешать развитию творческой мысли этого талантливого специалиста.

Л и т е р а т у р а

1. Центральный государственный исторический архив (сокращенно ЦГИА) Эстонской ССР в Тарту, фонд 402, опись 2, дело 106. 13.
2. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, д. 67.
3. ЦГИА СССР (Ленинград), ф. 1349, оп. 3, д. 78 (Послужной список ординарного профессора коллежского советника Еще от 1819 года).
4. ЦГИА СССР, ф. 1297, оп. 21, д. 501 (Об определении врачом при Минской еврейской больнице доктора Иеше).
5. ЦГИА СССР, ф. 1297 оп. 24, д. 47 (О назначении особого городского врача в город Пензу).
6. ЦГИА СССР, ф. 1297, оп. 22, д. 291 (Об определении на должность городского врача в Саранск).

* Кафедра оперативной хирургии и хирургическая университетская клиника в Харькове освободилась по смерти профессора П.А. Нарановича (1805 - 8 мая 1858 гг.) /26/. В 1859 г. место профессора занял В.Ф. Грубе /24, с. 356/. Дело о попытке Е.Б. Еще занять кафедру в Харьковском областном государственном архиве не сохранилось /18/.

7. ЦГИА СССР, ф. 1297, оп. 84, д. 155 (О смерти помощника инспектора Нижегородского врачебного отделения лекаря Гаписского; (...) об определении в ту же должность оператора и консультанта Нижегородской губернской земской больницы доктора медицины статского советника Еше, 1876 г.) (дело выбыло, заглавие дела приведено по описи).
8. ЦГИА СССР, ф. 1297, оп. 244, д. 312 (Отчет Пензенской врачебной управы за прошедший 1848 год).
9. ЦГИА СССР, ф. 1297, оп. 84, д. 361 (По ходатайству Нижегородского городского врача коллежского советника Бровковича о назначении его помощником инспектора тамошнего врачебного отделения, 1876-1877 гг.), дело выбыло, заглавие дела приведено по описи.
10. ЦГИА СССР, ф. 1349, оп. 3, д. 78 (послужной список о службе Е.Б. Еше от 1858 года).
11. ЦГИА СССР, ф. 1349, оп. 6, д. 94 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства. Формулярный список о службе Е.Б. Еше от 29 марта 1876 года).
12. Государственный архив Пензенской области, ф. 291, оп. 1, д. 24 (формулярный список о службе Е.Б. Еше от 25 августа 1847 г.).
13. Государственный архив Горьковской области, фонд Нижегородской врачебной управы, оп. 695а, д. 147.
14. Письмо от 6 августа 1974 года директора Государственного архива Пензенской области В.С. Година автору статьи.
15. Письмо № 171 от 12 августа 1974 года директора ЦГИА БССР в Минске Н.К. Лещенко автору статьи.
16. Письмо № 18 от 27 августа 1974 года директора Центрального государственного архива Мордовской АССР в Саранске В.П. Жироуховой автору статьи.
17. Письмо № 333 от 18 сентября 1974 г. директора Государственного архива Горьковской области Т.А. Битовой автору статьи.
18. Письмо № 269/Д 3/13 от 17 декабря 1974 г. директора Харьковского областного государственного архива Л.Г. Шульги автору статьи.
19. Н.И. Б л о х и н. Кожная пластика. М., 1955, 226 стр.
20. Е.А. В а г н е р, Э.Д. К у л е ш о в а. К истории ротационного метода кожной пластики (о приоритете доктора Е.Б. Еше). Хирургия, 1974, 3, 136-139.

21. А.А. В и к с н а. О первых случаях применения эфирного и хлороформного наркоза в Латвии. В кн.: Материалы IX Межреспубликанской конференции по истории естествознания и техники в Прибалтике. Вильнюс, 1972.
22. В.И. Д м и т р и е в а. Врачи-нижегородцы. Горький, 1960, 19-25.
23. С.В. К у л ь н е в. Развитие хирургии в Пензенской области. Саратов-Пенза, 1968.
24. И.И. М а к л е ц о в. Кафедра факультетской хирургии. В кн.: Д.И. Богалей. Медицинский факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905). Харьков, 1905-1906.
25. А.А. О ж е р е л ь е в. Зачинатели хирургии и высшего медицинского образования в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии. - В кн.: Нижегородцы в естествознании и медицине. (Доклады на историко-медицинской конференции, заслушанные в октябре 1957 года). Горький, 1957.
26. Е. Я с т р е б ц е в, П.А. Н а р а н о в и ч. "Русский биографический словарь", т. "Нааке-Накенский - Николай Николаевич старший". СПб., 1914, 60-61.
27. А. А м ш о н . Album Dorpati Livonorum. Dorpati, 1890.
28. I. В г р е н н с о н . Die Aerzte Livlands von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Mitau-Riga, 1905.
29. А. Н а с с е л б л а т т , G. O t t o . Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1889.
30. Georgius J ä s s c h e . De apoplexia pulmonali. Dissertatio inauguralis medica. Dorpati Livonorum, 1838. Typis heredum Lindforsianum.
31. G. J ä s s c h e . Beiträge zur plastischen Chirurgie. Vom (...) practischen Arzte in Minsk. Mitau, bei G.A. Reyher, 1844, mit zwei lithographieren Tafeln.

ВРАЧ П.К. ГАЛЛЕР - ВОСПИТАННИК ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Г.А. Щепетова, В.В. Калинин

Петр Карлович Галлер родился 17 (29) августа 1858 г. в Камышинском уезде Саратовской губернии, где его отец работал уездным писарем / 1 /. Последний был родом из немецких колонистов села Экгейм Новоузенского уезда Самарской губернии, как явствует из свидетельства, выданного в 1885 г. П.К. Галлеру Нижне-Ерусланским волостным правлением по поводу увольнения его из среды общества поселян-собственников для перечисления в другое сословие / 2 /.

После окончания Саратовской гимназии в 1880 г. П.К. Галлер поступил на медицинский факультет Дерптского (ныне Тартуского) университета, который окончил в 1886 г. со степенью доктора медицины /3, 4/. Его учителями были такие тогда известные ученые, как физиолог А. Шмидт, патологоанатомы А. Бэтхер и Р. Тома, фармацевт Г. Драгендорф, биохимик Г. Бунге, хирург Э. Валь (последний, по свидетельству П.К. Галлера, оказал влияние на последующие его исследования по лепрологии /5/); гигиену и судебную медицину он изучал у профессора Б. Кербера, микроскопию на частных курсах у доцента М. Брауна, впоследствии крупного гельминтолога, у профессора терапии А. Гофмана и доктора Ессена / 6 /.

Докторскую диссертацию на тему "Биостатика города Нарвы вместе с пригородами и фабриками в 1860-1885 гг. с приложением сведений о заболеваемости там же". П.К. Галлер выполнил под руководством профессора государственного врачеведения Б. Кербера / 7 /. Под руководством последнего было выполнено в 1880-1886 гг. несколько диссертаций, посвященных изучению демографических процессов в ряде городов и сельских приходов Лифляндской и Эстляндской губерний. Все эти работы проведены в основном по одинаковому плану, за основу которого взят план подобного исследования самого Кербера от 1864 г. / 8 /. Работа П.К. Галлера является первой, посвященной изучению естественного движения населения г. Нарвы.

Диссертация П.К. Галлера состоит из трех основных разделов: статистика родившихся, обвенчанных и умерших. Статистика родившихся разработана по полу, законности (родившиеся в браке и вне брака) и времени дня, по месяцам и годам. В этих

же разрезах изучена статистика мертворожденных. Статистика обвенчанных разработана по семейному состоянию, возрасту и времени венчаний; приведены также данные о брачной плодовитости. Статистика умерших изучена по полу, возрасту, семейному состоянию и времени. Ввиду отсутствия тогда точных данных о причинах смерти, П.К. Галлер приводит только статистические данные о них во время эпидемий и в послеродовом периоде, а также данные о случаях насильственной смерти, так как эти причины смерти, указываемые в церковных книгах, считались более надежными. В заключение приведены данные о соотношении родившихся на 100 умерших.

Для диссертации П.К. Галлера характерна попытка анализировать закономерности естественного движения населения в связи с его социальными и хозяйственно-бытовыми условиями жизни. Распределение родившихся, обвенчанных и умерших по вероисповеданию и принадлежности к определенным церковным общинам давало возможность разработать материал более или менее в национальном разрезе. При этом эстонцы, как правило, относились на селе к крестьянам, а в городах — к неимущим. Представляют интерес некоторые выводы автора из анализа материала, например, о влиянии эпидемий, войн и неурожаев, в частности, колебавшихся хлебных цен на рождаемость, брачность и смертность. Большое внимание обращается на изучение детской смертности. П.К. Галлер считал основными причинами крайне высокой детской смертности у рабочих города Нарвы антисанитарное состояние их жилищ, недостаточную заботу о детях, нерегулярное кормление грудным молоком, ибо матери сами плохо питались и целый день проводили в работе на фабрике. У эстонцев и русских из родившихся умирала на первом году жизни одна треть, что было выше, чем в г. Тарту и на селе.

В приложении П.К. Галлер, в отличие от других биостатистических исследований, проведенных под руководством Б. Кербера, делает попытку изучить заболеваемость рабочих нарвских фабрик, основываясь на журналах больных трех крупных фабрик, военного госпиталя и земской больницы, а также на данных практики местных врачей в актах магистрата. Интересные сведения приведены им об эпидемиях, свирепствовавших на территории города Нарвы и его слобод. Часто имели место эпидемии возвратного тифа, кори, скарлатины, дифтерии, дизентерии, оспы, вызывавшие высокую летальность; только эпидемия холеры 1872 г. унесла около 1000 человеческих жизней. Часто встре-

Biostatik
der Stadt Narva nebst Vorstädten und Fabriken
in den Jahren 1860 — 1885
mit einem Anhang über die Morbilität daselbst.

Inaugural-Dissertation

zur Erlangung des Grades eines

Doctors der Medicin

verfaßt und mit Bewilligung

Einer Hochverordneten Medicinischen Facultät der Kaiserl.
Universität zu Dorpat

zur öffentlichen Vertheidigung bestimmt

VON

Peter Haller.

Ordentliche Opponenten:

Priv.-Doc. Dr. Th. Opschowski. — Prof. Dr. Fr. Hoffmann. — Prof. Dr. B. Körber.

Dorpat.

Druck von H. Laakmann's Buch- und Steindruckerei.
1886.

Титульный лист докторской диссертации
П.К. Галлера (публикуется впервые).

чались также малярия, туберкулез, пневмония, ревматизм, сифилис, кожные и др. болезни / 7, стр. 100-121/.

Огромное распространение инфекционных и других болезней среди фабричного населения П.К. Галлер связывал с плохим санитарным состоянием города, в особенности пригородов и казарм, где жили рабочие, с антисанитарными условиями труда на Кренгольмской мануфактуре и на других фабриках, с низким экономическим уровнем жизни рабочих семей. В диссертации П.К. Галлера нашло отражение губительное влияние на здоровье населения капитализма, крупной фабрично-заводской промышленности. Правомерным был критический вывод П.К. Галлера о том, что материал статистического комитета в губернских городах России страдает большим несовершенством /7, стр. 122/.

После окончания университета и защиты диссертации П.К. Галлер вследствие ходатайства Камышинской уездной управы определен земским врачом указанного уезда в Саратовской губернии, где работал с 1887 по 1891 г. / 9 /. Затем он переехал в Саратов, где был назначен сверхштатным ординатором губернской земской больницы, а вскоре стал заведующим "заразным" отделением. При нем он устроил первую в Саратове бактериологическую лабораторию.

Активно включаясь в общественную деятельность и став членом ряда научных обществ, П.К. Галлер прилагал немало усилий для улучшения санитарного состояния города, самоотверженно участвовал в борьбе с эпидемиями. С 1891 г. он член, а вскоре секретарь Саратовского научного физико-медицинского общества (основано в 1860 г.), в 1897 г. его избрали председателем общества. Одновременно он являлся (с 1891 г.) членом Саратовского санитарного общества, на заседаниях которого часто встречался с первым санитарным врачом России И.И. Моллесом / 10 /, с 1897 г. совместно с Н.И. Тезяковым (тогда заведовавшим медико-санитарным бюро г. Саратова) входил в состав санитарного совета губернской земской управы / 11 / и т.д.

Никогда не отказываясь от выездов в деревни, пораженные чумой и холерой, П.К. Галлер показывал пример готовности к участию в борьбе с опасными эпидемиями. Так, во время эпидемии 1892-1893 г. он возглавлял холерное отделение губернской земской больницы и опубликовал отчет о работе, из которого видно, что детальность от холеры составляла от 52 до 71% / 12 /. В 1893 г. он издал обширную статью о способах

распространения холеры и предохранения от нее, в которой показал отличное знание немецких и французских работ по этому вопросу / 13 /. В 1897 г. П.К. Галлер был включен в состав противочумной комиссии. В конце 1900 г. он выехал с правительственной комиссией, возглавляемой принцем А.П. Ольденбургским, в Астраханскую губернию, где в борьбе с чумой проявил незаурядные организаторские способности, за что был "пожалован" орденом Святой Анны 3-й степени / 9 /. Установленный строгий карантин в виде внешнего оцепления (местностей) и внутреннего (зараженных домов) способствовал ослаблению эпидемии. В слободе Владимировке испуганное население отказалось от прививок, и тогда с целью подтверждения безвредности противочумной сыворотки Йерсена П.К. Галлер и другие медработники сначала сделали прививки себе / 14 /.

При появлении холеры в Саратове в 1904 г. Н.Ф. Гамалея предложил губернской санитарно-исполнительной комиссии поручить бактериологическую диагностику П.К. Галлеру. Материал от больных, подозрительных на холеру, доставлялся со всей Саратовской губернии / 15 /. П.К. Галлер изучил посланную ему для испытания Институтом экспериментальной медицины противохолерную лечебную сыворотку / 16 /.

В 1907 г. П.К. Галлер вновь был командирован на борьбу с эпидемией чумы в Царицынский уезд / 17 /. Через четыре года он был награжден орденом Святого Владимира "за особо усиленные труды по борьбе с холерой и чумой эпидемиями в 1909 году" / 9 /.

Большое значение П.К. Галлер придавал участию самого населения в борьбе с эпидемиями, повышению его санитарной грамотности. Он написал брошюру "Беседы о холере" / 18 /, которая переиздавалась 10 раз. Переведенная на мордовский и татарский языки в 1911 году, она выдержала пять изданий.

П.К. Галлер находился в тесном сотрудничестве с Д.К. Заболотным, принимал вместе с ним участие в борьбе с эпидемиями чумы (1900 г.), сибирской язвы (1900 г.), выступая на съезде, созванном Саратовским санитарным обществом в 1900 году.

На заседании "бугорчаточной" комиссии физико-медицинского общества в 1902 г. П.К. Галлер говорил о том, что необходимо общее медико-статистическое изучение Саратова / 19 /. По его предложению в этом же году была избрана комиссия для разработки плана нормальной сети амбулаторий в г. Саратове

/ 20 /. Еще в 1899 г. на заседании общества он настаивал на открытии городской больницы для чахоточных и увеличении числа коек для больных сифилисом / 21 /. Изучая распространенность проказы в Саратовской губернии, он отметил учащение заболеваемости, рекомендовал устройство лепрозория / 5,22 /. В одной из его работ описана цинга в губернской земской больнице, возникающая у больных вследствие плохого питания / 23 /.

Особо следует отметить участие П.К. Галлера в организации Пастеровской станции в Саратове. В 1897-1898 гг. он был командирован в Петербург и за границу для изучения прививочного дела по методу Пастера. Ознакомившись с работой Пастеровских станций в Одессе, Киеве, Варшаве, а также в Париже, Вене, Берлине, Будапеште, Бухаресте, он изучил технику получения вакцин, приобрел инструментарий и аппаратуру / 24 /. В течение шести лет П.К. Галлер работал заведующим Пастеровской станцией (1898-1904 гг.). Он считал целесообразным объединение станции, "заразного" отделения губернской земской больницы и городской дезинфекционной камеры в единое учреждение.

Многочисленные статьи и рефераты П.К. Галлера в журналах "Саратовский санитарный обзор", "Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии", "Русский врач", "Медицинское обозрение", "Новое в медицине" и др. освещают борьбу с эпидемиями, вопросы улучшения санитарно-эпидемиологического дела. Имя П.К. Галлера было широко известно медицинской общественности России. Он являлся участником совещания по бактериологии, эпидемиологии и проказе в Петербурге (1911 г.), избирался секретарем отдела бактериологии, эпидемиологии и клиники холеры на Поволжском противохолерном съезде (1908 г.), выступал на противочумном съезде в Самаре (1914 г.). По предложению Г.Н. Габричевского на УШ Пироговском съезде в 1902 г. П.К. Галлер был избран почетным секретарем отдела бактериологии и паразитологии / 25 /.

Вопросы гигиены всегда привлекали пристальное внимание П.К. Галлера. Ему принадлежит реферативное сообщение об измерении света в классных комнатах / 26 /, о процессах самоочищения реки Волги / 27 /, о питании населения Саратовской губернии в 1892 году. Подсчитав калорийность пищевого рациона крестьян, он пришел к заключению, что основная масса бедняков совершенно лишена полноценных белков животного проис-

хождения / 28 /. В 1912 г. П.К. Галлер был привлечен вместе с Н.Ф. Гамалеей, Н.И. Тезяковым и др. для создания двухтомного руководства по гигиене / 29 /, которое по каким-то причинам не было издано.

В Саратове П.К. Галлер был хорошо известен как прекрасный клиницист. Он преподавал в фельдшерско-акушерской школе, работал врачом-консультантом в Институте благородных девиц и Саратовском реальном училище / 9 /. Владея собственной типографией, он сам написал и издал ряд учебников, пользовавшихся большой популярностью ("Курс общей бактериологии", "Курс инфекционных болезней", "Курс болезней уха, носа и гортани"), перевел с немецкого руководства Дунбара "Руководитель по вопросу очистки сточных вод" и Краузе "Диагностика". Среди русских врачей он стал особенно известен как переводчик "Руководства бактериологии и бактериологической техники" К. Гюнтера. Это руководство вышло в 1897 г. П.К. Галлер внес в него собственные дополнения в виде подстрочных примечаний и приложений, указал русские источники литературы, изложил суть новых работ по бактериологии некоторых заразных болезней, отдельные главы были им совершенно переработаны / 30 /.

Таким образом, П.К. Галлер откликался на различные события во врачебной жизни, вникал во все вопросы санитарного благоустройства Саратова. Он был известным клиницистом-инфекционистом и фактически первым бактериологом в Саратове. Саратовское научное физико-медицинское общество избрало его за заслуги в области медицины, наряду с Пастером, Эрлихом, И.П. Павловым и Ф.Ф. Эрисманом, своим почетным членом.

В 1909 г., когда был основан Саратовский университет в составе единственного медицинского факультета, П.К. Галлера пригласили читать лекции по инфекционным болезням для студентов III курса, а в 1912 г. избрали приват-доцентом курса инфекционных болезней по кафедре частной патологии и терапии / 31 /. Основой избрания послужил отзыв комиссии, состоявшей из профессоров А.А. Богомольца, Н.Н. Кирикова и Ф.В. Вербицкого. Компетентная комиссия дала высокую оценку переводам, сделанным П.К. Галлером, и изданным им учебникам, его отчетам по холерному отделению губернской больницы, клинической деятельности в области инфекционных болезней, участию в борьбе с эпидемиями холеры, чумы и оспы, а также организации им в Саратове Пастеровской станции / 32 /.

В 1915 г. П.К. Галлеру было разрешено вести "демонстра-
тивный курс по заразным болезням" для студентов III и IV
курсов по 2 часа в неделю. Одновременно он стал работать на
Высших женских медицинских курсах, где вел практические за-
нятия по заразным болезням. После Великой Октябрьской социа-
листической революции П.К. Галлер был избран профессором ка-
федры инфекционных болезней Саратовского университета
/ 33 /.

В 1918 г. в Саратове вспыхнула эпидемия сыпного тифа.
Через Саратов шли волны беженцев из западных губерний, на
баржах из Самары прибывали бывшие военные, возвращавшиеся на
родину в Сибирь, через город проходили составы с фронта, пе-
реполненные сыпнотифозными больными. Недоставало мыла, пра-
чечных и бань, завышенность была всеобщей, по свидетель-
ству Н.И. Тезякова, председателя чрезвычайной комиссии по
борьбе с сыпным тифом в Саратове. В 1918-1919 гг. по числу
зарегистрированных случаев сыпного тифа Саратовская губерния
занимала третье место после Тамбовской и Орловской. Причем
в Саратове 7,5% всех заболеваний сыпным тифом падало на ме-
дицинский персонал (заболел 1601 человек), врачей заболело
107, из них умерло 13,1% / 34 /. П.К. Галлер принял активное
участие в борьбе с сыпным тифом, исполняя обязанности стар-
шего врача 12-го сыпнотифозного лазарета. Заразившись сыпным
тифом от больных, он скончался 20 января 1920 года. В лице
П.К. Галлера медицинская общественность потеряла крупного
ученого-инфекциониста. В некрологе бывшего председателя Са-
ратовского физико-медицинского общества профессора Н.Е. Ку-
шева говорилось, что "Саратов потерял незаурядного общест-
венного работника, погибшего при исполнении тяжелого граж-
данского долга, Саратовский университет и медицинский фа-
культет солидного научного преподавателя" / 33 /.

Л и т е р а т у р а

1. ЦИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 8663, л. 138.
2. Там же, л. 140.
3. Там же, ед. хр. 8662, л. 1-2.
4. Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dor-
pat, 1889, 781.
5. П.К. Г а л л е р. Распространенность проказы в Саратов-
ской губернии. Врачебно-санитарная хроника Саратов-
ской губернии, 1907, 7, 431-437.

6. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 8663, л. 4-5.
7. P. H a l l e r . Biostatik der Stadt Narva nebst Vorstädten und Fabriken in den Jahren 1861-1885 mit einem anhang über die Morbilität daselbst. Diss. Dorpat, 1886.
8. B. K ö r b e r . Biostatik der im Dörptschen Kreise gelegenen Kirchspiele Ringen, Randen, Nüggen und Kawelecht in den Jahren 1834-1859. Dorpat, 1864.
9. Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф.393, оп. I, ед. хр. 822.
10. Саратовский санитарный обзор, 1892, № 7.
11. Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии, 1904, 8, 712, 724-730.
12. П.К. Г а л л е р . Из отчета по второму холерному отделению Саратовской губернской земской больницы. Медицинское обозрение, 1892, 12, 915.
13. П.К. Г а л л е р . Способы распространения холеры и предохранение от нее. Саратовский санитарный обзор, 1893, № 13, 14, 15, 16, 17 и 18.
14. П.К. Г а л л е р . Данные по эпидемии в слободе Владимировке Астраханской губернии. Саратовская земская неделя, 1902, 4, 87-101.
15. П.К. Г а л л е р . Наблюдения над холерой осенью 1904 г. в Саратове. Русский врач, 1905, 21, 686-690.
16. П.К. Г а л л е р . Сывороточное лечение холеры. Врачебная газета, 1909, 1, 26-29.
17. П.К. Г а л л е р . Отчет по командировке на эпидемию в с. Песчанке Царицынского уезда. Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии, 1907, 8, 562-580.
18. П.К. Г а л л е р . Беседы о холере. Изд. Саратовского губернского земства. Саратов, 1904.
19. Русский врач, 1902, 42, 1541.
20. Русский врач, 1902, 23, 892.
21. Труды Саратовского физико-медицинского общества за 1900 год. Саратов, 1901, 139.
22. Русский врач, 1907, 35, 1234.
23. П.К. Г а л л е р . Цинга в Саратовской губернской земской больнице. Саратовский санитарный обзор, 1892, 11/12, 440-442.

24. П.К. Г а л л е р. Отчет по командировке в С.-Петербург и за границу для изучения предохранительных прививок против бешенства по способу Пастера. Саратовская земская неделя, 1898, № 31 и 32.
25. Русский врач, 1902, 4, 152.
26. П.К. Г а л л е р. Новейшие данные об измерении света в классных помещениях. Саратовский санитарный обзор, 1892, 10, 398-401.
27. П.К. Г а л л е р. Самоочищение рек. Саратовский санитарный обзор, 1892, 11/12, 445-449.
28. П.К. Г а л л е р: По поводу питания населения Саратовской губернии в зиму 1892-1893 гг. Сборник Саратовского земства. Саратов, 1893, № 5.
29. Санитария и гигиена, 1911, №№ 7, 18, 19, 20. Объявления.
30. К. Г ю н т е р. Руководство по бактериологии и бактериологической технике. Перевод с 1У нем. исправленного и дополненного издания и дополнения доктора медицины П.К. Галлера. Издание переводчика. Саратов, 1897.
31. ГАСО, ф. 57, оп. I, ед.хр. 14.
32. Известия Саратовского Николаевского университета, 1912, т. 3, вып. 4, 69-78.
33. Саратовский вестник здравоохранения, 1920, т. I, вып. I-3, 71-72.
34. Н.И. Т е з я к о в. Сыпотифозная эпидемия в Саратовской губернии. Саратовский вестник здравоохранения, 1920, т. I, вып. I-4.

О МЕДИКАХ ПРИБАЛТИКИ - ВОСПИТАННИКАХ ГУСТАВИАНСКОЙ И ГУСТАВО-КАРОЛИНСКОЙ АКАДЕМИЙ В ХУП-ХУШ ВЕКАХ

А.А. Вискна

В исторической литературе опубликованы довольно подробные сведения о преподавании медицины и профессорах медицинского факультета Густавианской и Густаво-Каролинской академий в период с 1632 по 1656 и с 1690 по 1710 год / I /, причем авторы сходятся в мнении, что преподавание медицины находилось на невысоком уровне, хотя некоторые успехи медицинской науки и практики все же отмечались.

Изучая историю университета, исследователями до сих пор мало освещены некоторые аспекты вопроса, в частности, не обобщены сведения о медиках-воспитанниках Густавианской и Густаво-Каролинской академий, в XVII-XVIII веках работавших на территории Прибалтики (т.е. современной Эстонии и Латвии). Цель данного сообщения заключается в попытке установить эти сведения при помощи сопоставления уже опубликованных трудов. С одной стороны, это биографические лексиконы врачей / 2 /, аптекарей / 3 / и ученых / 4 / Прибалтики, с другой, - опубликованные Т. Бейзе матрикулы Густавианской и Густаво-Каролинской академий / 5 /.

Примерные данные из вышеуказанной литературы говорят о том, что в период с 1630 по 1730 год в Прибалтике работало 64 врача со степенью доктора медицины. 25 из них родились в Прибалтике, 28 за пределами Прибалтики, у 11 место рождения неизвестно. Интерес представляет также место обучения (университет). У 19 докторов медицины университет неизвестен, среди остальных наиболее популярными были Лейденский и Кенигсбергский университеты соответственно с 20 и 15 воспитанниками. В Виттенберге учились 7 человек, в Иене - 5, Лейпциге - 5, Росток - 4, Упсале - 4, Галле - 4 человека; кроме того, упомянуты еще 18 других университетов с числом воспитанников от 1 до 3 / 6 /. Какой удельный вес среди медиков Прибалтики XVII-XVIII веков составляли воспитанники Густавианской и Густаво-Каролинской академий? В литературе / 7 / нам удалось обнаружить следующие сведения.

Альберт Лантинг (*Albertus Lanting*) из Ревеля имматрикулирован в Дерпте 2 июля 1637 года, в Кенигсберге 15 сентября 1640 года / 8 / и в Лейдене 30 ноября 1643 года как студент теологии / 9 /. Следует полагать, что он является идентичным с Альбертом Лантингом, который в 1659-1674 годах упомянут в Ревеле как доктор медицины, медик и практический медик.

Янис Рейтер (*Johannes Reuter*), первый латыш, который получил звание доктора медицины, родился в Риге около 1632 года / 10 / в семье ремесленника и 10 сентября 1650 года был занесен в матрикул Густавианской академии, где изучал теологию. Я. Рейтер единственный до сих пор известный латыш, который учился в этом университете. Около 1656 года он стал пастором в приходе Роннебург / 11 /, где пользовался широкой популярностью среди крестьян и вошел в конфликт с управляющим поместья, который даже напал на пастора и ранил его.

В 1664 году Я. Рейтер был вызван в Ригу и предстал перед церковным судом, который за вольнодумные высказывания лишил его права ~~быть~~ пастором. Потом Я. Рейтер эмигрировал, побывал в Польше, Германии, Италии и Франции, стал профессором юриспруденции / 12 /. В 1670 году он вернулся в Ригу, но, не получив работу, уехал в Москву, где около года был лютеранским пастором. Потом Я. Рейтер снова поехал в Западную Европу и в 1673 году в Виттенберге добился реституции сана, спустя два года подтвержденного шведским королем.

Примерно в это время он получил звание доктора медицины, но нам неизвестно точно, когда и где. В 1675 году, поступая в Ростокский университет, он инскрибирован как "*Doctor Bullatue et Ecclesiae Evangelicae in Moscovia Pastor, Riga, Livonus*" / 9 /, т.е. как дипломированный доктор и бывший московский пастор. То, что он был доктором медицины, можно прочесть на титульном листе его книги, вышедшей в 1675 году в Ростке: "*Collecta a Joh. Reuter, Med. Doctore et Remnenburgensium olim Pastore*" / 13 / (собрано Иог. Рейтером, доктором медицины и бывшим ронненбургским пастором).

В 1676 году Я. Рейтер вернулся в Латвию и стал гарнизонным пастором в г. Кокенгузен, проповедовал на четырех языках и пользовался большой популярностью среди неимущих слоев населения. Когда в 1677 году Я. Рейтер заезжал в Ригу, возник крупный пожар, его обвинили в поджоге и арестовали. После обнаружения настоящих виновников Я. Рейтера освободили, но за это время он снова потерял место пастора. Во время пожара сгорели все его ценные манускрипты. Я. Рейтер снова эмигрировал. Есть сведения, что в 1680 году в Гамбурге он занимался алхимией / 14 /. После 1680 года достоверных сведений о дальнейшей судьбе Я. Рейтера нет. В ряде публикаций указано, что Я. Рейтер работал пастором и врачом в Ингерманландии, где умер около 1695 года / 15 /. Однако исследования в шведских архивах говорят о том, что это был просто его однофамилец / 16 /.

Я. Рейтер был первым литератором латышской национальности. Будучи полиглотом, он в 1662 году в Риге издал перевод "Отче наш" на сорока языках (в том числе на латышском и эстонском) "*Oratio dominica XL linguarum*". Это издание потерялось, известно лишь повторное издание, которое вышло в 1675 году в Ростке / 17 /. На латышский язык Я. Рейтер перевел и в 1675 году в Риге издал также некоторые части Нового заве-

та. Недавно единственный экземпляр этой книги обнаружен в Упсальской университетской библиотеке / 18 /. Я. Рейтер, очевидно, пытался осуществить первый полный перевод библии на латышский язык, но манускрипт, вероятно, сгорел в 1677 году / 19 /. Возможно также, что книги Я. Рейтера были уничтожены, так как он резко критиковал официально признанный тогда латышский язык и письменность Г. Манцеля, часто вступал в конфликты с господствующими немецкими кругами и подвергался гонениям.

Для историков медицины интерес представляет врачебная деятельность Я. Рейтера, но, к сожалению, кроме того, что он имел звание доктора медицины, больше нам ничего не известно.

Урбан Эрландсон Иерне (Urban Hjärne, 1641-1724) из Ингерманландии вместе с братом Томасом (позже известным историком) имматрикулирован в Дерпте 23 марта 1655 года и учился там один год, потом в Упсале и Стокгольме. В 1660-1669 годах У. Иерне работал врачом в Риге. У. Иерне - известный шведский врач, химик и естествоиспытатель, был лейб-медиком короля Карла XI и шведским архиятром. Так как жизнь и научная деятельность У. Иерне хорошо известна, подробно на этом останавливаться не будем / 20 /.

Иоганн Фабер (Johann Faber) из Риги родился около 1669 года, учился в Рижском лицее / 21 /, в августе 1690 года стал студентом Густаво-Каролинской академии, с 29 марта 1691 года учебу продолжал в Кенигсберге, где в 1693 году опубликовал труд "De xiphia sive gladio" ("О мече"). 25 июля 1694 года он инскрибирован в Лейдене / 8 /, где после защиты диссертации "De sympathy" ("О сочувствии") стал доктором медицины. В 1698-1725 годах И. Фабер был вторым физиком (врачом) города Риги, потом поменял местожительство.

Петер Кнолл (Petrus Knoll) родился 21 мая 1670 года в г. Киле в Германии, в семье торговца, учился в Рижском лицее / 21 /, 11 августа 1694 года имматрикулировался в Дерпте, где 22 февраля 1696 года защитил философскую диссертацию "De animae immortalitate ex lumine nature demonstrabili" ("О бессмертии души в свете природы"). В 1698 году П. Кнолл стал кантором, в 1701 году субректором Рижского лицея и занимал эту должность до 1710 года. После смерти своего брата аптекаря Иоганна Христиана Кнолла в 1728 году, он стал владельцем Гарнизонной аптеки в Риге. П. Кнолл умер 5 июля 1743 года.

Николай Мартини (Nicolaus Martini) родился в семье рижского аптекаря 22 июня 1678 года, учился в Риге и Вильне, 7 сентября 1696 года стал студентом Густаво-Каролинской академии, учебу продолжал в Альтдорфе, Лейпциге, Галле, Лейдене и Утрехте, в 1703 году в Галле защитил диссертацию "De prudenti virium medicamenti exploratione" ("О разумном использовании сил медикамента") и стал доктором медицины. Потом Н. Мартини вернулся в Ригу, где пользовался большой популярностью среди горожан, в 1707-1735 годах был городским физиком и с 1706 года до конца своей жизни владельцем Большой аптеки. 21 октября 1735 года он был назначен гоф-медиком императрицы Анны / 22 / и до 1740 года жил в Петербурге, потом вернулся в Ригу. Н. Мартини умер 28 ноября 1741 года.

Мартин Иоганн Хено (Martin Johann Heno) родился в 1685 году в Пернове, 18 сентября 1701 года имматрикулировался в университете родного города, где изучал философию и медицину. В университете он получил известность как поэт, в 1707 году опубликовал программу диспута "De voto sanitatis ex aegena Romanorum" ("Суждение римлян о здоровье") / 23 / и в мае того же года защитил диссертацию доктора философии "De eo quod est physicum in oratoriis" ("О значении естественных наук в ораторском искусстве") / 24 /. 31 октября 1708 года М.И. Хено поступил на медицинский факультет Лейденского университета / 9 /, где стал доктором медицины. Вернувшись в Пернов, М.И. Хено в 1714 году восстановил аптеку своего отца и был ее владельцем до конца жизни, занимал также пост обер-фогта. М.И. Хено умер 10 декабря 1755 года.

Таким образом, нам удалось установить биографические сведения лишь нескольких медиков Прибалтики - воспитанников Густавианской и Густаво-Каролинской академий. Дальнейшие поиски, возможно, откроют еще ряд имен. Например, доктор медицины Иоганн Розен, работавший в Бауске в 1664 и 1665 годах, и доктор Андерсон, работавший в Митаве в 1662 году, возможно являются идентичными имматрикулированным в Дерпте 14 января 1646 года Иоганнесу Розену из Ревеля и 11 сентября 1649 года Андреасу Андерсону из Дерпта.

В целом все же следует признать, что число медиков Прибалтики - воспитанников Густавианской и Густаво-Каролинской академий, невелико. Это, очевидно, обуславливается тем, что многие медики стали военными врачами и, следовательно, не остались в Прибалтике, а также рядом других факторов.

Л и т е р а т у р а и п р и м е ч а н и я

- I. С. Е. В. П е т у х о в. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования, т. I. Юрьев, 1902.
- Р. К е н к м а а, Л. Э р н г с о н. Из истории Academia Gustaviana в Тарту (1632-1656). Скандинавский сборник, т. 2. Таллин, 1957, 137-175.
- Л. Э р н г с о н. Из истории Academia Gustavo-Carolina (1690-1710). Скандинавский сборник, т. 7. Таллин, 1963, 184-217.
- С. Г. М а г и л ь н и ц к и й. Медики университетов в Тарту (Дерпте) и Пярну (Пернове) в XVII-XVIII вв. Из истории медицины, т. 7. Рига, 1967, 179-188.
- С. S e h i r g e n. Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, Bd. 7. Riga, 1853, 1-68.
- A. B u c h h o l t z. Verzeichniss sämtlicher Professoren der ehemaligen Universitäten zu Dorpat und Pernau und der academischen Beamten. Ibid, 159-273.
- G. S a u r u m s. Tērbatas universitāte. Rīga, 1932.
2. G. O t t o. Das Medizinalwesen Kurlands unter den Herzögen und während der ersten Dezennien russischer Herrschaft bis zum Jahre 1825. Mitau, 1898.
- I. B r e n n s o h n. Die Ärzte Livlands. Mitau, 1905.
- I. B r e n n s o h n. Die Ärzte Estlands. Riga, 1922.
- I. B r e n n s o h n. Die Ärzte Kurlands. 2. Ausg. Riga, 1929.
3. E. S e u b e r l i c h. Liv- und Estlands älteste Apotheken. Riga, 1913.
- G. O t t o. Die Apotheken und Apotheker Kurlands. Mitau, 1915.
4. J. F. R e c k e, K. E. N a p i e r s k y. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Liv-, Ehst- und Kurland, Bd. 1-4. Mitau, 1827 - 1832. Nachträge und Fortsetzungen, Bd. 1-2. Mitau, 1859-1861.
5. T. B e i s e. Beitrag zur Geschichte der ältesten Universität Dorpat. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands, Bd. 8. Riga, 1855, 146-191.

- Т. В е i s e . Beitrag zur Geschichte der zweiten schwedisch-livländischen Universität. Ibid, Bd. 12. Riga, 1880, 309-332.
6. Все эти данные довольно условные, так как фактический материал, имеющийся в литературе, весьма нечеткий.
 7. В дальнейшем тексте в основном цитируются данные из вышеуказанных источников /2, 3, 4, 5/. При использовании других источников они указываются отдельно.
 8. А. S e r a p h i m . Liv-, Est- und Kurländer auf der Universität zu Königsberg. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. 16. Riga, 1896, 134, 135, 210, 211, 227.
 9. Н. J. В ö t h f ü h r . Die Livländer auf auswärtigen Universitäten in vergangenen Jahrhunderten. Riga, 1884, 111, 164, 187.
 10. Отдел редкой книги и рукописей Государственной библиотеки Латв. ССР им. В. Лациса, ф. 59, оп. 8, д. I7, л. 20.
 11. К.Е. N a p i e r s k y . Beiträge zur Geschichte der Kirchen und Prediger in Livland, Bd. 4. Mitau, 1852, 13.
 12. J. S t r a u b e r g s . Rīgas vēsture. Rīga, 1935, 364.
 13. Latviešu literatūras vēsture, 1. sēj. Rīga, 1959, 379.
 14. В. J ē g e r s . Johannes Reuter als Alchimist. Språkliga Bidrag, 12. Lund, 1959, 44-48.
 15. J. S t r a u b e r g s . Reiters Janis. Latviešu konversācijas vārdnīca, 18. sēj. Rīga, 1938, 35258-35260.
История латышской литературы, т. I. Рига, 1971, с. 31, 32.
 16. Е. D u n s d o r f s , В. J ē g e r s . Jāņa Reitera dzīve avotu gaismā. Arhīvs, 9. sēj. Melburna, 1969, 45-72.
 17. Факсимильное переиздание этой книги осуществлено в 1954 году в Копенгагене.
 18. К. K a r u l i s . Atrasta sena grāmata latviešu valodā. Karogs, 1975, 7, 180.
 19. J. S t r a u b e r g s . Latviešu bībeles tulkojumu mēģinājumi priekš Glikā. Izglītības ministrijas mēnešraksts, 1935, 11, 312-320.
 20. См., например: Страдынь Я.П., Страдынь П.И. Шведский ученый ХУП века Урбан Иерне и его связи с Прибалтикой. Из истории медицины, т. I. Рига, 1957, 57-62.

21. F. jun. B i e n e m a n n . Die Matrikel des Rigaschen Lyceums 1675-1709. Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik, 1901. Mitau, 1902, 164, 168.
22. Я. Ч и с т о в и ч. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, ССХІХ.
23. G. R a u s c h . Die Universität Dorpat und das Eindringen der frühen Aufklärung in Livland (1690-1710). Essen, 1943, 46, 210, 235, 340.
24. Один экземпляр диссертации М.И. Хено, а также диссертация П. Кнолла находятся в отделе редкой книги и рукописей фундаментальной библиотеки АН Латв. ССР. Там же находится немецкий перевод диссертации М.И. Хено, изданный в Риге.

ОФТАЛЬМОЛОГ П. АВИЖОНИС - ВОСПИТАННИК
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В.П. Судикас, В.В. Калинин

Пятрас Авижонис родился 17 апреля 1875 г. в г. Пасвалис (Литовская ССР). В семье было восемь детей, Пятрас был из них самым старшим. Гимназию он посещал в Митаве (ныне Елгава). В гимназии П. Авижонис сблизился с известным языковедом Й. Яблонским, преподававшим там латинский язык. Под его влиянием П. Авижонис не только полюбил языковедение, но и перенимал некоторые черты мировоззрения Й. Яблонского, в том числе и его атеизм / I /.

Не получая материальной поддержки из дома, П. Авижонис уже с третьего класса был вынужден давать частные уроки, чтобы заработать на жизнь и другим членам семьи. В 1890 г. он вместе с некоторыми сотоварищами основал в Елгаве тайное общество "Кудикис" ("Младенец") по самообразованию литовских учеников, которым сам руководил / I /.

Позже в 1914 г. в своей докторской диссертации П. Авижонис писал: "Среди более зажиточных крестьян-литовцев наблюдается стремление дать своим детям высшее образование. Но тут сказывается неправильное понимание значения образования вообще, а лишь стремление к осуществлению заветной мечты каждого литовца-католика - видеть хоть одного из своих детей

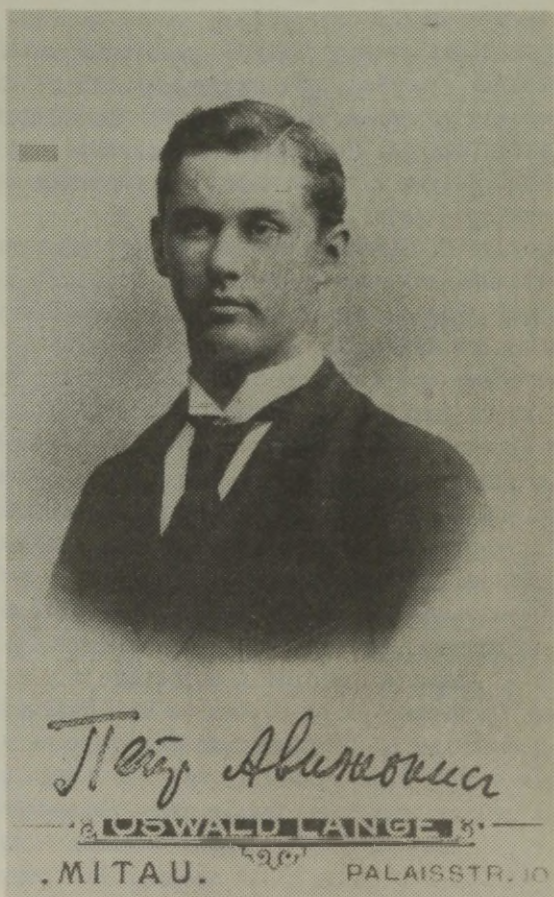
ксендзом. И горе тому упрямому, который по окончании 4 классов гимназии не почувствует "сверхъестественного" влечения в духовную семинарию, а совершенно естественное стремление к дальнейшему образованию. Требуется неистощимый запас силы и энергии, чтобы преодолев все материальные страдания, какие влечет за собой отречение родителей от непослушного сына, а иногда даже проклятие его — перешагнуть порог святилища науки — *almae matris* 2" / 2, стр. 42/.

П. Авижонис дал отказ уговорам родителей поступить в ксендзы. Окончив гимназию, он поступил в 1895 г. на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Наибольшее впечатление произвел на него известный анатом П.Ф. Лесгафт, под влиянием которого П. Авижонис заинтересовался антропологией / 3 /.

В Петербурге П. Авижонис познакомился с известным литовским общественным деятелем студентом П. Вишинским. Хорошо зная литовский язык, П. Авижонис помогал Вишинскому редактировать присланные литовским газетам рукописи. В то время сам П. Авижонис также начал сотрудничать в литовских газетах /1/.

В 1897 г. П. Авижонис перешел на III курс медицинского факультета Тартуского университета, так как в Петербурге он прослушал и успешно выдержал экзамены по тем же предметам, которые проходили на первых двух курсах медицинского факультета / 4 /. На решение изучать медицину повлиял его бывший учитель Й. Яблонскис, утверждавший, что врачу легче найти работу, чем учителю в гимназии, куда в то время в Литве принимали предпочтительно русских и православных / 3 /.

В Тарту П. Авижонису пришлось бороться с материальными трудностями. Он неоднократно обращался на медицинский факультет с прошениями об освобождении его от вноса платы за право слушания лекций, в пользу клиник или о назначении ему пособий для вноса этих плат. Так, в своем прошении от 30 января 1900 г. П. Авижонис подчеркивал, что "... я сам не только для вноса платы, но и для жизни не имею никаких средств". В пяти случаях его прошения были отклонены, в двух случаях он был освобожден от платы, а дважды назначено пособие в размере 10 рублей / 5 /. Некоторую поддержку оказала стипендия литовского благотворительного общества "Жибурулис" ("Огонек") в помощь бедным студентам, которой добивалась для него литовская народная писательница Г. Петкевичайте-Бите / 6 /. Она одна из основательниц этого в основном женского об-

П. Авионис в студенческие годы в Тартуском университете (публикуется впервые).

Дом на ул. Бурденко 61 (бывшая Мельничная ул. 47),
в котором П. Авижонис жил в свою бытность в Тарту.

чества, действовавшего до 1906 г. иллегально /7, стр. 443-444/.

Отчасти материальные затруднения побуждали П. Авижониса писать статьи и корреспонденции для литовских газет и журналов "Варпас" ("Колокол"), "Укининкас" ("Хозяйственник") и др. Он касался в них вопросов медицины, гигиены и здравоохранения, в частности указывал на порожденную социальным неравенством высокую заболеваемость среди бедняков, на недоступность больничной помощи и предлагал устроить бесплатную больницу в родном местечке Пасвалисе / 6 /. Будучи студентом Тартуского университета, П. Авижонис написал также свои первые атеистические статьи / I /.

Наряду с изучением медицины, он интересовался и литуанистикой. Проживающие в США литовцы объявили конкурс для написания грамматики литовского языка. В 1897 г. П. Авижонис, воспользовавшись грамматикой Ф. Куршайтиса, написал для практического пользования краткий конспект, который занял на конкурсе первое место. Й. Яблонскис исправил конспект и предложил назвать его "Малой литовской грамматикой", которая в 1899 г. была мультиплицирована. Позже П. Авижонис и Й. Яблонскис переработали ее в виде "Грамматики литовского языка" и издали в 1901 г. в Тильзите под псевдонимом "Пятраса Кряушайтиса" (Пятрас - имя Авижониса, а Кряушайтис - псевдоним Яблонскиса). Активная деятельность П. Авижониса как литуаниста вызвала подозрение жандармов и за ним следили, а в 1900 г. в его квартире в Тарту был произведен обыск / 6 /.

Как явствует из "Квартирной книги студентов за 1899-1904 гг.", хранящейся в ЦГИА ЭССР, П. Авижонис жил на Мельничной улице в доме № 47 (теперь ул. Бурденко 61). Первая запись П. Авижонисом сделана 6 октября 1899 г., вторая - 28 января 1900 г. / 8 /. За предыдущие годы квартирная книга студентов не сохранилась. Небезынтересно отметить, что в указанном домике непосредственно после П. Авижониса жил брат В.И. Ленина Д.И. Ульянов, который поселился туда в сентябре 1900 г. / 9 /. В квартирной книге, кроме П. Авижониса, других студентов по этому адресу не числится, поэтому можно предположить, что студентом, который передал свою комнату Д.И. Ульянову, был именно П. Авижонис. Обстоятельства найма комнаты Д.И. Ульянов в одном письме из Тарту своей матери описывал так: "Случайно познакомился с одним студентом, который оканчивает и уезжает, что-то в этом роде, и ему не

нужна комната; он снял ее на семестр без дров за 20 рублей, мне придется заплатить 15, причем еще мне в наследство осталось немного дров ..." /10, стр. 19/.

В Тарту хозяин квартиры предоставлял студенту только мебель, все остальное хозяйство, вплоть до кочерги, постоялец должен был покупать за свой счет. При поступлении студенту приходилось вносить 6 рублей за матрикул, затем 25 рублей за полугодие в пользу университета и особо гонорар профессорам плюс плата за практические занятия и за клинику 46 рублей, итого 78 рублей /10, стр. 31/. Все эти расходы тяжелым бременем ложились на весьма скудный бюджет студентов.

П. Авижонис пользовался большим авторитетом среди студентов-литовцев. В 1898-1900 гг. он был председателем Общества студентов-литовцев в Юрьеве. Члены этого общества распространяли литовскую печать и сотрудничали в литовских газетах, причем литовскую печать они получали от доцента русского языка и литературы, впоследствии профессора по кафедре сравнительной грамматики славянских наречий Тартуского университета Л. Мазинга / II /.

В области медицины учителями П. Авижониса в Тарту были в свое время известные ученые: офтальмолог Э. Рэلمان, анатом А. Раубер, терапевты К. Дегио и С.М. Васильев, химик и фармацевт И.Л. Кондаков, фармаколог С.И. Чирвинский, патологоанатом В.А. Афанасьев, гигиенист Г.В. Хлопин, психиатр В.Ф. Чиж и др. / 12 /. Осенью 1900 г. П. Авижонис сдал государственные экзамены (всего 18), причем постановлением медицинского факультета от 27 ноября 1900 г. было решено дать ему звание лекаря с отличием / 13 /.

Затем П. Авижонис работал вольнопрактикующим врачом в Литве, став вскоре популярным. Владея несколькими языками, в том числе еврейским, он мог разговаривать с пациентами на их родном языке / 14 /.

П. Авижонис все более интересовался офтальмологией. В 1903 г., узнав, что в Зарасай прибыл глазной отряд императрицы Марии под руководством доктора Рымовича, П. Авижонис отправился туда, где в течение месяца работал в отряде. Возвратившись он основал в Жагаре в том же году окулистический пункт, при котором имелись 2 койки для бесплатного хирургического лечения неимущих больных / 15 /.

Во время русско-японской войны П. Авижонис был призван на военную службу младшим врачом 161 Александропольского

полка, вместе с которым участвовал в боях. По окончании войны снова занимался частной практикой в Жагаре, заведовал глазным пунктом попечительства о слепых, а с 1911 г. работал в г. Шяуляе / 16 /.

В 1911 г. он сдает в Тартуском университете экзамены на степень доктора медицины. При этом экзамен по оперативной хирургии с топографической анатомией, десмургией и учением о вывихах и переломах принял от него Н.Н. Бурденко, клиническое испытание по хирургии – В.Г. Цеге-Мантейфель; из требуемых так называемых клязурных работ П. Авижонис представил одну из области акушерства, а другую по офтальмологии на тему "Современное состояние вопроса о симпатической офтальмологии", отметку за которую поставил А.Г. Люткевич / 17 /.

П. Авижонис собирался писать диссертацию по антропологии литовцев. Об этом в 1928 г. он писал: "Заканчивая экзамены, я был озабочен темой диссертации. Обыкновенные темы для этой цели меня не увлекали. Мне хотелось, чтобы потраченные на это время и деньги хоть чем-то были полезны Литве. Несколько раньше, в 1908 г. я отправился в Петербургский университет, там прослушал практический курс антропологии, читаемый доцентом Волковым, и усвоил методику антропометрии французской школы (Monovrier), а позже ознакомился у дерптского приват-доцента Ландау с методикой немецкой школы (Martin) Теперь искал, кто из профессоров Дерпта согласится дать мне тему из литовской антропологии и быть рецензентом и первым оппонентом. Из профессоров в области антропологии работал только Игнатовский. Однако он, хотя его и просил приват-доцент Ландау, строго отказался.

Озабочен я пошел в глазную клинику, и по совету ассистентов, рассказал о своем замысле и неудаче проф. Люткевичу. Он меня утешил и пообещал подумать, может быть найдет тему по глазным болезням, которая соответствовала бы моему желанию. На второй день, когда я пошел к нему на дом, он встречает меня веселый и говорит: "Исследуй на месте глаза жителей одной волости Ковенской губернии и будешь иметь материал для диссертации". Я так и сделал, выбрав Груздзевскую и Лигумскую волости Шяуляйского уезда" / 18 /.

Напряженная работа стала подрывать здоровье П. Авижониса. Первые симптомы болезни он почувствовал еще в 1911 г., будучи в Тарту. Он обратился к профессору К. Дегио, который сначала ничего не нашел. Но когда сделали рентгено снимок, об-

наружили каверну и большой пневмоторакс. Дегто пришел в изумление и пообещал П. Авижонису жить не более 5 лет. И действительно, тогда по статистическим данным 80% таких больных скоро погибало. Однако П. Авижонис со спонтанным вентильным пневмотораксом левого легкого (по мнению опытного врача В. Кайрюкштиса) прожил до 1939 г., не обращая на это особого внимания / 19 /.

Несмотря на ухудшение здоровья, П. Авижонис несколько месяцев ездил из одной деревни в другую, изучая путем поголовного осмотра не только глаза жителей, но и условия их жизни, производя антропологические исследования. В ноябре 1913 г. он представил диссертацию медицинскому факультету, который назначил для рассмотрения ее комиссию из трех профессоров под председательством А.Г. Люткевича / 20 /. К этому времени П. Авижонисом было напечатано две статьи на литовском языке, посвященные трахоме и слепоте в Литве / 16 /.

Отзыв (от 23 января 1914 г.) о диссертации П. Авижониса написал А.Г. Люткевич, дав в нем подробный разбор работы. В заключение он писал: "Автор отнесся очень серьезно к данной теме, разработал полученный материал очень подробно и тщательно, затратил много труда и энергии. Из известных мне работ по данному вопросу труд Авижониса является одним из наиболее солидных". К его отзыву присоединились другие рецензенты-члены комиссии; гигиенист Е.А. Шепилевский и гистолог В.Я. Рубашкин / 21 /. Медицинский факультет на заседании 10 марта 1914 г. согласился с мнением комиссии и постановил допустить работу П. Авижониса к печатанию и защите. Последняя состоялась 13 мая 1914 г. в актовом зале университета, в результате чего П. Авижонис получил степень доктора медицины / 22 /.

В своей диссертации П. Авижонис в качестве главнейших факторов, способствовавших распространению болезней глаз, в частности трахомы и слепоты среди крестьян-литовцев, считал нечистоту, бедность, убожество житейской обстановки, малую доступность врачебной помощи, процветание шарлатанства и знахарства /2, стр. 52/. Из осмотренных им 15230 человек (из них 15039 литовцев) Груздзевской и Лигумской волостей 33,9% болели трахомой, являвшейся самой частой причиной слепоты /2, стр. 274-275/.

П. Авижонис был не только офтальмолог, но и участник революционного движения, талантливый публицист. В 1905 г. П.

Авижонис стал членом социал-демократической партии Литвы. Он выступал на митингах и собраниях, принимал участие в предвыборной кампании в Государственную думу; писал много корреспонденций и статей не только по вопросам медицины, но и по политическим вопросам. Его статьи были проникнуты ненавистью к царской власти и угнетателям / 23 /.

Во время революции 1905-1907 гг. он сблизился с левыми социал-демократами, позже с известными деятелями Коммунистической партии Литвы (В. Капсукасом и С. Матулайтисом), писал в редактируемые ими газеты "Науйон гадине" ("Новое время") и "Скардас" ("Эхо") статьи / I /.

П. Авижонис был одним из наиболее активных атеистов Литвы конца XIX и начала XX столетий. По вопросам атеизма он написал более 150 корреспонденций, статей и брошюр. Некоторые из его брошюр переиздавались повторно. Например, брошюра "Жеме ир жмогус" ("Земля и человек") была переиздана 4 раза. Его атеистические сочинения в основном посвящены 3 темам: критика церкви и ксендзов как опоры реакции, борьба церкви против науки, распространение материалистического мировоззрения /I, стр. 9-10, 13/. В отличие от либеральных атеистов Литвы того времени П. Авижонис понимал классовую роль церкви. Он писал, что церковь всегда защищает интересы угнетателей / 24 /.

Всю атеистическую деятельность П. Авижониса можно разделить на 3 периода: с 1897 по 1903 г. - борец против клерикализма, популяризатор естественно-научного материализма. В 1903-1919 гг. на атеистическую деятельность П. Авижониса большое внимание оказало его сближение с коммунистической партией. В это время он написал самые ценные труды по атеизму, основанные на марксистских положениях. В буржуазной Литве атеистическая деятельность П. Авижониса ограничивалась в основном узкой академической полемикой. Однако, будучи убежденным материалистом, он выступал против реакционных и идеалистических теорий, против попыток клерикалов усилить свое влияние в университете и в школах /I, с. 9/.

Во время I мировой войны П. Авижонис работал военным врачом, сначала в действующей армии, позже в Москве / 19 /. В 1917 г., проживая в Москве, он вступил в Коммунистическую партию / 25 /.

В 1918 г. П. Авижонис вернулся в Шяуляй и принял активное участие в создании Советской власти в Литве. Он был из-

бран членом Совета депутатов рабочих Шяуляя и заведовал здравотделом Совета / 26,0 стр. 70 /. П. Авижонис подготовил проект упорядочения здравоохранения в Шяуляйском уезде, в котором предусматривалось оказание бесплатной медицинской помощи бедным жителям и улучшение условий их жизни. 1 марта 1919 г. П. Авижонис был назначен народным комиссаром здравоохранения Литовской и Белорусской советской республики. Однако из-за интервенции немцев он не смог прибыть в Вильнюс / 14 /.

Во время буржуазной диктатуры в Литве П. Авижонис ушел от активной политической деятельности / 27, стр. 185 /. В 1920 г. он был приглашен ректором открытых в Каунасе Высших курсов и избран заведующим медицинским отделением курсов. В 1922 г. после открытия на базе Высших курсов университета он был назначен первым деканом медицинского факультета, и ему было присвоено звание ординарного профессора. В 1924/1925 учебном году П. Авижонис был избран проректором, а в 1925/1926 учебном году - ректором университета / 28 /.

П. Авижонис был одним из организаторов медицинского факультета Каунасского (тогда Литовского) университета. Профессор Тартуского университета С. Талвик, побывавший в 1923 и 1926 гг. проездом в Каунасе, отмечал в статье "Письмо из Литвы" тяжелую задачу, выпавшую на долю П. Авижониса по созданию "ровно из ничего" медицинского факультета и его институтов и клиник и по нахождению на свободные кафедры подходящих преподавателей из литовцев / 29 /. Особенно большие заслуги принадлежат П. Авижонису как организатору кафедры и клиники глазных болезней, заведующим которых он был с 1922 г. до своей кончины 17 октября 1939 г.

Благодаря усилиям П. Авижониса, клиника глазных болезней Каунасского университета своим устройством и оборудованием равнялась с лучшими клиниками других стран / 28 /. В ней производились сложные операции на глазах и применялись новейшие методы лечения. П. Авижонис интересовался больше всего проблемой слепоты и трахомы, активно участвовал в работе общества попечения о слепых / 15 /.

П. Авижонис был одним из лучших профессоров на медицинском факультете. Характерными чертами лекций, читаемых им, были содержательность и систематичность. Он требовал, чтобы врач не был только узким специалистом, а всесторонне образованным человеком / 30 /. Используя многолетний опыт педаго-

гической работы, П. Авижонис написал "Руководство по глазным болезням". Это руководство, как отмечал проф. В. Лашас, "из-за его системности и образности смело может быть приравнено к лучшим руководствам по офтальмологии мировой славы" /28/.

П. Авижонис был редактором литовского журнала "Медицина" и "Известий медицинского факультета Каунасского университета". Его деятельность была хорошо известна офтальмологам других стран. Он неоднократно участвовал в международных конгрессах, был избран членом научных офтальмологических обществ ряда зарубежных стран и членом редколлегии зарубежных журналов "Архив офтальмологии" и "Ophthalmologica".

П. Авижонис был одним из инициаторов организации дней офтальмологов прибалтийских стран, в 1932 г. предложил издавать совместный журнал "Acta Medica Baltica" /31, стр. 355/. Осенью 1936 г. на совещании в Тартуском обществе эстонских врачей П. Авижонис был избран в состав комиссии по пропаганде и претворению в жизнь идеи о проведении совместных съездов врачей прибалтийских государств, а в 1937 г. Тартуское общество эстонских врачей, по предложению председателя общества проф. В. Вади, избрало его своим одним из первых членов-корреспондентов /31, стр. 175, 177/. Основой избрания послужил его вклад в развитие медицины на родине и в соседних странах и сотрудничества врачей этих стран.

Л и т е р а т у р а

1. V. K u z m i n s k i s , K. V a i t k e v i č i u s .
P. Avižonis - ateistas ir materialistinės pasaulėžiūros skleidėjas. Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Medicina, 1973, XIV t., 9-17.
2. П. А в и ж о н и с. Болезни глаз и слепота среди крестьян-литовцев Груздзевской и Лигумской волостей Шавельского уезда Ковенской губернии (по данным поголового осмотра). Докт. дисс. Юрьев, 1914.
3. V. L a š a s . Petras Avižonias. Mokslas ir gyvenimas, 1959, 1, 36-38.
4. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. I, ед. хр. 143, л. 1-3.
5. Там же, л. 7, 9-16.
6. J. S k l i u t a u s k a s . Petras Avižonis ir Dorpatas.... Sveikatos apsauga, 1974, 11, 40-46.

7. Gabriele Petkevičiaitė-Bite. Raštai. I Knyga. Krislai. Vilnius, 1966.
8. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, ед. хр. 42I, л. 3I об. и 64.
9. Там же, л. II6 об.
10. Д. Р у д н е в. Дмитрий Ильич Ульянов в Тарту. Таллин 1958.
11. V. L a š a s . Dorpatu lietuvių studentų draugija. Lietuviškoji enciklopedija, t. 6. Kaunas, 1937, 1286-1289.
12. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. I, ед. хр. I42 и I43.
13. Там же, ед. хр. I43, л. 2I-23.
14. V. G u r a u s k a s , K. V a i t k e v i č i u s . Sveikatos apsauga pirmaisiais Tarybų valdžios metais Lietuvoje (1916-1919 m.). Sveikatos apsauga, 1968, 11, 3-7.
15. J. M a r c i n s k a s . A.a. Prof. P. Avižonis okulistas. Medicina, 1940, 4, 259-264.
16. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. I, ед. хр. I43, л. 50.
17. Там же, л. 33-34, 37, 40, 42-44.
18. P. A v i ž o n i s . A.a. prof. A.G. Liutkevičius. Medicina, 1928, 5, 378-379.
19. V. K a i r i u k š t i s . Pastabos del prof. P. Avižonis ligos (su rentgenogramos demonstravimu). Medicina, 1940, 4, 307-311.
20. ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. I, ед. хр. I43, л. 47-48.
21. Там же, л. 52-55 об.
22. Там же, л. 5I, 56-58.
23. V. M i c e l m a c h e r i s . Lietuvos gydytojai ir studentai-medikai revoliucinio judėjimo dalyviai. Sveikatos apsauga, 1967, 2, 33-40.
24. P. A v i ž o n i s . Ponai ir kunigai. Naujoji gadynė, 1906, 17, 263-264.
25. Mažoji Lietuviškoji tarybinė enciklopedija, I t. Vilnius, 1966, 133-134.
26. V. M i c e l m a c h e r i s . Sveikatos apsauga Lietuvoje 1918-1919 metais. Vilnius, 1959.
27. В. М и ц е л ь м а х е р и с . Очерки по истории медицины в Литве. Л., 1967.
28. V. L a š a s . Med. dr. P. Avižonis kaip universiteto profesorius. Medicina, 1940, 4, 264-270.
29. S. T a l v i k . Kiri Leedust. Eesti Arst, 1927, 3, 94-99.
30. R. B r o m b e r g a s . Prof. P. Avižonis - pedagogas. Medicina, 1940, 5, 343-245.
31. Eesti organiseeritud arstkond 1912-1937. Eesti Arst. Tartu, 1938, 175, 177, 355-356.

НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(Воспоминания)

Н. Бежаницкая

У города Юрьева - Дерпта - Тарту много названий "ливонские Афины", "обиталище муз", "город студентов". Среди всех университетов России Alma Mater на берегу реки Матери (*Ma-jõgi*) в конце XIX и начале XX в. считался старейшим университетом с хорошо поставленным преподаванием и квалифицированными профессорами, а также имел славную историю.

Если раньше в университет поступали в основном состоятельные люди, то с начала XX в. состав студентства сильно изменился: в Томский, Варшавский и Юрьевский университеты было разрешено принимать на общих началах окончивших духовные семинарии, а после революции 1905 г. и волнений молодежи с введением временных правил приема в высшие учебные заведения хлынула молодежь всех концов России в приоткрывшиеся двери Тартуского университета. Привлекала историческая слава этого университета, дешевизна и простота жизни в маленьком городе и возможность сравнительно легкого приема. Много евреев, урезанных 5% нормой приема, здесь могли свободно поступить учиться. Студенчество тех лет было очень пестрое по своему национальному и возрастному составу, в большинстве несостоятельное и жило бедно.

В течение 8 месяцев в году Тарту был городом студентов с кипучей студенческой жизнью, и лишь летом 3 месяца и зимой почти 1 месяц, когда студенты разъезжались по домам на каникулы, город был полон скуки.

Приезжему студенчеству было трудно жить в Тарту, хотя жизнь и была дешевле, чем в других городах России. В маленьком городе, не зная местных языков, было трудно получить достаточный для жизни заработок, родители присылали мало (а иногда и не могли присылать), а на жизнь в год шло в среднем

300-400 рублей, плата в университете за право учения была по 25 рублей за семестр, да еще плата за лекции, практические работы (платили в зависимости от факультета, больше всего медики, особенно старших курсов - 50-60 рублей за полугодие). Нуждающиеся получали материальную поддержку от своих землячеств, обществ, от платы за учение в университете освобождалось 15% беднейших студентов. Некоторые (2%) получали стипендии. Было еще создано "Общество для выдачи пособий нуждающимся студентам", которое содержало столовую при студенческом общежитии на Домской горе.

За 8 рублей в месяц студент мог иметь меблированную комнату. Некоторые студенты давали уроки или работали на заводе или в учреждении (а заводов было мало). Много бедных студентов жило в "Голубятне" - старом доме на Техельферской улице за 10-15 рублей в полугодие, но в очень скверных условиях. Городские жители, желая сдать комнату, наклеивали на окно белый билетик. Цены были разные, от 10 до 20 рублей в месяц плюс 2 рубля за уборку.

Корпоранты жили своей жизнью буршев, комершами, катанием на пароконных извозчиках, с факельными ночными шествиями и частыми кутежами. Их филистры (окончившие университет не порывали связи с корпорацией) всегда с удовольствием вспоминают свои студенческие годы. Эстонские корпорации и общества вели более серьезный образ жизни и интересовались наукой. А русские жили своей жизнью.

Среди корпораций большее число составляли немецкие. Русских корпораций было всего две. Кроме того, существовало много студенческих организаций, среди которых следует выделить "Общество студентов-медиков" (с 1903 г.) многочисленные землячества, из них самое деятельное и большое - грузинское землячество, кавказское, украинское и др. У всех обществ были свои библиотеки, читальни, у некоторых столовые. Устраивались вечера, читались лекции, ставились спектакли, концерты, доходы шли в уплату за учение и на пособия членам своей организации. Главная цель землячеств - взаимопомощь, дружеская спайка и поддержка друг друга. У грузин и кавказцев было даже в городе место ежедневных встреч, были

помещения землячества: угол Рыцарской ул. на Ратушной площади около педельной. Это место всеми жителями города так и называлось "Грузинская биржа". Очень хорошо была организована взаимопомощь в 2 еврейских организациях с богатой самодеятельностью.

Все университеты в России в прошлом были для женщин недоступны, их туда не принимали. Высшее образование женщины могли получать на Высших женских курсах (Бестужевских), в Женском медицинском институте и на некоторых других женских курсах. С революцией 1905 г. небольшое число женщин было допущено в университеты в качестве вольнослушательниц или как в официальных бумагах значилось "посторонними слушательницами".

Получив среднее образование в г. Петербурге, весной 1906 г. я стала добиваться в родном мне г. Юрве (Тарту) возможности поступить в университет на медицинский факультет. Но из-за небывало большого числа поступающих вакансий свободных на медицинском факультете не оказалось. Однако, несмотря на свой 16-летний возраст, в университет я поступила, только на историко-филологический факультет. В сентябре мне удалось перейти на естественное отделение физико-математического факультета (благодаря декану), в октябре, когда уже начались занятия и многие, испугавшись работы над трупами, сбежали, я попала на медицинский факультет.

I курс медицинского факультета в начале был невероятно огромный: около 400 человек, из них около 30 вольнослушательниц. Аудитории были переполнены, общие с естественниками предметы читались в актовом зале. Особенно много народу собиралось на лекциях физики, которые читал талантливый лектор, профессор Александр Иванович Садовский. Он зачаровывал каждого своими прекрасными лекциями, своей стремительной нервной подвижностью около доски. Он был требователен, понимал, любил и защищал молодежь и его тоже любили. (Дома в его кабинете из угла в угол имелась протоптанная стертая дорожка от его постоянных хождений с бесконечными думами).

Оба зоолога читали в разных аудиториях: проф. Ю. Кеннель на немецком языке в большой аудитории здания университета.

Обладая лекторским талантом, он был и прекрасный художник: 2-3 штриха мелом на доске давали точный образ животного, насекомого и всего, о чем он говорил. Практические работы у него вечерами были сказочно хороши и интересны. Первый экзамен в университете я держала у него (мне едва исполнилось 17 лет) и во время экзамена я почувствовала, как у меня стал расти зуб мудрости, и тогда я впервые поверила, что действительно стану врачом.

Второй зоолог проф. К. Сент-Илер читал на русском языке в отдельном небольшом здании маленького зоологического музея. Он был тихий, скромный, русской культуры человек, потомок знаменитого зоолога. В той же аудитории вел практические занятия ботаник профессор Н.И. Кузнецов, лекции читал в ботаническом саду.

Деканом медицинского факультета был патологоанатом проф. В.А. Афанасьев. Вскрытия производились тогда доцентом И.И. Широкогоровым (потом был профессором в Баку) и прозектором был студент старшего курса А. Вальдес (впоследствии стал профессором Тартуского университета).

Фармакологию преподавал проф. Д.М. Лавров, гроза студентов, который был очень требователен и половину проваливал на экзаменах. Гистологию читал проф. П.А. Поляков (его не любили - он очень скучно читал и вел практические работы); фармацию и фармакогнозию - проф. И.Л. Кондаков (глухой, идофоб, ненавистник вольнослушательниц). Физиологию читал проф. В.П. Курчинский, гигиену читал проф. Е.А. Шепилевский.

Потом на старших курсах у нас были следующие профессора и доценты: терапевт проф. К. Дегио, прекрасный лектор и передатчик основной азбуки терапии молодым студентам, остроумный, иногда резкий, но добрый, делавший массу ошибок в русском языке (например, вместо "брови" говорил "бревна", рекомендовал "стерильно мыслить" при пункциях и т.д.). Его и терапевта госпитальной клиники тихого Александра Ивановича Яроцкого все уважали. Хирургами были В. Цеге фон Мантейфель, огромного роста, с большими руками мясника, решительный, энергичный, делал все сложные операции. Он был в то время очень популярен. В госпитальной клинике был проф. М.И. Рос-

товцев (его докторскую диссертацию о перитифлитах и сейчас ценят как новаторскую в те времена). Акушерство и гинекологию вел проф. С.Д. Михнов, полный благодушия. Много дали студентам тогда еще молодые доценты по терапии, потом ставшие профессорами: талантливый Э. Мазинг и товарищески относившийся к студентам Н.И. Лепорский. Психиатрия была обязательным предметом, но лекции посещались в "сумасшедшем доме" и экзамены сдавались у большого чудака - специалиста проф. В.Ф. Чижа. На экзаменах он задавал самые невероятные вопросы: может ли родившийся ребенок кататься на велосипеде? Борода у священников от бога или природы? и т.д. Лекции читал он очень интересно, демонстрируя больных. Глазные болезни читал проф. Ф.О. Евецкий, а после его смерти - Я. Озолин, кафедры уха-горла-носа не было. Благодушный, толстый приват-доцент А. Пальдрок, основатель у нас лечения проказы, читал кожные и венерические болезни. Поликлинику вел проф. Н.А. Савельев со своими помощниками Х. Коппелем и А. Шульпенбергом.

Ректором университета в то время был передовой, справедливый, друг и защитник студентов, прист профессор Евгений Вячеславович Пассек, который возглавлял Совет профессоров. В помощь Совету профессоров был выбран Совет старост, составленный из самых энергичных представителей старост всего университета (кажется, их было 10). В случае особенно важных дел, касавшихся студентов, разбора конфликтов, а иногда и по другим вопросам Совет профессоров заседал вместе с Советом старост и часто вместе выносили решение.

Очень сильно сказывалось в те годы разделение на партии, а для студенчества было простое деление преподавателей на левых и на правых и, конечно, симпатии и доверие студенчества были на стороне левых.

Лекции некоторых правых профессоров иногда так плохо посещались студентами, что приходилось назначать дежурных, обязанных в назначенные дни являться на лекции и записываться, чтобы избежать конфликта с профессором. Такие дежурства часто назначались на лекциях профессоров Кондакова, Полякова, Курчинского, а иногда и других.

Студенты первых двух курсов больше всего увлекались практическими работами по анатомии в старом анатомикуме на Домской горе. Около аудитории были 2 большие комнаты. Первая - "Studiensaal" (зал для занятий), где студенты могли изучать детали всех органов по моделям, слепкам, муляжам. Такого зала для занятий по анатомии не было тогда ни в одном университете. Следующая большая комната - препарировочная, где в несколько рядов стояли консервированные в разных растворах трупы (консервировались в погребке в громадных сундуках). На один труп полагалось 8 студентов. Отработав и сдав свою часть, студент получал другую часть тела на другом трупе и т.д.

Нас было чересчур много, чтобы обработать весь труп в 4 приема, поэтому иногда работали по 2 человека на одной части. А мне проф. А. Раубер разрешил проработать над целым трупом все лето (каникулы) в анатомическом музее на I этаже, доверив ключ от музея (я там и обедала). У проф. Раубера был замечательный помощник - старый служитель анатомикума, ворчливый Рейнвальд. Он знал анатомию человека как свои 5 пальцев. Он был репетитором, прозектором, помощником многих студентов: при спешке помогал препарировать; доставал всякие необходимые кости, муляжи и доверял их студентам. Многие, особенно корпоранты, обязаны ему своими знаниями по анатомии.

Главной гордостью нашего курса, медицинского факультета, всего университета был наш дорогой профессор Раубер. Русского языка он не знал и ему было разрешено министерством читать лекции на немецком языке. Спокойно, выразительно, образно он проводил лекции, тут же демонстрируя детали всего, о чем он говорил. Седовласый, с чуть наклоненной головой, с красивыми, живыми, чуть лукавыми глазами из-под густых седящих бровей, приходил он в аудиторию, неся с собой то полную корзину всяких деталей, то рыболовную сеть, то веревки, то куски мяса и жира, то с головным мозгом и ножом, иногда со всякими непонятными вещами и потом в ходе лекции постепенно все разъяснял. Он был прекрасный собеседник, интересовался всем. Ко всем относился хорошо, только не любил лентя-

ев и не интересующихся наукой. (Не забуду никогда, как через несколько лет я впервые выступила в Медицинском обществе имени Н.И.Пирогова с докладом "О неспецифическом гемолизе" и через 3 дня после этого в нашу квартиру, где я жила с родителями, вошел проф. Раубер, держа в руках большую белую цветущую азалию. Он узнал и пришел поздравить меня с первым моим научным выступлением).

Он был не только ученым — он был писателем, его книги были в свое время лучшими книгами по анатомии в Европе, особенно издание книги с атласом в 5 томах "Раубер-Копп", переведенное и изданное на русском языке. Были книги на философские темы, одна называлась "О любви". Он был удивительно тонким художником, любил красивое, особенно розы.

Он сознавал и мучился, что он вырождается как ученый (шестое поколение, все профессора) и не сможет иметь здорового потомства. Однажды рано утром он увидел через окно, как его прислуга (эстонка) молодая, сильная с босыми ногами на холоде бодро таскала ведрами воду из колодца, и его осенила мысль: вот кто может оздоровить и дать здоровое, невырождающееся потомство! Он женился. Был один сын — Стефан, здоровый, сильный, но увы — недалекий (что с ним потом стало, не знаю). А женитьба на прислуге отвергнула от него всех.

Долго хранила я как реликвию альбом цветных рисунков самого профессора Раубера, разных уголков его кабинета в анатомикуме, но он пропал, как и многое другое, во время войны из моей квартиры.

Еще в памяти моей остался с 1906 г. музыкальный, спокойный бой больших старинных английских часов, отбивавших время по четверти часа — в вестибюле главного здания Тартуского университета. Эти близкие студенческому сердцу часы потом тоже исчезли, неизвестно кем и когда похищенные.

Молодежь из России в 1905—1910 гг. была насыщена революционными идеями, была в контакте с другими университетами, знала о всех волнующих событиях в студенческой среде (последствиях забастовок, бойкотов: аресты, ссылки) и иногда часть молодежи бурно реагировала, проявляя товарищескую солидарность. Местная молодежь — немцы и эстонские корпорации

и некорпоранты были равнодушны и далеки от политики.

С разрешения администрации у нас бывали сходки, где разбирались разные академические вопросы, новые циркуляры и т. п., но часто волнующаяся молодежь и активные члены "партий" бросали в толпу лозунги, или возмущенно описывали события, происшедшие в других университетах. Страсти разгорались и начинались бурные выступления. Так как сходки были общественные, то они всегда устраивались в актовом зале. Часто они заканчивались пением революционных песен, которые слышны были на улице и, конечно, сразу же привлекали внимание полиции — и университет окружали. Руководителями сходок были выдающиеся, сильные люди: студенты Самбикин, муж и жена Бинасик, Шварц и некоторые другие. Они умели владеть словом и толпой, водворяли порядок, вели переговоры, давали объяснения. Помню одну очень бурную сходку. Кто-то в зале крикнул: "Полиция окружила нас!" Началась страшная паника. Уговоры не действовали. На кафедру выскочил Самбикин, ударил кулаком по кафедре и крикнул громким голосом: "Стадо баранов, остановись!" Моментально паника прекратилась.

Крупных последствий подобных сходок, отразившихся на студентах, не помню. Проводились несколько раз бойкоты, но не совсем удачно: шрейкбрехеры-корпоранты не подчинялись постановлениям общих студенческих собраний, продолжали посещать лекции и бойкот срывался.

Все занятия в университете строго велись по программам и каждый семестр были зачеты и экзамены. Самым трудным на медицинском факультете был II курс, когда проводились экзамены по основным предметам, анатомии, физиологии и гистологии. Уже после первого года большое число студентов ушло с медицинского факультета, а на III курсе число продолжающих учиться уменьшилось почти в 2 раза (так много было проваливающихся на экзаменах). И вот только с III курса начиналась серьезная индивидуальная работа медика: работа в клиниках, поликлинике, знакомство с жизнью людей при посещении больных на дому, контакт с преподавателями, проверка себя: к какой специальности влечет. Принудительного распределения и назначения на места в первой четверти XX века не было.

За все годы совместной работы студентов и вольнослушательниц больших конфликтов между ними не помню: работали дружно, когда надо помогая друг другу. Курили очень многие, а явных алкоголиков мы не видели. Возможно, что денежный недостаток умерял тогда тягу к алкоголю, ну а табак и курение обходилось дешевле.

Порывистость студенчества проявить свою любовь, уважение к своим преподавателям или к кому-либо заслужившим их, огромна. На всех вечерах-концертах приглашенных профессоров и их жен встречали по-царски: ездили за ними на пароконном извозчике или даже нанимали карету, встречали с цветами, сажали в первые ряды, после концерта опять отвозили домой. Один раз только что поступившие семинаристы возмутились, что проф. Раубер читает анатомию на немецком языке и даже кажется подали ректору протест. Старшие медики были возмущены, заступились, проучили и доказали "малышам", как они не правы, извинялись перед профессором и не знали, как загладить вину перед любимым профессором. Как раз в театре "Бургермуссе" был вечер-концерт, не то Грузинского землячества, не то Общества студентов-медиков. Почетным гостем был профессор Раубер. А когда он собрался домой, все медики разом бросились в раздевалку, взяли свои шинели и пальто и устлали ими весь путь, по которому вели профессора до самого экипажа, в котором повезли домой. Другой раз, в день рождения профессора Раубера опять-таки было устроено торжественное чествование его в актовом зале университета. Чтобы доставить ему удовольствие, упросили его выступить на этом вечере (он, вспоминая прошлое, говорил, что чуть не сделался скрипачом в молодости). Он согласился и номер включили в программу взамен заключительной речи. Чествование проходило очень торжественно, красиво, профессор утопал в цветах, но все присутствующие на всю жизнь запомнили конец этого вечера. С вдохновенным, благодарным, строгим лицом стал он играть на скрипке ужасно плохо, неправильно, аккомпаниатор фальшивил, каждый играл свое и неверно. Зал замер, ни одного смеха, никакого шума, у некоторых были даже слезинки в глазах. Когда он кончил, была такая бурная овация, такие рукоплескания, все

встали, а его в кресле под бурные аплодисменты на руках понесли из университета домой.

Многие мелкие детали стерлись в памяти. Вообще студенчество любило тогда театр, следило за литературой, заражалось все больше и больше революционным духом.

Личные домашние праздники проводились тихо, мирно, обязательно с песнями, дома. Только ижане, особенно грузины, праздновали очень бурно.

Очень многие профессора жили тогда на "профессорской горке" (дома Змигородского) на улице Пирогова (теперь Калевы). Вся горка была усажена деревьями и среди них были уютные одно- и двухэтажные домики - особняки. Бывала там часто. Другие профессора жили в разных частях города.

Очень многие студенты и вольнослушательницы уже с III курса работали субординаторами при клиниках, лабораториях, входя впоследствии в штат. Они укреплялись в выбранной специальности и после окончания многие из моего курса (выпуска 1911 г.) стали профессорами, популярными врачами, специалистами. Например, профессорами стали А. Оглоблин в Смоленске, Виктор Бобров в Киеве, М. Малов в Ленинграде, окулист Я. Удельт, гистолог Г.-А. Куль, бактериолог К. Шлосман, гинеколог Р. Бернаков (это все в Тарту) и другие. Из бывших вольнослушательниц нашего курса Л. Мейер-Белыева (хирург), К. Бежаницкая (фтизиатр), Н. Иоффе, Ф. Фельдман (в Москве) и многие другие.

Каждый уже в университете намечал себе специальность по влечению и желанию. Но, конечно, были и студенты с единственным желанием окончить, получить диплом и заработок. Но и из них вышло много хороших врачей в деревнях и городах. Часть профессоров и декан содействовали своим ученикам в получении места работы.

На летние каникулы студенты старались получить платные работы на стороне: оспопрививателями, помощницами санитарного контроля или в летних детских колониях. Будучи студенткой 3 лета я работала помощником врача в санатории и водолечебнице на Рижском взморье, а одно лето после окончания в Крыму, в Саках у проф. Н.Н. Бурденко, заведывая лабораторией (во-

обще он женщин-врачей не признавал). С IV курса работала ординатором в терапевтической клинике, а потом ассистентом у проф. Дегио и приват-доцента Мазинга и стала домашним врачом профессорских семей.

Больше трех лет я была старостой своего курса (вместе со студентом Дмитриевым). Отношение к старостам было хорошее, полное доверия (за мой маленький рост проф. Кузнецов прозвал меня "староста, который под столом пешком ходит"). Около года была членом Совета старост. Маленькие конфликты, особенно с правыми профессорами, нам, старостам, удавалось ликвидировать и защитить провинившихся студентов. Удавалось согласовать сроки экзаменов, подбодрить, а иногда и прорепетировать трусливого студента перед экзаменами. Обязанности старост были разнообразны. Учебников и пособий было мало, многие не могли их приобрести, приходилось доставать книги, устраивать групповые занятия, направлять в библиотеки и т.д. Все распоряжения и желания преподаватели предъявляли через старост. К старосте приходили исповедываться и просить совета в личных делах. Помню, раз был стук в дверь моей комнаты. Два скромных тихих студентика попросили разрешения побриться, так как у них не было зеркала. Работа старосты ценна, когда построенная на доверии всех сторон. За 4 года работы на медицинском факультете было очень много потрачено сил, энергии, а некоторыми и здоровья, но было много приобретено знаний, опыта и уверенности в достижении заветной цели.

Начали уже готовиться к государственным экзаменам и вдруг неожиданно грянул гром в 1910 г. Министр просвещения Кассо разослал по всем университетам приказ с запрещением допускать к госэкзаменам вольнослушательниц, которым никакие права не будут даны. Другими словами, наша работа — мыльный пузырь, университеты для женщин остаются закрытыми!

Протесты ректоров, деканов, профессоров всех университетов и их защита нас были безрезультатны, — нас выгоняли.

Петербург взял на себя инициативу и вместе с представительницами Москвы организовали съезд делегаток всех вольнослушательниц по 2 от каждого университета. Одним из организаторов была Субботина, других фамилий не помню. Списались

со всеми университетами и назначили день съезда незадолго до очередного заседания министров. Съехалось около 20 делегатов. Были 2 или 3 собрания, всех министров распределили между делегатками, отписали на хорошей бумаге текст докладной записки-памятки, которую, если надо, могли оставлять министру. Был выработан точный план как с достоинством себя держать, как и о чем говорить, как одеться: английский костюм, шляпа, лайковые перчатки, — все это сразу раскроет двери в кабинет министров и произведет хорошее впечатление. Каждая делегатка заказала себе визитную карточку для доклада о приходе. К Столыпину, председателю Совета Министров, было направлено 3 делегатки с Субботиной во главе, к некоторым министрам по две, а к остальным по одной. На меня пал тяжкий жребий: мне поручили посетить прокурора святейшего синода, черносотенца Лукьянова. Ему доложили и я была принята. Большой темный кабинет, полумрак из-за тяжелых портьер на окнах и двери. Сам тонкий, сухой в черном костюме с отведенными в сторону глазами очень интеллигентного, умного человека. Предложил мне сесть и вопросительно взглянул на меня. Сжато рассказала ему о причине моего визита, о работе женщин в течение 4 лет в университете наравне со студентами, о том, что министр Кассо своими приказами изгоняет нас и не допускает к госэкзаменам и отказывает в правах, что этот вопрос ставится на обсуждение Совета Министров. За все время пребывания у него он не произнес ни одного слова. Я оставила ему на столе памятку "более подробную, чем мои слова", откланялась и, когда вышла на Литейный прспект, глубоко вздохнула.

Министр Кассо отказался принять делегатов. Столыпин и все другие министры отнеслись по-человечески, выслушали, расспросили и даже подбадривали.

Все делегатки разъехались по своим городам, петербургские же делегатки остались ждать решения.

Приблизительно через 7-10 дней мы узнали, что было очередное заседание Совета Министров и в повестке дня был вопрос о женщинах в университетах. Министр Кассо настаивал на своем и после дебатов перед голосованием покинул заседание. Совет Министров постановил: разрешить вольнослушательницам

На фотографии делегатки, направленные съездом вольнослушательниц к министрам в Петербург. Слева в нижнем ряду: из Петербургского университета, из Московского университета (инициаторы), из Тартуского университета (не медик); в верхнем ряду: из Одесского университета, из Тартуского университета (К. Безаницкая), из Томского университета (бывшая вольнослушательница Тартуского университета), из Киевского университета (публикуется впервые).

продолжать свои занятия в университете, допустить их наравне со студентами к государственным экзаменам (слушательницам медицинского факультета, не имеющим в аттестатах отметки по латини, предварительно сдать проверочный экзамен по латинскому языку), по окончании университета, предоставить окончившим женщинам все права наравне с окончившими студентами, разрешить и впредь принимать женщин в университеты на общих основаниях наравне с мужчинами.

Итак, в России с 1910 г. женщинам открылась дорога к получению высшего образования в университетах.

В связи с волнениями в стенах и за стенами университета, репрессивными выпадами правительства, подкапыванием под идейных и либеральных людей, которые не только не мешали революционно настроенной молодежи, но даже шли с ней в ногу и любили эту молодежь — началась травля нашего дорогого ректора университета Евгения Вячеславовича Пассека, которую начал министр просвещения Кассо, а затем и другие вместе с сотрудниками Министерства внутренних дел возбудили "дело" ректора Пассека, отстранили от должности, даже временно арестовали и принудили выслать из Прибалтики. Все это сильно подействовало на профессора Пассека, совершенно расшатало его здоровье и измученное сердце не выдержало борьбы, но память о нем мы сохранили на всю жизнь.

В Тартуском университете на медицинском факультете я училась с 1906 г. Наш выпуск врачей (71 мужчина и 20 женщин) кончал в 1911 г. Это был первый смешанный выпуск университета.

Так как на III курсе я вышла замуж (чтобы быть солидным старостой) и в 1911 г. у меня родилась дочь, то в связи с этим мне пришлось отложить два государственных экзамена и сдать позднее, так что диплом я получила только II марта 1913 г. В дипломе отпечатана присяга, которую давал каждый окончивший медицинский факультет, вступая на дорогу врача. Эта удивительно красивая, глубокая, всеобъемлющая программа, ответственный план работы врача на всю его жизнь. Вот эта присяга — клятва осталась руководством для моей всей врачебной работы. И это лучшая награда за пройденную школу в Тартуском университете.

C.F. HEUCKINGI LASTETERVISHOIUPROBLEEMIDELE PÜHENDATUD
VÄITEKIRI AASTAST 1836

T. Meriloo

1836. a., ligi 140 aastat tagasi, kaitses C.F. Heucking Tartu ülikoolis oma doktoriväitekirja teemal "Adminicula quaedam educationis physicae infantum" ("Mõningaid väikelapse kasvatamise juhendeid") /4/.

Carl Friedrich Heucking (sünd. Kuramaal 1811. a.) õppis Tartus arstiteadust 1830. - 1936. a. /1/. Lastehaigusi luges sel ajal ülikoolis sünnitusabi, naiste- ja lastehaiguste professor P.U.F. Walter (1795 - 1874) /2,9/. Lastehaiguste õpetamine oli igati oma aja tasemele vastav, süstemaatiline uurimistöö sel alal aga puudus. Pediaatriat käsitlevad teaduslikud tööd puudutasid peamiselt vastsündinute patoloogiat (A.H. Haller, H.A. Horwitz, E. F. Rhode, C.H. Strauch) /3,5,6,7/.

C.F. Heuckingi doktoridissertatsioon, mis on esitatud 48 leheküljel, koosneb üheksast peatükist. Neljas esimeses peatükis esitab autor andmeid laste suremuse kohta ning analüüsib surma põhjusi, järgnevates käsitleb imikute toitmist ja hooldamist, samuti mõningaid kasvatusküsimusi. Autor viitab 43 bibliograafilisele allikale, millest ligi 2/3 kuuluvad saksa autoritele ja on enamasti ilmunud 19. sajandil. Peamiste algmaterjalidena leiavad kasutamist F. Meissneri, C.B. Fleischi, J.C. Rosenmülleri, G. Jörgi, C. Caruse ja A. Henke tööd, milledest viimase lastehaiguste käsiraamat oli tol ajal aluseks lastehaiguste kursuse lugemisel Tartu ülikoolis /8/.

Rääkides laste suremusest, esitab Heucking mitme autori andmeid, mille järgi surnult sündinute arv oli tollal 30 - 55 iga 1000 vastsündinu kohta. Pärast sündi püsis laste kõrge suremus: esimese eluaasta jooksul suri 1/4 sündinud lastest, teise eluaasta lõpuks oli juba üle 1/3 surnud. Järgnevatel eluaastatel suremus küll langes, kuid jäi siiski küllalt kõrgeks ja pärast kümnendat eluaastat oli elus vaid ca 50 % sündinud lastest.

Lastesurma põhjusi analüüsides esitab C.F. Heucking järgmised seisukohad.

1. Loote patoloogilised seisundid "tekivad ... häirete tõttu vanemate organismis või sigitamise protsessis eneses". Samuti avaldavad mõju loote arengule "tingimused, ... mis saadavad orgaanilist elu emaihus".

2. Sünnituse käigus on laste surma põhjuseks järsk elutingimuste muutus koos lisanduvate kahjulike mõjudega, millest tuleb eriti esile tõsta sünnitaja oskamatut abistamist. Lk. 14 loome: "Kuigi meie ajal ... ämmaemanda-kunst on tõusnud arengu kõrgesse tippu, siiski ei leia me alati arste, kes seda hästi oskaksid, pealegi näeme sünnitusi usaldatavat ämmaemandaile ja vanematele naistele, kelle teadmised ja kogemused neis asjades ei ole suured, nii et sellest nii emale kui lapsele suurimat kahju võib tekkida."

3. Laste suremus pärast sündi on eriti kõrge esimesel poolaastal, "kuni piimahambad välja tungivad". Siin on peapõhjuseks lapse organismi ebaküpsus. "Mida noorem on laps ..., seda suurem on tema vastuvõtlikkus ning seda enam suudavad surmavad tegurid häirida ... organismi normaalseid funktsioone." Diagnoosi keerukus ja väär ravi raskendavad veelgi olukorda. Emad "jooksevad teadmatute vanade naiste juurde ning kutsuvad neid /arste/ liiga hilja appi". Lastel kalduvus haigestuda teatud haigustesse, nagu lümfogranulomatoos, "ägedad lööbed", nõuab oma osa ohvreid.

4. Imikueas oleneb suremus suurel määral toitmise eest. Rinnapiimal kasvavate laste suremus on tunduvalt madalam kui neil lastel, keda ema ise ei toida.

Peatükid 5, 6, 7, 8 on pühendatud vastsündinu ja imiku toitmisele. Siin leiame seisukohti toitmise sageduse, toidu kvaliteedi, toitmise tehnika, samuti rinnast võõrutamise kohta. Neist olulisemad on esitatud allpool.

1. Lapse imetamine esitab emale terve rea nõudmisi: ema hoidugu "hingeliigutustest", mis võivad vähendada piima hulka rinnas, vältigu piiritusjookide tarvitamist, mis võib lapsel esile kutsuda kõhulahtisust ja krampe. Kui aga ema on joonud piiritust sisaldavaid jooke, ei ole soovitatav last enne imetada, kui kahjulik piim on rinnast eemaldatud; selleks kasutada kas "piimaimejat, kutsikaid või kutsuda naist, kes imeks".

2. Mis puutub lapse imetamisse menstruatsiooni või uue

raseduse ajal, siis selle otstarbekus tuleb otsustada igal juhul eraldi. Kui uue raseduse korral üldjuhul on lapse imetamine esimestel raseduskuudel lubatud, siis nõrgestatud ja puuduliku toitumisega emad peavad uue raseduse ilmnmisel kohe imetamisest loobuma.

3. Vastsündinu toitmist on soovitatav ajaga mitte siduda, vaid imetada last siis, kui ta muutub rahutuks. Esimese toiduna tuleb anda vastsündinule "esialgset piima". Seisukohta, mille järgi "esialgne piim" on lapsele kahjulik ning lapsele antakse esimestel elupäevadel suhkrulahust, magusat kummeli- või tillileotist, rasvast vabastatud lehma- või kitsepiima, mida lahjendatakse vee või kaeratummiga, ei ole põhjendatud. Mõne kuu möödudes on soovitatav hoolitseda selle eest, et laps hakkaks sööma kindlatel aegadel. Esimesel kolmel kuul on lubatud last ka öösel imetada, hiljem aga püütagu seda vältida. Söögiajad on ette nähtud kuus korda ööpäevas ca 3-4-tunniste vaheaegadega.

4. Imiku toidu kvaliteet sõltub seedetrakti funktsioonist, mis ei ole veel vajalikku küpsust saavutanud. Süljenäärmed hakkavad hiljem tööle, magu on väike, õhukeste seintega, mao limaskest on vähe sobiv toitade muundamiseks. Peensool on õhukese seinaga ja "liiga ärrituvate lihaskiududega", varustatud suure hulga "absorbeerivate veresoontega". "Kõhunäärme mahl ei ole sama jõu ega kvaliteediga kui hiljem." Seedetrakti iseärasuste tõttu peab imiku toit veel olema.

Dissertatsioonist ei selgu autori seisukoht küsimuses, millal tuleks imikule lisaks rinnapiimale hakata ka muud toitu andma. Heucking tsiteerib mitmeid autoreid, kelle järgi see aeg kõigub 6 - 8 nädalast kuni 3 - 7 elukuuni. Muu toiduna nimetatakse keedetud leivaputru ja supileent.

5. Ka rinnast võõrutamise aja suhtes ei esita autor oma arvamust. Tsiteeritud kirjanduses on viidatud ajavahe-
mikule lapse esimese hamba ilmumisest kuni 1,5 aastani. Heuckingi järgi on rinnast võõrutamine vajalik juhul, kui ema on väga nõrk, kui piima on vähe, kui tekib uus rasedus või kui ema "elulaad kahjustab piima". Täpsemat uurimist vajab imiku toitmine ema haiguste korral. Autori arvates loobutakse sageli liiga kergekäeliselt imetamisest, kusjuu-

res on teada, et paljude haiguste ajal on emad oma lapsi imetanud ilma igasuguse kahjuta.

Laps ise võib olla rinnast võõrutamise põhjuseks, kui ta keeldub rinnast või kui ta põeb haigusi, mis nõuavad dieedi muutmist. Rinnast võõrutamisel on oluline silmas pida ka aastaaega. Jõrgi järgi on seda sobivam teha "meeldival ja soojal aastaajal", kui laps saab palju viibida värskes õhus ja talub toidu muutmist paremini.

Viimases peatükis käsitleb Heucking seedetrakti seost organismi teiste funktsioonidega: seedekulglal annab jõudu teiste organite funktsioonidele, teiste organite funktsioon mõjustab seedekulglat. Et lapse organism saaks toidust kasu, peab hoolitsema hingamise, naha, vereringe ja teiste funktsioonide eest, ei tohi takistada lapse loomulikku liikumist ega elundite tegevust. Selles osas emad sageli eksivad, mähkides lapsi liiga kõvasti. Soovitav on mähkimisel rind ja käed vabaks jätta, kolmandast elukuust alates aga asendada mähkmed riietega. Lapsi soovitatakse iga päev pool kuni üks tund ilma mähkmeteta liigutada lasta.

Kokkuvõttes võib öelda, et C.F. Heuckingi doktoridissertatsioon on oma aja tasemele vastav kirjanduse ülevaade laste hooldamise ja toitmise seisukohtadest, sisaldab andmeid laste surma põhjuste kohta ja esitab nõuandeid imikute hooldamise osas, põhjendades neid laste ealiste iseärasustega. Tähelepanu vääriwad eriti imikute kõrge suremuse põhjuste analüüsimine, imiku loomuliku toitmise propageerimine ja organismi üksikute elundsüsteemide koostöö rõhutamine.

K i r j a n d u s

1. Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1899.
2. J. B r e n n s o h n. Die Aerzte Estlands. Riga, 1922.
3. A. H. H a l l e r. De tumore capitis sanguineo neonatorum. Diss. doct. med. Dorpat, 1824.
4. C. F. H e u c k i n g. Adminicula quaedam educationis physicae infantum. Diss. doct. med. Dorpat, 1836.
5. H. A. H o r w i t z. De aphthes neonatorum. Diss. doct. med. Dorpat, 1829.

6. E. F. R h o d e. De syphilide neonatorum. Diss. doct. med. Dorpat, 1825.
7. C. H. S t r a u c h. De blepharophthalmoblenorrhoeae neonatorum. Diss. doct. med. Dorpat, 1835.
8. Л. К е р е с. О преподавании детских болезней и о научных исследованиях по педиатрии в Тартуском университете в период 1802-1971 гг. Ученые записки Тартуского государственного университета, выпуск 295. Тарту, 1972.
9. Г. В. Л е в и ц к и й (редактор). Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Царевского, бывшего Дерптского Университета, томъ II. Царевъ, 1903.

IMIKU NUTU DIAGNOSTILISEST TÄHENDUSEST
G.B. HEUBELI DOKTORIDISSERTATSIOONI PÕHJAL

T. Meriloo

Nutu järgi saab hinnata imiku seisundit ning leida pidepunkte haiguste diagnoosimiseks. Hiljuti kasutusele võetud imiku "nutudetektor" näitab, et huvi lapse nutu kui haiguse sümptoomi vastu püsib senini. Meditsiinilises kirjanduses on iseloomustatud lapse nuttu ühe või teise haiguse puhul, kuid üldistavaid uurimusi esineb vähe ja meile kättesaadavatel andmetel on nende ilmumisajaks peamiselt XVIII ja XIX sajand. Üheks teaduslikuks ülevaateks lapse nutu kohta on G.B. Heubeli 1836. a. Tartu ülikoolis kaitstud doktoridissertatsioon "De vagitu neonatorum et lactentium" ("Vastsündinute ja imikute kisast") /3/. G.B. Heubeli (1809 - 1843), kes õppis arstiteadust Tartu ülikoolis 1829.-1834. a. /1/, tegi oma doktoridissertatsiooni P.U. Walteri, ülikooli tolleaegse sünnitusabi, naiste- ja lastehaiguste kateedri professori juhendamisel /5/.

Väitekirjas teeb autor kokkuvõtte imiku nutu kohta ilmunud teaduslike tööde põhjal. Kirjanduse loetelu, mis sisaldab üle 150 nimetuse, haarab enamiku tolle aja laste-

haiguste käsiraamatutest ja väljapaistvamatest töödest pe-diaatria alal. Üheksakümne neljal leheküljel esitatud dis-sertatsioon koosneb sissejuhatavast osast ja kolmest pea-tükist: A. Väikelaste kisast üldiselt. B. Esimesest kisast ja selle põhjustest. C. Mitmesugused kisa liigid selle põh-juste järgi ja nende diagnoosimine.

Väitekirj algab põgusa ajaloolise ülevaatega vastsün-dinate ja imikute kisa uurimisest. Selgub, et probleemile on tähelepanu juhtinud vaid vähesed autorid. Nii iseloomus-tab J. Storch vastsündinate kisa; S.G. Vogel, kirjeldades imiku nuttu mitmete haigusseisundite puhul, soovitab selle-le sümptoomile lastehaiguste diagnostikas rohkem tähelepanu pöörata; C. Billard analüüsib põhjalikult laste nutu diag-nostilist tähtsust oma töös vastsündinate ja imikute hai-gustest.

Sissejuhatavas osas on esitatud ka väikelapse hinga-miselundite iseärasused: rindkere on kitsas, hingamisteed kitsad, hääl kõrge, hingetoru kõhred pehmed; bronhide üm-ber asub hulgaliselt bronhiaalnäärmeid, kopsud on vererik-kamad kui täiskasvanul. Mainitakse imikutel esinevat hark-näärme suurenemist, mis võib hingamist takistada. Hingamis-elunditega seostatakse ka kilpnäärme funktsiooni, arvatak-se, et see avaldab mõju häälele (kilpnäärme funktsioon sel-gitati Kocheri poolt XIX saj. 80-ndail aastail) /2/.

Peatükis "Väikelaste kisast üldiselt" kirjeldab G.B. Heubel kisa tekkimist seoses sisse- ja väljahingami-sega, nimetab hingamistegevuse reguleerijana närve, mis al-gavad piklikust ajust, ning iseloomustab imiku näoilmet nutmisel.

Järgmises peatükis on vastsündinate esimese kisa või-malike põhjustena nimetatud õhu spetsiifilist toimet näole õhu toimet nahanärvidele ja hapnikupuudust lapse organis-mis. Autori arvates kutsub vastsündinu esimese hingamise esile just hapnikupuudus, kuigi ta ei eita ka teisi nime-tatud põhjusi. Kriitiliselt suhtub G.B. Heubel arvamusse, mille järgi vastsündinu esimene kisa on ennustuseks kannatustele ja hädadele tulevases elus. Autor lisab, et lapse kisa on vajalik, kuna see soodustab hingamiselundite ja ve-reringe tegevust, tekitab soojust ning "kindlustab loomu-

liku sideme ema ja lapse vahel". Vastsündinu kisa hindamisel tuleb eeskätt tähele panna kisa tugevust: tugev kisa iseloomustab tervet vastsündinut.

Viimases, kõige põhjalikumas peatükis püüab autor täita ülesande, mille ta endale püstitas, nimelt koostada imikute "esimese keele sõnaraamat". Autor peab nutu ammendavat kirjeldamist küllalt raskeks ja kahetseb, et selle mõistmiseni tuleb jõuda peamiselt isiklike kogemuste kaudu. Nutu ja kisa iseloomustamiseks hindab autor kisa tugevust, kõrgust, kestust ning seost sisse- ja väljahingamisega. Samas rõhutab ta, et kisa tugevus oleneb suurel määral laste erinevast erutatavusest ning soovitab seetõttu arvesse võtta imiku kisa hindamisel nende inimeste tähelepanekuid, kes vahetult last hooldavad.

Nutu põhjustena imikutel on nimetatud unisust, nälga, liiga tugevat mähkimist, märgi mähkmeid, igatsust ema järele, ebamugavat asendit, hirmu, valu jne. Kangekaelsusest tingitud nuttu iseloomustades hoiatab autor, et juhul kui nutu põhjust ei leita, ei tohiks seda siiski kohe kangekaelsuse avalduseks pidada, kuna tegemist võib olla tõsisemate põhjustega, näiteks mõne raskema haiguse prodromaalperioodiga. Imiku nutu korral on soovitatud huvi tunda ka ema (amme) tervisliku seisundi vastu, kuna lapse rahutus ja nutt võivad hooldaja haigestumisega seotud olla.

G. B. Heubel märgib, et nutu iseloom ei luba sageli selle põhjust veel kindlaks teha ja et arvesse tuleb võtta ka kõik kaasuvad nähud: hinnata valu muutusi seoses keha asendi muutustega, näovärvi, näoilmet, käitumist söömisel ja magamisel jms. Nauditava põhjalikkusega on kirjeldatud pisemadki muutused lapse käitumises unisuse, nälja, nohu, keskkõrvapõletiku jt. haiguste puhul. Seda lugedes tekib tahtmatult mõte, et tänapäeval on arst tänu kaasaegsete diagnoosimismeetodite kasutamisele millegi poolest ka vaesemaks jäänud, võrreldes ajaga, mil enamik diagnoose püstitati vaatluse ja palpatsiooni abil.

Närvisüsteemi haigustest on nimetatud laste akuutset vesipead (hydrocephalus acutus) ja müeliiti; hingamiseldude haigustest nohu, kilelist larüngiiti (laryngitis membranacea), Millari astmat (asthma Millari), läkakõha (tus-

sis convulsiva), tühmuse astmat (asthma thymicum), pneumooniat, pleuropneumooniat jt. Seedetrakti haiguste kirjeldus haarab gastriidi, enteriidi, peritoniidi, hepatiidi jt. Brituselundite haigustest, mis autori väljenduse järgi "iseegi lapsepõlves vahel esinevad", on nimetatud neeruja põiepõletikku ja uriinipeetust.

Üksikasjalikult on iseloomustatud "ägedat vesipead" (hydrocephalus acutus), mis tänapäeva klassifikatsiooni järgi vastab tuberkuloossele meningiidile, kuigi seda ei saa kirjelduse järgi alati kindlalt teistest meningiidi vormidest eristada /4/. Dissertatsioonis juhitakse tähelepanu sellele, et mitmed haigused väikelapseas kulgevad "ägedale vesipeale" sarnase kliinilise pildiga. Nendeks on hammaste raske läbilõikumine, "kõhuussipalavik" (febris verminosa) ja keskkõrvapõletik. Viimase kohta on mainitud ka põletiku võimalikku levikut aju piirkonda.

Diagnoos "Millari astma" on väga laia ulatusega, haarates tänapäeva mõiste järgi niisugused haigused nagu difteriaalne krupp, pseudokrups, larüngospasm ja vahel ka bronhiaalastma /4/.

Eeltoodust selgub, et kõigil juhtudel ei ole võimalik leida dissertatsioonis esitatud haigustele täpseid tänapäevaseid vasteid. See on ka arusaadav, kuna klassifikatsiooni lähtepunktid on muutunud.

G. B. Heubeli väitekirj on koostatud Euroopa peamiste lastehaiguste uurimise keskuste teaduslike tööde alusel, mistõttu seda tuleb pidada XIX saj. esimese kolmandiku pediatria tasemele vastavaks. Kahjuks puuduvad autori andmed käsitletaval teemal ning G.B. Heubel piirdub vaid oma arvamuse avaldamisega vastukäivate seisukohtade esitamisel. Dissertatsiooni väärtuseks on loogiline ülesehitus ja põhjalikud haigusepiltide kirjeldused. Töö annab ettekujutuse lastehaiguste diagnostika tasemest poolteist sajandit tagasi.

K i r j a n d u s

1. Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1889, 195.

2. Der Grosse Brockhaus. Wiesbaden, B. VI, 1955.
3. G. B. H e u b e l. De vagitu neonatorum et lactentium. Doct. diss. Dorpat, 1836.
4. A. P e i p e r. Chronik der Kinderheilkunde. Leipzig, 1966, 154.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорскаго Орьевского, бывшаго Дерпатскаго университета, том II. Орьев, 1903, 56-57.

MAOKIRURGIA ARENGUST TARTUS VARASEMAL PERIOODIL

H. Petlem

Seoses 100 aasta möödumisega Tartu esimese kirurgia-kliiniku ehitamisest Toomele on küllalt põhjust pilku heita maohaiguste kirurgilise ravi arengule Tartus varasemal perioodil. Pealegi möödus 1975. aastal 80 aastat esimestest Tartus teostatud maooperatsioonidest.

Möödunud sajandi keskel moodustus Viinis professor Theodor Billrothi juhtimisel maokirurgia keskus, kus töötati välja ja hakati kasutama rida uusi maooperatsioone (gastroenterostoomia, maoreseksioonimeetodid). Kuigi ka enne Billrothi oli tehtud mõningaid katseid maohaigeid opereerida /14/, õnnestus temal esimesena 1881. aastal maoreseksioon ühel maovähiga haigel /5/. Ka samal aastal L. Rydygieri /17/ poolt opereeritud maohaavandiga haige paranes. Esimene maoreseksioon Venemaal tehti Peterburis samal aastal M.K. Kitajevski /3/ poolt. Kuid alles 1885. aastal õnnestus see operatsioon V.A. Ratimovil /4/. Haige elas pärast operatsiooni veel 12 aastat. Nii saavutas ta esimesena haige pikaajase paranemise maoreseksiooni järgselt.

Esimesi andmeid Tartus edukalt läbi viidud maooperatsioonide kohta avaldas W. Fick 1897. aastal /7/. Nimelt opereeris W. Zoege von Manteuffel Tartu Linna Haiglas, mis asus Kaluri tänaval (praegune Turu tänav), 1895. ja 1896. aastal kokku 6 haiget, resetseerides mao viiel maokasvajaga ja ühel püüloruse armistenoosi ja kolme haavandiga haigel.

Maohaavandtõvega haige operatsioon toimus 15. novemb-

ril 1896. aastal. Haiget opereeriti Kocheri maoreseksiooni modifikatsiooni järgi.

Vastavate haigusjuhtude avaldamise põhjusena märgib autor: maokirurgia on veel võrdlemisi noor ala ja operatsioonitehnika on selletõttu välja kujunemata. Pealegi olla operatsiooni näidustustes palju vaieldavaid küsimusi. W. Ficki artikli avaldamise ajal olid paralleelselt kasutusel nii maoreseksioon kui ka gastroenterostoomia ja nende operatsioonide näidustuste üle toimusid vaidlused. Artikli lõpul märgib autor õigustatult, et gastroenterostoomia ei kõrvalda maohaavandiga haigetel kõiki vaevusi. Võib nentida, et sellisele seisukohale jõuti nii mõneski juhtivas raviasutuses alles mõned aastakümned hiljem.

Huvitav on mainida, et juba siis pooldati Ficki andmetel opereeritud maohaigete varajast toitmist suu kaudu. 3 - 4 tundi pärast operatsiooni ordineeriti haigetele veini ja puljongit. Teisel päeval anti haigetele piima ja muna-kollast, samuti kolmandal päeval, neljandal päeval - pehmet muna ja küpsiseid, viiendal päeval - toorest sinki (sic!) ja juba teisest nädalast alates mindi üle haigete tavalisele toitmisele. Sellega saavutati operatsiooni näidustuste laiendamine ka rohkem kurnatud haigetele. Haiged talusid operatsiooni suhteliselt paremini ja suremus vähenes. Fick rõhutas ka hea operatsioonitehnika tähtsust: sellega lühenavat nii narkoosi kui ka operatsiooni kestus.

Oma ettekandes Tartu Arstiteaduslikus Seltsis 1898. aastal pooldas Zoege von Manteuffel samuti maoreseksiooni püüloruse healoomulise stenoosi puhul /18/. Selle operatsiooni järgselt esinevat hilistüüstusi tunduvalt vähem kui gastroenterostoomia korral.

On andmeid ka loomkatsete tulemuste kohta. Nimelt avaldas N. Burdenko /1/ 1911. aastal töö muutustest pankrease sekretsioonis pärast maoreseksiooni katseloomadel. Ka 1914. aastal avaldatud artiklis jätkas Burdenko sama probleemi käsitlemist /6/. Oma kasuistilises teadaandes /2/ 1913. aastal liivakellmaoga haigele tehtud gastroenterostoomia kohta leiab autor, et paremaid tulemusi oleks sellel haigel loota maoreseksiooni järgselt, kuid haigel leitud anatoomilised muutused kõhuõõnes ei võimaldanud seda operatsiooni läbi viia.

On huvitav märkida, et juba 1889. aastal uuris Tartus Th. Openchovski /13/ mao mootorset talitlust katseloomadel ja leidis kõhukelme all, mao püülorilises osas ganglionirakke, mis tema arvates olid mõjustatavad uitnärvide kaudu.

H. Normanni /12/ doktoridissertatsioonis 1928. aastast on muuhulgas käsitlemist leidnud ka Toome Haavakliinikus 1920. - 1926. aastani kirurgiliselt ravitud 22 haavandtõbe põdeva haige hilised ravitulemused. Autor soovitab teha mao-resektsooni kõikidele medikamentooselt tulemusteta ravitud maohaavandahaigetele, välja arvatud püüloruse stenoosiga haiged, kellel gastroenterostoomia häid tulemusi andvat.

Tartu Maarjamõisa Haavakliinikus eelistati A. Linkbergi /10/ andmetel 1928. kuni 1930. aastani mao- ja kaksteistsõrmiksoole haavandiga haigetel gastroenterostoomiat, mis andis sel perioodil maoresektsoonist väiksema letaalsuse. Kuid autor asub oma artiklis siiski maoresektsooni eelistaval seisukohal, kuna selle operatsiooni järgselt esinevat ulcus pepticum jejuni't vähem ja haavandite mulgustumised ja halvaloomulised degeneratsioonid puuduvat täiesti.

Teistkordselt avaldas A. Linkberg /11/ samas kliinikus 1929. - 1936. aastani mao- ja kaksteistsõrmiksoole haavandite tõttu kirurgiliselt ravitud haigete kohta ulatusliku kliinilise materjali. Sellest selgub, et sellel perioodil teostati maoresektsoone juba tunduvalt rohkem ja ka tulemused osutusid paremateks.

Kasutades Toome Haavakliiniku andmeid, analüüsis U. Karell /8/ haavandtõvehaigete ravitulemusi ajavahemikus 1918 - 1931. Selgub, et sellel perioodil tehti maoresektsoone võrdlemisi harva, eriti algusaastail, operatsiooni järgse suure suremuse tõttu. Halbade tulemuste peamiseks põhjuseks oli kahtlemata raskete, tüsistunud haavandiga haigete suur arv. Samal aastal avaldas U. Karell /9/ ka tema poolt teostatava maoresektsooni väga täpse ja tehniliselt üksikasjaliku kirjelduse. Haigete varajase enteraalise toitmise eesmärgil operatsioonijärgsel perioodil lisati maoresektsoonile jejunostoomia Kirschneri järgi. Kuid operatsiooni koheseid tulemusi see operatsioon mingil määral ei parandanud. Pealegi kätkes see endas teatavaid tüsistusi, pikendades ühtlasi haigete kliinikus viibimise aega.

Kuna Toome Haavakliiniku haiguslugude arhiiv ja operatsioonide žurnaalid on säilinud, kasutas käesoleva töö autor /15,16/ neis leiduvaid andmeid ulatusliku kokkuvõtte tegemiseks ajavahemiku 1918 - 1947 kohta. Selle aja jooksul opereeriti 982 haiget, kellele tehti kokku 995 operatsiooni. 30 aasta jooksul töötas Toome Haavakliinikus juhtivate kirurgidena kolm kliiniku juhatajat. Nii on võimalik eristada kolme perioodi, mis erinesid üksteisest kirurgilise aktiivsuse, operatiivse ravi indikatsioonide, operatsioonimeetodite valiku, haigete ettevalmistamise ja ka järelravi suhtes.

Kolmas raviperiood (1938 - 1947), mil kliinikut juhatas prof. A. Linkberg, oli kõige tulemusrikkam. Tunduvalt suurenes opereeritud haigete arv, suurenes kirurgiline radikaalsus, gastroenterostoomiat kasutati ainult üksikutel juhtudel.

Jälgides kirurgilist vahelesegamist vajavate maohaiguste, eriti maohaavandtõbe põdevate haigete kirurgilise ravi arengut Tartus varasemal perioodil, võib õigusega väita, et nii kirurgilise ravi kvaliteedi kui ka ravi näidustuste suhtes on Tartu kliinilised koolkonnad seisnud alati aja nõuete kõrgusel. Sama väide kehtib ka käesoleval ajal, mil on kasutusele võetud maohaiguste kirurgiliseks raviks lisaks veel plastilisi operatsioone ja mitmesuguseid operatsioone nervus vagus'el.

K i r j a n d u s

1. Н. Б у р д е н к о. Закрытие привратника и деятельность поджелудочной железы. Труды и протоколы заседаний Мед. общества им. Н.И. Пирогова, год. 4-ый. Орьев, 351-366.
2. Н. Б у р д е н к о. К казуистике страдания "Желудок - песочные часы". Труды и проток. засед. мед. общества им. Н.И. Пирогова, год 5-ый. Орьев, 1913, 227.
3. М.К. К и т а е в с к и й. Мед. обозр., 1881, т. XVI, 192.
4. В.А. Р а т и м о в. Дневник I съезда Моск. Петерб. мед. о-ва. 1885, 39.

5. Th. Billroth, Tsit.: A. Wölfler. Ueber die von Herrn Professor Billroth ausgeführten Resektionen des Carcinomatösen Pylorus. Wien, 1881.
6. N. Burdenko. Über die Folgen der Gastroenterostomie. St. Petersburger med. Wochenschrift, 1911, 44, 463-464.
7. W. Fick. Ueber Magenresection. Langenbeck's Archiv, 1897, 54, 3, 528-554.
8. U. Karel. Mao kirurgilisi tulemusi ja jejunaalse alimentatsiooni tähtsusest sel puhul. Eesti Arst, 1937, 1, 49-63.
9. U. Karel. Maoresektiooni tehnikast Tartu Ülikooli I Haavakliinikus. Eesti Arst, 1937, 1, 35-48.
10. A. Linkberg. Ulcus ventriculi röntgenoloogilisest diagnoosimisest ja kirurgilisest ravist. Eesti Arst, 1930, 7, 253-260.
11. A. Linkberg. Mao- ja kaksteistsõrmikuhaavandi kirurgiline ravi ja selle tagajärjed pikema ajavahemiku järel vaadatult Tartu Ülikooli II Haavakliinikus. Eesti Arst, 1937, 1, 14-25.
12. H. Normann. Maohaavandi ravi püsivad tagajärjed T.Ü. Teaduskonna Sisehaigustekliiniku materjalide põhjal 1920 - 1926. Diss. Tartu, 1928.
13. Th. Openc'hovski. Ueber die gesamte Innervation des Magens. Dtsch. med. Wschr., 1889, 35, 717.
14. J. Pean. Diagnostique et traitement des tumeurs de l'abdomen et du bassin. Paris 1880, p. 517. Ref.: Centralblatt Chir., 1880, 341-345.
15. H. Petlem. Haavandtõve kirurgiline ravi Vabariiklikus Tartu I Haavakliinikus 1918-1947. Diss. Tartu, 1950.
16. H. Petlem. Haavandtõve kirurgiline ravi Vabariiklikus Tartu I Haavakliinikus 1918-1947. Autoref. Tartu, 1950.
17. L. Rydygier. Przegląd lek. no. 50, 1881. Tsit.: Rydygier. Beiträge zur Magen-Darmchirurgie. Dtsch. Ztschr. Chir., 1885, 21, 546-579.

18. W. Z o e g e (Manteuffel). Zur Indicationsstellung der Operation bei Pyloruserkrankungen. St.Petersburger med. Wschr., 1898, 15, 140.

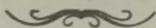
ÜLIÕPILASTE OSAVÕTT STOMATOLOOGIA-ALASEST TEADUSLIKUST
UURIMISTÖÖST TARTU ÜLIKOOLIS
M. Lõvi, E. Käänapuu, S. Trull

Stomatoloogia-alased küsimused, iseäranis näo plastilise kirurgia osas, leidsid käsitlemist Üliõpilaste poolt Tartu Ülikoolis juba XIX sajandil. Stomatoloogia ei olnud tollal veel kujunenud omaette erialaks, näo-lõualuude operatsioonid tegid tavaliselt Üldkirurgid.

On teada, et tuntud kirurg Julius Szymanowsky, kes õppis Tartu Ülikoolis aastail 1850 - 1856, huvitus juba Üliõpilasena plastilistest operatsioonidest, eeskätt ninaplastikast /1/. Ülikooli lõpetamisel oli J. Szymanowsky teinud iseseisvalt (professor G. Adelmanni juhendamisel) ligikaudu paarteistkümmend rinoplastika operatsiooni. Uue nina valmistas ta india meetodi järgi otsmikult võetud nahalapist. Põhjalik tutvumine selle probleemiga (ta hakkas tööle Tartu Ülikooli kirurgiakliinikus assistendina) võimaldas tal 1857. a. esitada venia legendi saamiseks uurimuse rinoplastikast /2/. Näo plastilisi operatsioonimeetodeid kirjeldas ta oma hilisemas, 1865. a. ilmunud mahukas monograafias /3/. Kahtlemata panid sellele tööle aluse nina- ja huuleplastika, millega J. Szymanowsky tegeles juba Üliõpilasena Tartus.

On alust arvata, et tööd ja materjali kogumist mitmete näotaastusoperatsioonide käsitlevate doktoriväitekirjade jaoks, mida möödunud sajandi keskel Tartu Ülikoolis kaitsiti, alustati Üliõpilasena. Nii esitas Ülikooli lõpetamisel 1850. a. väitekirja heiloplastikast huulevähi puhul A. Messerschmidt /4/, 1854. a. heilo-, rino- ja blefaroplastikast B. Szokalski /5/ ja 1864. a. näo plastilistest operatsioonidest, peamiselt heiloplastikast huulevähi kirurgilises ravis, V. Kiparsky /6/. Tööd valmisid G. Adelmanni juhendamisel.

ADNOTATIONES
AD
RHINOPLASTICEN.

COMMENTATIO
QUAM
CONSENSU ET AUCTORITATE
GRATIOSI MEDICORUM ORDINIS
•
UNIVERSITATE LITERARUM CÆSAREA
DORPATENSI
AD

VERBAM LEGENDI

RITE IMPETRANDAM

PALAM DEFENDET

AUCTOR

Dr. med. **Julius Szymanowski,**
IN CLINICO DORPATENSI EXERCITATIONES CHIRURGICAS MODERANTIS
AUXILIARIUS.

Accedit tabula lithographica colorata.

DORPATI LIVONORUM.

TYPIS VIDUAE J. C. SCHÜNMANNI ET C. MATTIESENI.

MDCCCLVII.

J. Szymanowsky uurimuse "Adnotationes ad rhinoplasticen"
(1857) tiitelleht.

Näo piirkonna ja suuõõne haiguste (põletike, kasvajate jm.) ning nende ravi küsimusi käsitleti ka teistes, üldkirurgia valdkonda kuuluvates töödes /7,8/. Nii esitas S. Janikowski, kes analüüsis 1853. a. Tartu Ülikooli kliinikus ettetulnud kirurgiliste haiguste seas ka näo ja suuõõne spetsiifilisi põletikke (lues't, lupus vulgaris't), oma väitekirja 1858. a., s.o. ülikooli lõpetamisel /9/. Samuti valmis A. Brauni väitekirj, milles vaadeldakse peaasjalikult näo- ja lõualuude kasvajaid ning nende operatiivset ravi kirurgiakliinikus aastal 1859, varsti pärast ülikooli lõpetamist /10/.

Sajandivahetusel Tartu ülikoolis kaitstud stomatoloogia-alased väitekirjad, mis valmisid professor W. Kochi juhendamisel, lasevad samuti oletada, et tööd nendega alustati juba üliõpilastena. 1893. a. esitas M. Regulski väitekirja, mis tutvustab huulevähi statistikat ja kliinilist pilti /11/, 1894. a. A. Martõnov väitekirja mõlemapoolsest ülalõua resektsioonist pahaloomuliste kasvajate puhul /12/. Ent möödunud sajandi üliõpilaste teaduslik tegevus ei olnud organiseeritud, vaid suures osas juhusliku iseloomuga.

Need probleemid meditsiini ja loodusteaduste valdkonnas, mis olid tollal huvipakkuvad, leidsid käsitlemist auhinnatööstes (I järgu auhind - kuldmedal, II järgu auhind - hõbemedal). Võistlustöö teema kuulutas välja vastav teaduskond, kusjuures väljakuulutatud teemale võisid töö kirjutada ka teises teaduskonnas õppinud. Möödunud sajandil autasustati arstiteaduskonna poolt 132 isikut, neist 103 meedikut ja 29 farmatseuti. Kuldmale vääriliseks peeti 78 meedikut, hõbemedal omistati 25 isikule. 9 arstiteaduskonnas õppinut autasustati tööde eest, mille teemad andsid teised teaduskonnad (6-1 füüsika-matemaatika- ja 3-1 ajaloo-keeleteaduskond). Auhinnatööde praktiseerimine võimaldas nii noori andekaid teadlasi avastada kui ka teadusliku tööd intensiivistada. Antud perioodil esitatud võistlustöödest käsitles suuõõne anatoomiat V. Podvõssotski võrdlev uurimus keelenäärmetest inimesel ja loomadel, mille eest talle omistati kuldmedal /3/.

Stomatoloogia-alaste probleemide käsitlemist meditsiiniüliõpilaste poolt täheldati tollal harva. Andmed vastava-

te tööde kohta XX sajandi algusest punduvad meil täielikult. Siinkohal võiks vast mainida meditsiiniüliõpilase Valter Steinfeldti (hiljem stomatoloogiaprofessor Valter Hiie) eksperimentaalset uurimust 1925. a., milles vaadeldi alkoholi mõju siseelunditele /14/. Töö tunnistati I auhinna vääriliseks. Uurimus ei ole küll stomatoloogia valdkonda kuuluv, kuid teostati esimese stomatoloogiaprofessori poolt Eestis.

Vähene teaduslike tööde arv sellel perioodil oli ilmselt tingitud nende praktilise läbiviimise raskustest kodanliku Eesti Ülikooli tingimustes. Alles nõukogude tervishoiusüsteemi rajamisel 1940. a. loodi laialdased tingimused üliõpilaste teaduslikuks tööks. Tartu Riikliku Ülikooli arstiteaduskonna juurde loodi stomatoloogia kateeder ja osakond, kus hakati ette valmistama kõrgema haridusega spetsialiste, arst-stomatolooge. Ühtlasi avanesid ka võimalused üliõpilaste stomatoloogia-alaseks teaduslikuks tegevuseks. Mõningal määral pidurdasid seda Suure Isamaasõja ja Saksa okupatsiooni aastad.

TRÜ arstiteaduskonna üliõpilaste organiseerimine teaduslikule tööle algas sõjajärgsetel aastatel. 1947. a. sügisel loodi rida teaduslikke ringe, nende hulgas ka stomatoloogiaring. Ringi ühel esimestest koosolekutest 1947/1948. õppeaasta sügissemestril esines üliõpilane L. Pullerits ettekandega epuuliste ravist, mis tugines peaaesjalikult demonstratsioonmaterjalidele; sama õppeaasta kevadsemestril tegi ettekande üliõpilane L. Tigas kuderavi rakendamise kohta stomatoloogias /15/.

1947/1948. õppeaasta kevadsemestri alguses sai Tartu Riiklikus Ülikoolis teoks ÜTÜ loomine NSV Liidu Kõrgemate Koolide Ministeeriumi poolt kinnitatud tüüpõhikirja alusel. 2. veebruaril 1948. a. kinnitati õpetatud nõukogu poolt arstiteaduskonnas 11 üliõpilasest koosnev organisatsiooni komitee, mille esimeheks valiti Heiti Kadastik. ÜTÜ loomisega kasvas arstiteaduskonna teaduslike ringide arv 3 kuuga 13-ni.

ÜTÜ I konverents toimus 3. - 9. maini 1948. a. ja sellest võttis osa 11 sektsiooni; 1949. a. oktoobris leidis aset ÜTÜ II konverents, mis oli pühendatud I.P.Pavlovi 100. sünniaastapäevale /16/. Kahel esimesel üliõpilaste teadus-

likul konverentsil stomatoloogidelt ettekandeid ei olnud.

ÜTÜ III konverentsil 1950. a. märtsis esitati esimehe, kirurgilise stomatoloogia valdkonda kuuluv töö IV kursuse üliõpilaselt T. Rekilt teemal "Suuõõne vähktõve varajasesst diagnostikast" /17/. Samaaegselt oli T. Rekk 1949/1950. õppeaastal ÜTÜ stomatoloogiaringi esimeheks. 1950/1951. õppeaastal sai esimeheks üliõpilane N. Vesik (hiljem N. Vihm). Viimane esitas 1951. kevadel IV kursuse üliõpilasena IV ÜTÜ konverentsil ettekande teemal "Lõualuude osteomüeliitide etioloogia V.T. Kliinilise Haigla stomatoloogia osakonna materjali andmeil" /18/. Mõlemad tööd valmisid prof. V. Hiie juhendamisel.

Samal ajal arenesid TRÜ ÜTÜ-l sidemed teiste kõrgemate koolide teaduslike ringidega. Nii külastasid 1951. a. teiste arstiteaduskonna ÜTÜ aktivistide hulgas ka stomatoloogiaringi liikmed, IV kursuse üliõpilane T. Eistre ja III kursuse üliõpilane S. Pau (S. Russak) delegaatidena Moskva I Meditsiinilise Instituudi teaduslikku konverentsi /19/.

Järgnevatest TRÜ ÜTÜ konverentsidest võtsid stomatoloogiaüliõpilased osa tagasihoidlikult, esinedes keskmiselt ühe ettekandega.

Ent 1954. ja 1955. aastal võttis stomatoloogiaring ÜTÜ konverentside tööst osa juba alasektsioonina, mille teaduslikuks juhendajaks oli prof. V. Hiie, stomatoloogiaringi esimeheks vastavalt üliõpilased S. Plink (S. Lumiste) ja E. Kivik (E. Pakk). Töid esitati ÜTÜ VIII konverentsil 2 ja IX konverentsil 4. Mõlemal konverentsil oli üks töödest terapeutilise stomatoloogia alalt, teised tööd kuulusid kirurgilise stomatoloogia valdkonda. Enamik töödest valmisid prof. V. Hiie juhendamisel, terapeutilise stomatoloogia alaste tööde juhendamisest võttis osa ka meditsiinikandidaat V. Rüütli /20/.

Aastatel 1956 - 1961 võeti konverentside tööst osa arstiteaduskonna koosseisus, alasektsiooni kui niisugust ei eksisteerinud. Ettekandeid oli suhteliselt vähe ja nad ei kajastanud veel kõigi kolme stomatoloogiaeriala (kirurgia, teraapia, ortopeedia) probleeme.

1956. a. ÜTÜ X konverentsil esitatud kolm tööd käsit-

lesid terapeutilise stomatoloogia valdkonda kuuluvate haiguste (kaariese, pulpiidi ja periodontiidi) ravi küsimusi. Tööde teaduslikuks juhendajaks oli meditsiinikandidaat V. Rüütli /21/. ÜTÜ XI konverentsil (1957) ei olnud stomatoloogiaosakonna üliõpilastelt ühtegi ettekannet. 1958. a. XII üliõpilaste teaduslikul konverentsil esitati kaks kirurgilise stomatoloogia alast tööd (V. Hiie juhendamisel). Üks nendest käsitles näo-lõualuude piirkonna tulirelvvigaustate ravi ja tüsistusi ning teine suuõõne prekantseroosseid seisundeid /22/.

Aastatel 1959-1961 esitati stomatoloogiaüliõpilastelt rida võistlustöid. Esimeseks auhinnatööks oli 1959. a. II Balti vabariikide ja Valgevene NSV Kõrgemate Koolide Ühendatud ÜTÜ konverentsil V kursuse üliõpilaste S. Kippasto, E. Käsperi ja A. Stambergi esitatud eksperimentaalne uurimus teemal "Alalõualuu murdude ravi osteosünteesiga ja röntgenkiirituse toimest luu regeneratsioonile küülikul" /23/. Töö pälvis I järgu diplomi ja rahalise preemia (vt. foto). Ülalmainitud konverentsil esineti iseseisva alasektsoonina, sest konverentsil olid külalisesinejad Riia ja Kaunase meditsiiniinstituutidest /24/.

Teine samal konverentsil esitatud kollektiivne ettekanne pani aluse 1960. a. assistent S. Russaku juhendamisel valminud V kursuse üliõpilaste M. Aasa, M. Kerbergi, A. Nigoli, T. Palmi ja Ö. Sikka võistlustööle "TRÜ üliõpilaste suuõõne seisundist", millele omistati I auhind /25/. Samal aastal teostasid IV kursuse üliõpilased K. Noor ja P.-J. Kink eksperimentaalse töö Filatovi ümarvarre plastikast kiiritamise korral, mis samuti sai I auhinna /26/. V kursusel uurisid samad üliõpilased naha vabaplastika tulemusi katseloomadel kiiritamise korral, mis võimaldas neil 1961. a. vormistada uue võistlustöö, millele omistati jällegi I auhind /27/. Kõiki kolme eksperimentaalset tööd juhendas prof. V. Hiie.

1961. a. esitati veel kaks võistlustööd: V kursuse üliõpilase H. Arusaare I auhinna saanud töö, mis käsitles plastmassist ravilahaste kasutamist paradontoosi puhul ja oli ühtlasi ka esimeseks ortopeedilise stomatoloogia alaseks võistlustööks (juhendaja assistent A. Kõdar) /28/; ja

Auhinnatöö

NSV Liikluse Hariduse Ministeerium

Tartu Riikliku Ülikooli

Arstiteaduskonna Stomatoloogis kateeder

S i i r i K i p p a s t o, E n n K ä s p e r
j a A n t s S t a m b e r g

Arstiteaduskonna stomatoloogis osakonna V kur-
suse üliõpilased

ALALÕUALUU MURDUDE RAVIST OSTEOSÜNTEESIGA JA RÖNTGENIKIIIRITUSE TOIMEST LUU REGENERATSIOONILE KÜÜLIKUL

Teaduslik juhendaja:

professor med.tesd.dr. V. Hiie

*Tartu Riikliku Ülikooli Spetsialistide Nõukogu otsusega
24 aprillil 1959 a. on käesoleva töölehtede koostamine
auhinna väärtusega.*

Tartus, 1959

J. Käär
Teaduslik sekretär

S.Kippasto, E.Käspéri, A.Stambergi auhinnatöö
"Alalõualuu murdude ravist osteosünteesiga ja
röntgenikiirituse toimest luu regeneratsioo-
nile küülikul" (1959) tiitelleht.

V kursuse üliõpilaste M. Arusaare ja L. Visnapuu I auhinna pälvinud uurimus periodontiitide ravist elektroforeesiga (juhendaja assistent S. Russak) /29/. Tööd kanti ette ka konverentsidel.

Uue tõusuperioodi alguseks võib pidada 1962. a., mil stomatoloogiaring alustas unesti tegevust arstiteaduskonna alaseksioonina. Siitpeale kulgeb stomatoloogiaringi tegevus juba plaanipäraselt, toimuvad regulaarselt ringi koosolekud ja osavõtt iga-aastastest ÜTÜ konverentsidest.

Ringi liikmete kõrval on arvukalt osalenud konverentside töös ka teiste vennasvabariikide stomatoloogiaüliõpilased: 1966. a. oli 2 külalisesinejat Tadžiki NSV-st, 1968. a. 4 Kaunase ja üks Kiievi Meditsiinilise Instituudi üliõpilane. 1969. a. oli Kaunasest ja Kiievist 5 üliõpilast /15/. Toimused ka vastukülastused. 1967. a. oktoobris võtsid TRÜ stomatoloogiaosakonna IV kursuse üliõpilased osa Kaunase Meditsiinilise Instituudi XVIII ÜTÜ teaduslikust konverentsist. 1972. a. sügisel esinesid V kursuse üliõpilased L. Lall ja T.-R. Toomsoo ettekandega ülalõua deformatsioonidest operatsioonide järgselt kõval suulael ja nende kirurgilis-ortodontilisest ravist eksperimendis XIV Balti liiduvabariikide ja Valgevene NSV ÜTÜ ühendatud konverentsil Vilniuses /30/. XVII ÜTÜ ühendatud teaduslikust konverentsist, mis toimus 1975. a. oktoobris Grodnos, võttis osa V kursuse üliõpilane K. Paju, kelle eksperimentaalne töö käsitles samuti ülalõua muutusi kirurgiliste menetluste puhul suulael /31/. Mõlemad kollektiivsed tööd, mis valmisid dotsent M. Lõvi juhendamisel, olid esitatud võistlustöödena, pälvides I auhinna /32,33/.

Ringi teaduslikuks juhendajaks selle asutamisest peale kuni 1963. a. oli prof. V. Hiie, 1964. aastal dots. N. Vihm, 1965.-1967. a. ass. L. Tigas, 1968.-1975. a. dots. M. Lõvi, alates 1976. a. dots. A. Kõdar. Käesoleval ajal võtavad kõik kateedri õppejõud (dotsendid A. Kõdar, M. Lõvi, S. Russak, N. Vihm ja assistendid E. Leibur ja E.-M. Metsa) osa üliõpilaste teaduslike tööde juhendamisest. Peale stomatoloogia kateedri õppejõudude on üliõpilaste teaduslikke töid juhendanud ka teised arstiteaduskonna õppejõud (patoloogilise anatoomia kateedrist prof.

L. Pokk ja dots. V. Sillastu, hügieeni kateedrist dots. V. Kalnin, otorinolarüngoloogia kateedrist prof. meditsiinidoktor V. Särgava ja meditsiinikandidaat S. Sibul, biokeemia kateedrist meditsiinikandidaat A. Kallikorm jt.). Üliõpilaste teaduslike tööde juhendamisest on samuti osa võtnud Tartu Linna Stomatoloogia Polikliiniku arstid S. Lumiste, M. Simson, L. Tõlp jt.

Mis puutub stomatoloogiaüliõpilaste teaduslike tööde arvulisse ja erialasesse iseloomustusse, siis üldse on võistlustöid esitatud 1950. - 1975. a. 28, neist 6 kirurgilise, 16 terapeutilise ja 5 ortopeedilise stomatoloogia ning üks töö meditsiini ajaloo alalt. Konverentsi ettekan-deid on sama ajavahemiku jooksul esitatud 154, neist 36 kirurgilise, 77 terapeutilise ja 38 ortopeedilise stomato-loogia alalt ning 3 meditsiini ajaloost. Tööde koostamisest on osa võtnud üle 300 üliõpilase /15/.

Üliõpilaste teaduslike tööde temaatika on olnud väga mitmekesine. Nii on kirurgilise stomatoloogia alastes võistlus- ja konverentsitöodes käsitletud peaaegu kõiki näo-lõualuude kirurgia põhiprobleeme: põletikke, kasvajaid, traumasid, näo taastavat kirurgiat ja väärarenguid. Alates 60-ndatest aastatest on üheks põhiprobleemiks kirurgilises stomatoloogias kujunenud kaasasündinud huule- ja suulaelõ-hede tekke põhjuste ja nende kirurgilise ravi küsimused.

Terapeutilise stomatoloogia alaste teaduslike tööde teemadeks on olnud peaaesjalikult hambakaariese, pulpiidi, periodontiidi, parodontoosi ja suu limaskestast haiguste esi-nemissagedus, etioloogia ja ravi. Üliõpilaste osavõtul on läbi viidud massilisi suuõõne läbivaatusi lastel ja kooli-õpilastel hambakaariese esinemissageduse kindlaksmäärami-seks Eesti NSV erinevates rajoonides.

Üliõpilaste ortopeedilise stomatoloogia alaste teadus-like uurimuste temaatika haarab mitmeid ortopeedilise sto-matoloogia tähtsaid probleeme, nagu hammaste proteesimine ja parodontoosi ortodontiline ravi, samuti hambumisanomaa-liate esinemissageduse ja etioloogia uurimine lastel Eesti NSV-s.

Üliõpilaste teaduslikud tööd on tavaliselt käsitletud probleeme, millega tegeleb stomatoloogia kateedri kollek-

tiiv, sageli nad on olnud väikeseks fragmendiks ühes või teises mahukamas teaduslikus uurimuses.

K i r j a n d u s

1. ENSV RAKA, fond 402, nim. 2, s.-ü. 24825; fond 402, nim. 3, s.-ü. 1862.
2. J. S z y m a n o w s k y. Adnotationes ad rhinoplasticeu. Dorpat, 1857.
3. Ю. К. Ш и м а н о в с к и й. Операции на поверхности человеческого тела. Киев, 1865.
4. A. M e s s e r s c h m i d t. Observationes de operationibus chilo plasticis, praesertim in labiis cancrrosis. Diss. Inaug. Doct. Med. Dorpat, 1850.
5. B. S z o k a l s k i. Observationes de operationibus plasticis in nosocomio chirurgico Dorpatensi ab anno 1841 - 1854 institutis. Diss. Inaug. Doct. Med. Dorpat, 1854.
6. V. L. K i p a r s k y. Beiträge zu den plastischen Operationen. Diss. Inaug. Doct. Med. Dorpat, 1864.
7. S. J a n i k o w s k i. Relatio de morbis chirurgicis in nosocomio universitatis literarum Dorpatensis anno 1853 observatis. Diss. Inaug. Doct. Med. Dorpat, 1858, 32-57.
8. A. B r a u n. Mittheilungen aus der chirurgischen Klinik der Kaiserlichen Universität zu Dorpat im Jahre 1859. Diss. Inaug. Doct. Grades. Dorpat, 1861, 32-40.
9. ENSV RAKA, fond 402, nim. 2, s.-ü. 10681 ja 10682.
10. ENSV RAKA, fond 402, nim. 2, s.-ü. 2852 ja 2853.
11. M. R e g u l s k i. Beitrag zur Statistik und Klinik der Lippencarcinome aus der chirurgischen Universitätsklinik des Prof. Dr. W. Koch. Diss. Doct. Med. Jurjew, 1893.
12. A. М а р т ы н о в. К вопросу о полном и почти полном удалении обеих верхних челюстей. Дисс. на степень докт. мед. Юрьев, 1894.

13. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета. Под. ред. Г.В. Левинского. Т. П. Юрьев, 1903.
14. V. S t e i n f e l d t. Alkoholismi mõju sisemiste elundite peale. Eksperimentaalne uurimus. (Auhinnatöö.) Tartu, 1925.
15. TRÜ UTÜ stomatoloogia ringi protokollid.
16. I.P. Pavlovi 100. sünni-aastapäeva tähistamise üliõpilaste teaduslik konverents. 8. - 9. oktoobril 1949 Tartus. (Programm.)
17. ENSV 10. aastapäevale pühendatud kolmas üliõpilaste teaduslik konverents. 25. märtsist - 2. aprillini 1950. a. Tartus. (Programm.)
18. Neljas üliõpilaste teaduslik konverents, pühendatud võitlusele rahu eest. 18. - 25. märtsini 1951. a. Tartus. (Programm.)
19. Andmed pärinevad S. Russakult.
20. Üheksas üliõpilaste teaduslik konverents 2. - 10. aprillini 1955. a. Tartus. (Programm.)
21. Kümnnes üliõpilaste teaduslik konverents. 31. märtsist - 8. aprillini 1956. a. Tartus. (Programm.)
22. Kaheteistkümnnes üliõpilaste teaduslik konverents. 16. - 20. aprillini 1958. a. Tartus. (Programm.)
23. S. K i p p a s t o , E. K ä s p e r , A. S t a m b e r g. Alalõualuu murdude ravist osteosünteesiga ja röntgenkiirituse toimest luu regeneratsioonile küülikul. (Võistlustöö.) Tartu, 1959.
24. Программа второй объединенной студенческой научной конференции высших учебных заведений Прибалтийских республик и Белорусской ССР (с 29 октября по 2 ноября 1959 г.). Tartu, 1959.
25. M. A a s a , M. K e r b e r g , A. N i g u l , T. P a l m , Õ. S i k k a . TRÜ üliõpilaste suuõõne seisundist. (Võistlustöö.) Tartu, 1960.
26. K. N o o r , P.-J. K i n k . Filatovi varreplastika tulemused katseloomade kiiritamise korral. (Võistlustöö.) Tartu, 1960.

27. K. N o o r, P.-J. K i n k. Naha vabaplastika tule-
mused katseloomade kiiritamise korral. (Võistlus-
töö.) Tartu, 1961.
28. H. A r u s a a r. Kiireltkõvanevast plastmassist aju-
tiste šiinide kasutamine parodontoosi ravis.
(Võistlustöö.) Tartu, 1961.
29. M. A r u s a a r, L. V i s n a r u u. Namba periapi-
kaalsete põletikkude ravist elektroforeesiga.
(Võistlustöö.) Tartu, 1961.
30. Тезисы докладов XIV объединенной студенч. науч. конф.
высш. мед. учебных заведений Прибалтийских Сов.
Соц. Республик и Белорусской ССР. Вильнюс, 1972,
120^a-121.
31. Программа ХУП объединенной науч. студенч. конф. высш.
мед. учебн. заведений Белорусской ССР и Прибал-
тийских Сов. Соц. Респ. (23-25 октября 1975 г.).
Гродно, 1975.
32. L. L a l l, T.-R. T o o m s o o. Ülalõua muutus-
test kirurgilis-ortodontiliste menetluste järg-
selt eksperimendis. (Võistlustöö.) Tartu, 1973.
33. К. П а ю, М. Р а т т, И. В а р м а н. Изменения верх-
ней челюсти при хирургических вмешательствах в
эксперименте. /Конкурсная работа./ Тарту, 1975.

TARTU ÜLIKOOLI KASVANDIKU P. WALDNERI TEGEVUSEST
JAOSKONNAARSTINA KOERUS

R. Markovits

Paul Waldner asus Koeru kihelkonnaarsti kohale jaanua-
rikuus 1890. aastal. Eelnevalt oli ta vaba praktiseeriva
arstina tegev olnud Võru maakonnas Saarjärvel (1888-1889),
kuhu siirdus vahetult pärast Tartu ülikooli arstiteaduskon-
na lõpetamist 5. jaanuaril 1888. aastal.

Koeru (tolleaegne nimetus Marien-Magdalenen) oli sel
ajal samanimelise kihelkonna keskuseks. Kihelkonnas sündis

sel ajal keskmiselt kuni 300 last aastas (1908. aastas langes see arv 200-le) (H. Edenberg) /3/. Nimetatud arvud näitavad ka jaoskonnaarst P. Waldneri koormust, kuna tol ajal töötas koos temaga kogu kihelkonna peale (üle 8000 elaniku) ainult üks ämmaemand. Kuni surmani 1929. aastal püsis Paul Waldneri koormus enam-vähem endisena (Koeru elanike arv 1. jaanuaril 1930. a. 7431 inimest, neist 3620 meest ja 3811 naist) /3/. Keskmine koormus tema vastuvõttudel oli vähemalt 25 inimest päevas. Kuni 1925. aastani oli P. Waldner ainukene arst kogu kihelkonnas. Nagu räägivad tema kaasaegsed, olnud Sandhofi mõisa ees alati doktor Waldneri patsientide kümned hobused seotud lasipuude külge.

Kui P. Waldner asus 1890. a. elama Koeru Stegemanni majja, avas ta selles kohe ka haigla (12 - 13 voodiga) (kohaliku elaniku Roman Tuglase andmed 1959. a.). Kuna haigla ruumid olid väikesed, kolis ta hiljem Sandhofi mõisa (samal kohal asub ka praegune Koeru haigla, ehitatud 1935. - 1937. a.). Sandhofis oli tal 5 - 20 voodiga erahaigla /1,4/, mis eksisteeris veel kodanliku perioodi esimestel aastatel. Haigla ruumid sisustas Waldner ise, muretsedes ka vajalikud instrumendid. Haiglas olid tal I korrusel kabinet, vastuvõturuum ja lõikustuba, II korrusel asus suur naistepalat ja 2 palatit meeshaigetele.

Kuna ta tegutses aktiivselt kirurgina, eriti silmakirurgina, käis ta sageli täiendamise eesmärgil välismaal (Saksamaal, Šveitsis, Belgias jm.). 1897. - 1898. a. viibis ta õppeotstarbel Berliinis, kus sai spetsiaalse silmakirurgia-alase ettevalmistuse. Hiljem kordas ta selliseid õpireise iga 2 - 3 aasta järel /1,2/. Viimane välisreis (Šveits ja Saksamaa) toimus 1928. a. (aasta enne surma) /7/.

Waldnerit iseloomustas janu teadmiste järgi, tema pere-
renaise A. Wideri andmeil luges ta öösiti kella kahe-kolme-
ni, peamiselt uut teaduslikku kirjandust. Samuti tegeles ta
nende uute ravimite aprobatsiooniga, mida talle firmade
poolt saadeti. Selliselt töötas ta peaaegu kuni surmani.
Mõnevõrra rauges tema sellealane tegevus pärast 1925. -
1926. aastat, kui ta tervis hakkas halvenema. Elu lõpu aas-
tatel loobus ta ka silmaoperatsioonidest, mida ta oli edu-

kalt teinud rohkem kui 25 aasta vältel. Ta oli Jaoskonna Arstide Seltsi liige ja Järva Arstide Seltsi asutajaliige (23. VI 1928. a., vt. prot. nr. 1) /5,6/.

Paul Waldner oli paljude kaasaegsete silmis kuulus arst-praktik, eriti kirurgina ja silmakirurgina. Sada tõendavad Koeru vanad elanikud R. Tuglas, H. Meedar, O. Brauer, A. Wider, L. Koppelman, K. Karu, K. Vanus jt., kelle mälestusi suutsime 1959.-1960. a. üles märkida /7/. Kindlate andmete alusel võib öelda, et ta tegi süstemaatilist katarakti operatsioone, iridektoomiat, eemaldas trahhoomi pantserit jm. Ta on amputeerinud jäsemeid, üksinda opereerinud ussjätket, resetseerinud roiet, ravinud edukalt luumurdeid jms.

Samuti on andmeid, et ta on edukalt ravinud ka vaimuhaigusi (epilepsiat ja neuroose). Waldner rakendas veel laialdaselt soojusravi, massaaži, vesiravi jms.

Kohalike elanike mälestuste järgi võib doktor Waldnerit pidada tolleaegsetes tingimustes füsioteraapia ja loomulike raviviiside edukaks rakendajaks, väärrib märkimist tema õpetuste konkreetne ja metoodilisus.

Edukas tegevus silmaarstina tõi talle patsiente Narvast, Peterburist, Riist ja põhjarannikult. Seega võime väita, et Paul Waldner oli tunnustatud silmaarst nii Eesti kui ka Liivimaal.

Kui Paul Waldnerile kahekümnendatel aastatel tehti ettepanek asuda tööle Tartu ülikooli oftalmoloogia kateedrisse, vastas ta eitavalt, põhjendades keeldumist sellega, et ta ei saa loobuda iseseisvast tööst Koerus, kus ta on oma kätega loonud haigla ja pälvinud kohaliku elanikkonna täieliku usalduse ning tunnustuse. Paul Waldneri arstlik tegevus väärrib tunnustust ja täiendavat uurimist.

K i r j a n d u s

1. I. B r e n n s o h n. Die Ärzte Estlands vom Beginn der historischen Zeit bis zur Gegenwart. Riga, 1922.
2. K. S ö ö t. Dr. Paul Waldner (nekroloog). Eesti Arst, 1930, IX, 79.

3. H. E d e r b e r g. Koeru koguduse minevik. Ühistrüki-
koda Rakveres, 1930.
4. ENSV Riiklik Ajaloo Keskarchiiv, f. 402, nim. 2., s.-ü.
26447.
5. Eesti organiseeritud arstkond 1912 - 1937 (red. A. Val-
des ja H. Norman). Eesti Arst. Tartu, 1938.
6. Järva Arstide Seltsi protokolliraamat.
7. Koeru vanade elanikkude R.Tuglase, H.Meedari, O.Braueri,
A. Wideri, L. Koppelmanni, K. Karu, K. Vanuse mä-
lestused (kogutud 1959. aastal).

R. KOBERT - FARMAKOTERAAPILISE SUUNA RAJAJA MEDITSIIINIS

O. Rajavee

Rudolf Kobert sündis 3. jaanuaril 1854. a. Bitterfeldtis Sakseni provintsis Saksamaal. Õppis Halles, kus alustas oma meditsiinilist karjääri tuntud füsioloog T. Weberi juures. 1877. a. kaitses Kobert dissertatsiooni "Beiträge zur Terpentinölwirkung" ning töötas rea aastaid kliinikus ja polikliinikus. Seejärel sõitis ta Strassburgi, kus asus algul assistendi kohale Golzi juurde ning peagi 6 aastaks O. Schmiedebergi juurde. 1866. a., kui Kobert oli 32 aastat vana, kutsuti ta Tartu Ülikooli farmakoloogia, dieetika ja meditsiiniajaloo instituudi juhatajaks (H.H.Meyeri ja lühikest aega juhatajaks olnud V.Podvõssotski järel). Siin töötas ta professorina 1897. aastani, mil lahkus Saksamaale. Seal oli Kobert esialgu 2 aastat Brehmeni Kopsuraviasutuse (Brehmerscher Kur- und Heilanstalt für Lungenkranke zu Göbersdorf) direktor. 1899.a. sai Kobert Rostocki Ülikooli farmakoloogia ja füsioloogilise keemia kateedri professoriks, lugeses samal ajal ka meditsiini ajalugu ning farmaatsiat. Rostockis töötas R. Kobert oma elu lõpuni 1918. a.

Tartus töötamise ajal (1886 - 1897) puutus R. Kobert kokku rea kuulsate meditsiiniteaduse esindajatega, nagu W. Zoege von Manteuffel, A.Rauber, E.Kraepelin, G. Dragendorff jt., kes on andnud suure panuse oma ala teaduse aren-

gusse. R. Kobert jätkas oma eelkäijate, eksperimentaalse farmakoloogia looja R. Buchheimi ja tema kuulsa õpilase O. Schmiedebergi suunda, olles mitte üksnes produktiivne selle teadusharu viljeleja, vaid ka edasiarendaja /1/.

Kobertilt ja tema kaastöolistelt nii Tartus kui ka Rostockis pärineb suur hulk uurimusi (resp. publikatsioone) ainete farmakodünaamika ja toksikoloogia alalt, mis andsid panuse farmakoloogia arenemisse kogu maailmas. Selle fakti tunnistuseks on 13 köidet "Arbeiten des Pharmakologischen Instituts zu Dorpat" /2/, mis sisaldavad tol ajal Tartus tehtud väärtuslikke mitmekülgseid töid.

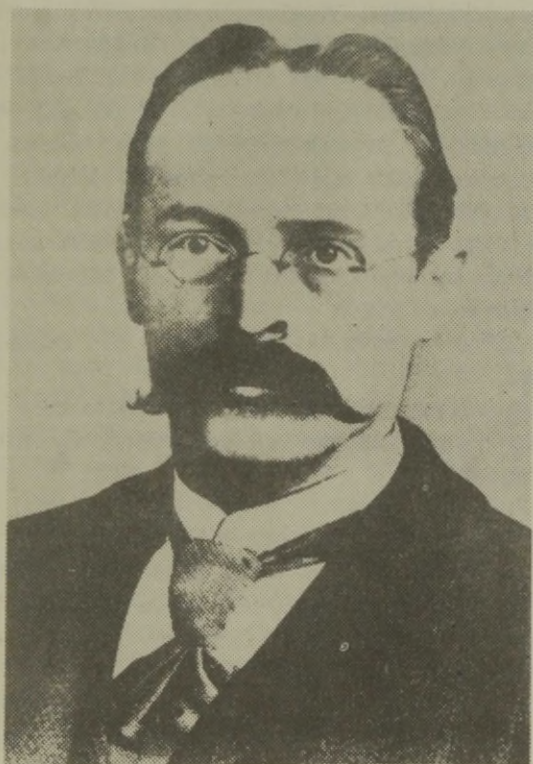
R. Kobert ja tema õpilased uurisid 30 aasta kestel (1885 - 1917) saponiine, eraldades neid droogidest ja selgitades nende keemilisi põhiomadusi. Kobert uuris saponiinide hemolüütilisi omadusi ja võttis tarvitusele mõiste "hemolüütiline indeks" saponiine sisaldavate droogide uurimiseks /2,3/.

Märkimisväärses uurimuses, mis pakub huvi ka tänapäeva farmakoteraapiale, on R. Koberti ja A. Sohrti ühisuurimus aastast 1887 "Über die Wirkung des Salzsäuren Hyoscin" /4,5/. See on esimene eksperimentaalne töö atropiini ja hüostsiini^x (hiljem nimetatud skopolamiini) toime erinevuste ja samasuste kohta. Kobert ja Sohrt oma hoolikalt teostatud uurimuses näitavad hüostsiini rahustavat toimet. Selles töös Kobert rõhutab, et uurimistöö loomadel on väärtuslik vaid siis, kui see on ülekantav inimesele.

"Härra Sohrt, psühhiaatria kateedri assistent, kirjutas ära need minu uurimused oma dissertatsiooni teesidesse. Pidades silmas nende piiratud levikut, ma soovin esitada siin järgneva teate, mis on võetud teesidest.

Buchheim ja Schroff on samuti arvanud, et Hyoscyamus sisaldab lisaks atropiinile (hüostsüamiin) teist alkaloidi, sest meditsiiniline praktika on juba ammu näidanud, et hüostsüamuse ekstraktil on rahustav toime, mida ei esine atropiini puhul."

^x Hüostsiin eraldati Ladenburgi poolt 1880. a. ning võeti tarvitusele vaimuhaiguste korral rahutusseisundite mahasurumiseks 1882. a. Graucki ning 1886. a. Koberti õpilase Sohrti poolt. 1892. a. Schmidt isoleeris skopolamiini ning näitas selle identsusat hüostsiiniga /3/.

Prof. R.Kobert (1854 - 1918).

Skopolamiini perifeerse toime sarnasust atropiini toimega demonstreeriti konna südamele, mis pandi seiskuma muskariini või elektrilise stimulatsiooniga. Leiti, et hüostsiin toimib sarnaselt atropiinile ja halvab konna südame pidurdavat aparaati, mida stimuleerib muskariin. Pärast katseid koertel jätkasid Kobert ja Sohrt uuringuid inimestel, kasutades muu hulgas sfügmograafi. Nad leidsid, et hüostsiin (1 mg) pärsib südamele suunduva vaaguse ärritust ka inimesel. Inimestel uuriti ka süljenäärmete sekretsiooni ja hinginäärmete sekretsiooni mõjustust, samuti hüostsiini tsentraalset toimet. Huvipakkuv võiks olla mainitud Koberti töös toodud hüatsiini toime analüüs Sohrti enesekatses, mille kohta kirjutatakse: "Sohrt tegi endale kell 10.04 õhtul hüostsiinvesinikkloriidisüsti (0,5 mg). Pulss oli 64 lööki minutis, 10-minutilise latentsperioodi järel märkas Sohrt esimest ptoosi sümptoomi, mis tegi raskeks silmade lahtihoidmise. Ilmus järkjärguline raskustunne ilma peavaluta. Ta pea tundus langevat õlgadelt ja tal oli raske seda püsti hoida. Ta liikmed tundusid olevat tursunud, rippudes maani. Oli tunduv väsimus.

K. 10.55 õhtul - pulss 68, k. 11.60 - 72. Pupillid hakkavad laienema.

K. 11.05 - kuivus kurgus, janu, kõne raskeneb.

K. 11.50 - väsimus muutus nii tugevaks, et S-il oli raske ärkvel olla.

K. 12.15 - pulss 84.

K. 12.20 - pulss 85. Pupillid laienenud.

Kogu sel perioodil oli S. täiel teadvusel ja võimeline vastama igale asjale, vastates küsimustele aeglaselt. Ta oli võimeline lugema enda poolt kirjutatut ilma suuremate raskusteta ega tundnud end haigena.

K. 12.25 - S. tõusis üles, kuid kõik oli vaaruv. Ta heitis voodisse, kus uinus. Tema uni oli rahulik, unenägudeta.

Järgmisel hommikul tõusis Sohrt kell 9 hommikul tavalise 5 või 6 asemel. Ta pea oli kergelt uimane, milline näht kadus peale hommikusööki."

Palju aastaid uurisid Kobert ja tema kaastöölised tihtidas teadusalasest koostöös prof. Dragendorffiga tungaltera toimet ja toimeaineid. Määrati ka uraani, hõbeda, tsingi jt. farmakodünaamikat.

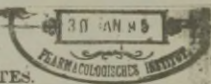
Huvitavad on Koberti uurimused üleelavate (isoleeritud) organite metoodika alal, milliseid ta alustas juba Strassburgis (O. Schmiedebergi juures) ja jätkas Tartus. 1887. a. konstrueeris Kobert aparaadi isoleeritud organite perfusiooniks.

Mõiste "farmakoteraapia" pärineb ajalooliselt Tartu Ülikooli farmakoloogia kateedrist. Mõiste loojaks ja esimeseks propageerijaks oligi prof. Rudolf Kobert, kes esmakordselt kasutas sõna "farmakoteraapia" 1885. a. raamatupealkirjana. See termin on loodud, nagu Kobert ise märgib, analoogselt elektroteraapia, kinesioteeraapia jt. mõistetele. Esimesed farmakoteraapia loengud pidas Kobert 1886. a. Tartus. Ta seostas farmakoteraapiat praktilise toksikoloogiaga, luges viimase tundmist farmakoteraapia oluliseks eelduseks. Kobert kirjutab: "Farmakoterapeudi kunst seisneb selles, et iga agensi korral lasta esile tulla häid toimeid ning vältida halbu." Farmakoteraapia mõistmiseks luges Kobert ligustatult vajalikuks põhimõtet "natura sanat, medicus curat", mis, nagu ta kirjutab, "oli selge juba meditsiini esiisadele, ent langes unustuse ohtu pimedal keskajal" /6/.

Kobertilt pärineb ka esimene farmakoteraapia määratlus: "Farmakoteraapia uurib kõikide farmakoloogiliste agensite, kuivõrd need on kasutatavad, keemilisi muutusi ja füsioloogilisi toimeid inimese tervise või relatiivse heaolu säilitamiseks või taastamiseks."

Koberti "Farmakoteraapia õpik" (1897) on pikaajalise süstemaatilise uurimise ja õppetöö käigus kogutud materjali esitus. /6/. Reessõnas märgib R. Kobert, et nagu peale Ameerika avastamist kasvas tohutult (sealsete tõeliste ja arvatavate ravimite mõõdutu sisseveo tagajärjel) Euroopa arstidele kättesaadavate ravimite hulk, nii ähvardab meid taas ravimite üleuputus, sedakorda hulgaliste väsimatult töötavate tootlike vabrikute poolt suurtes kogustes turule paisatavate vahendite tõttu, nii et varasemate aastakümnete ja -sadade väärtuslikud vahendid ähvardavad unustusse jääda ja et igasugune ülevaade uutest saavutustest - kui mitte farmakoloogiale, siis siiski praktilistele arstidele - võib kaduma minna. Koberti arvates on tulnud aeg arstidele ja vanematele meditsiiniüliõpilastele anda kätte raamat ravi-

739

BIBLIOTHEK DES ARZTES.
EINE SAMMLUNG MEDICINISCHER LEHRBÜCHER
FÜR STUDIRENDE UND PRAKTIKIRE.

L. 26.2

LEHRBUCH

DER

1887

PHARMAKOTHERAPIE

VON

PROFESSOR DR. RUDOLF KOBERT,
DIRECTOR DES PHARMAKOLOGISCHEN INSTITUTES ZU DORPAT.

226

1887

Tartu Ülikooli
Farmakoloogia
Instituut.
Nr. 184.5

Zweite Lieferung.

STUTTGART.
VERLAG VON FERDINAND ENKE.
1886.

Lieferung 1 und 2 entsprechen in ihrem Inhalt der ersten erschienenen 1. Hälfte des Werkes.

R.Koberti farmakoteraapiaõpiku tiitelleht.

mitest, milles tuuakse ravimid üksikasjalikult läbimõeldult kliiniliste indikatsioonide järgi. Õpiku eessõnas Kobert märgib: "Ei tule harva ette, et farmakoloog näiteks diafooreesi või diureesi mõiste lahtimõtestamise ära jätab, kuna ta peab seda kliiniklase ülesandeks, ja kliiniklane jätab selle ära, kuna arvab, et see on teoreetikute asi. Mõlemal on teatud määral õigus, sest selliseid tähelepanekuid ei kuulu rangelt võttes spetsiaalsesse patoloogiasse ja teraapiasse ega ka farmakoloogiasse; nende loomulikult kuuluv koht on just farmakoloogia loeng (resp. õpik)."

Kobertit iseloomustas suur tagasihoidlikkus, mis tema suurt ja tulemusrikast teaduslik-pedagoogilist produktisiooni ei varjuta, vaid veelgi hinnatavamaks ja teadusepärasemaks muudab. "Saagu sellele raamatule, mis ühelegi eelnevale otsest konkurentsi ei taha pakkuda, vaid mis omaenda teed käib ega end ühegi "farmakopöaga" orjalikult ei seo, ja mis isegi rahvavahendite /ravimite/ esitamist ei häbene, samasugune teretulnud vastuvõtt ..., nagu allakirjutanu /Kobert/ "Intoksikatsioonide õpik" nii ootamatult ja teenimatult on leidnud" /6/.

Farmakoteraapia õpik kujutab endast silda, mille Kobert püüdis ehitada teoreetilise farmakoloogia (ehk eksperimentaalse farmakoloogia) ja kliinilise farmakoloogia vahele. Koberti loodud uus termin "farmakoteraapia", millele ta andis ka konkreetse sisu, töötades välja selle arengusihid, on eluõigustes tänapäevani. Farmakoteraapia mõiste seostub tänapäeval kliinilise farmakoloogia distsipliiniga ning on kohati viimasega täielikult ühtelangev.

Farmakoteraapia üheks koostisosaks luges R. Kobert toksikoloogiat, mis leidis käsitlemist nii Koberti kui ka tema kaastööliste töödes. R. Koberti poolt väljaantud "Lehrbuch der Intoxicationen" /7/, mille esimene väljaanne ilmus 1893. aastal, avaldas tugevat mõju meditsiini mitmete erialade, nende hulgas ka kohtuarstiteaduse arengule ja oli peaaegu ainuke kasutatav toksikoloogia käsiraamat 1927. - 1928. aastani. Selle kohta kirjutab Holmsted: "Tänapäeval elavatelt pole loota selliseid sügavaid teadmisi kõikides toksikoloogia osades /aspektides/. Ja veel on huvitav märkida, et need mehed /Kobert ja hiljem Levin/ eita-

sid keemiliste antidootide olemasolu, milliseid tegelikult ei eksisteerinud ka sel ajal" /5/.

Selle käsiraamatu täiuslikkus on mõistetav, kui võtta arvesse, et Kobertilt ilmus ka varem sellesuunalisi raamatuid, nagu "Compendium der praktischen Toxicologie" (1887) /8/, mis anti välja korduvalt, ja "Compendium der Arzneiverordnungslehre" (1888) /9/. Viimane on koostatud 10 aasta pikkuse loengukursuse alusel, mida Kobert alustas Halles ja jätkas 6 aasta jooksul Tartus.

Silmapaistvad on Koberti ja kaastööliste meditsiini-ajaloosalased uurimused, mis on tema juhendamisel ilmunud trükist 5-köitelise väljaandena "Historische Studien aus dem Pharmakologischen Institut der Kaiserlichen Universität Dorpat" (1889 - 1896) /10/. 1. köite eessõnas viitab Kobert selgelt asjaolule, et Venemaal loodi meditsiini ajaloo kateedrid varem kui Saksamaal. Ta kirjutab: "Võiks siiski vool, mis Venemaal juba ammu lasi tekkida õpetoolid meditsiini ajaloo alal kõikide ülikoolide juures ja mis möödunud aastal ka Viinis selle eriala ordinariaadi loomisele on viinud, lõpuks ka Saksamaal end tuntavaks teha." Neis meditsiini ajaloo raamatutes on toodud ära huvitavaid andmeid näiteks taimede tarvitamisest ravimitena vene, läti ja teiste rahvaste poolt, dissertatsioonide, auhinnatööde ning professorite ja dotsentide tööde ja ettekannete loetelu, mis olid tehtud Tartu ülikooli arstiteaduskonnas 90 aasta jooksul, Abdul-Chaling Achundovi poolt pärsia keelest tõlgitud töö "Die pharmakologische Grundsätze (Liber fundamentorum pharmakologiae) des Abu Mansur Muwaffak bin Ali Harawi", milles on toodud araabia meditsiinialased teadmised 11. kuni 18. sajandini, samuti andmed Pärsia ja India meditsiini kohta jms. Koberti poolt juhendatud meditsiini ajaloo alased uurimused on huvipakkuvad tänapäevani.

Rudolf Kobert kui hea erialase ettevalmistusega, erudeeritud ning laialdaste vaimsete huvidega inimene on kirjutanud tuhmumatuid lehekülgi Tartu ülikooli farmakoloogia kateedri ajalukku ja on andnud märkimisväärse panuse farmakoloogia arengusse kogu maailmas.

Urijad, kes tegelevad kliinilise farmakoloogia kursu-

sega, tutvudes Koberti seisukohtadega farmakoteraapia alal, võivad neis leida mõndagi kasulikku, mis teenimatult on unustusehõlma vajunud.

K i r j a n d u s

1. O. R a j a v e e. Tartu Ülikooli tähtsus eksperimen-
taalfarmakoloogia arengus möödunud sajandil.
Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, III. Tartu, 1975,
37-47.
2. R. K o b e r t. Arbeiten des Pharmakologischen Insti-
tuts zu Dorpat. Stuttgart, Verlag von Ferdinand
Ebke, 1886 - 1897, Nr. 1-13.
3. B. I s s e k u t z. Die Geschichte der Arzneimittel-
forschung. Budapest, Akademia Kiado, 1974.
4. R. K o b e r t, A. S o h r t. Über die Wirkung des
salzsäuren Hyoscins. Arch.f. exper. Path. Phar-
makologie, 1887, 22, 396-429.
5. B. H o l m s t e d t, G. L i l j e s t r a n d.
Readings in Pharmacology. Pergamon Press.Oxford,
1963, 106-110.
6. R. K o b e r t. Lehrbuch der Pharmakotherapie. Stutt-
gart, 1896.
7. R. K o b e r t. Lehrbuch der Intoxicationen. Stutt-
gart, 1893.
8. R. K o b e r t. Compendium der praktischen Toxicolo-
gie. Stuttgart, Verlag von F. Enke, 1887.
9. R. K o b e r t. Compendium der Arzneiverordnungslehre
für Studierende und Ärzte. Stuttgart, Verlag
von F. Enke, 1888.
10. R. K o b e r t. Historische Studien aus dem Pharmakol.
Institute der Kaiserl. Universität Dorpat. Hal-
le u. S., Verlag von Tausch u. Grosse, 1889-1896,
Nr. 1-5.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авижонис П. 86-96
 Адельгейм Р. 39
 Адольфи Г. 35
 Айзенберг Р.И. 30
 Акинфиев К.Ф. 49
 Алексеев Н.А. 19-20, 27
 Алексеев П.Н. 51-52
 Алкснис Я.А. 38
 Андерсон А. 83
 Апинис Г. 37
 Арльт Ф. 63
 Ахшарумов Д.Д. 53
 Афанасьев В.А. 20, 26-27, 31,
 41-42, 45, 91, 101

Бар Ю. 37
 Барон А.А. 30
 Бах М.Е. 31
 Бежаницкая К.Н. 31, 98, 107,
 110

Бейзе Т. 80
 Белов И. 35
 Бергман А. 36
 Бергман Э. 35, 38
 Беренс Б. 36
 Бернаков Р. 107
 Бетховен Л. 36
 Бехтерев В.М. 21-22, 31
 Биддер Ф.-Г.Э. 5-9, 17, 35
 Биезинь А.П. 39
 Бинасик М.С. 105
 Благоев Д.Н. 17
 Блау К. 37

Бобров В. 107
 Богомолец А.А. 76
 Браун Л. 35
 Браун М. 70
 Брензон И. 36-37
 Брутзер Г. 36
 Буонов С.Ф. 45
 Бугринов Б. 54
 Будул х.М. 39
 Бунге Г. 70
 Бурденко Н.Н. 26-28, 31, 89-
 90, 92, 107

Бурси К. 36
 Бухгейм Р. 6
 Бушевич Э. 38
 Бэр К.М. 15-16
 Бэтхер А. 35, 70

Вагенр Е.А. 65
 Вади В. 96
 Валь Э. 70

Вальдес А. 101
 Вальтер П. 35
 Ванах Р. 35, 39
 Васильев С.М. 91
 Вассерман А. 42
 Вейрих В. 35
 Велланский Д.М. 16
 Вербицкий Ф.В. 76
 Вискна А.А. 34, 79
 Вилл А. 23
 Вильберг М. 31
 Вильперт К. 36
 Вирхов Р. 42
 Вишинский П. 87
 Воронов В.Н. 26
 Вульф Б.Х. 51

Габричевский Г.Н. 48, 75
 Галлер П.К. 45, 70-77
 Гамалея Н.Ф. 21, 45, 47, 74,
 76

Ган И.Т. 51
 Георгиевский И.В. 25
 Герцен А.И. 17
 Гете И.В. 37
 Гогниев Н.А. 30
 Гофман Ф.А. 70
 Гребенщиков В.В. 47
 Гревинг Б.К. 52
 Гриндель Д.Г. 35-36
 Грунский Н.К. 27
 Грицкевич В.П. 62
 Гюнтер К. 76

Даль В. 5
 Данилевский А.Я. 21
 Дегио К.К. 26, 29-30, 91-93,
 101, 108

Денисова-Сущевская П.И. 31
 Дзирне Я.К. 38
 Диалектов И.Ф. 47
 Дирик А. 37
 Дитерих Т. 36
 Диффенбах И.Ф. 65
 Дмитриев А.А. 108
 Дмитриев И.П. 30
 Догель И.М. 31
 Дойбнер К. 36
 Драгендорф Г. 70

Евецкий Ф.О. 102
 Еше Г.-Б. 63
 Еше Е.Б. 62-67
 Еше Ю. 66

Луковский В.П. 45

Заболотный Д.К. 74

Заварыкин Ф.Н. 21

Загорский А.П. 6, 16

Замен Г. 35

Зандберг Н. 40

Заринъш Э.Е. 39

Зарфельс К. 36

Зейдлиц К.К. 16

Зенгбуш Р. 36

Зиле М.Б. 39

Зик М. 40

Златогоров С.И. 49

Змигородский И.И. 107

Игнатовский А.С. 25-26, 28,
31, 92

Игнатьев В.А. 41

Иерне Т. 82

Иерне У.Э. 35, 82

Ильинский В.И. 51

Иоффе Н. 107

Ишрейт Г. 37

Йерсан А. 74

Кадлец Н.А. 51

Калнин В.В. 14, 25, 41, 70,
86

Калнинъш Д. 38

Калнинъш Э.Я. 39

Капсукас В. 94

Каргин П.Т. 28

Карелль Ф. 6

Кейльман А. 36

Кемпнер В. 43

Кеннед М. 100

Кербер Б. 70

Кириков Н.Н. 76

Киров С.М. 15

Керстене Н. 44

Кирхенштейн А.М. 39

Китер А.А. 16

Классен Н.А. 47

Клемм П. 36

Кнолл П. 35, 82

Ковалевский А.О. 15

Козлов Н.И. 16

Колосов Г.В. 29

Кондаков И.Л. 42, 91, 101-102

Коппель Х. 31, 102

Коса Я. 39

Кох Р. 42-43, 47, 50, 53

Коштойац Х.С. 3, 9

Кравков Н.П. 20, 30

Крауклинь К. 37

Креслинъш К. 38

Круелис П. 40

Крумберг А. 38

Крюденер Х. 36

Кубли М. 37

Кувальдин В.В. 41

Кузнецов Н.И. 101, 108

Кулешова Э.Д. 65

Куль Г.-А. 31, 107

Кульнев С.В. 66

Купфер К. 8, 35

Купцис Я.Д. 39

Куррот Ф.А. 52

Курчинский В.П. 20, 42, 101-102

Куршайтис Ф. 90

Куторга С.С. 6

Кушев Н.Е. 77

Кюве Х. 15

Кязр-Кингисепп Э.Г. 3

Лавров Д.М. 21, 29, 31, 101

Ландау Э. 92

Лантинг А. 80

Лапис Т. 39

Лашас В. 96

Лашенков П.Н. 41

Левин А.М. 47, 51

Ледебур К.Ф. 63

Лейниек Я. 39

Леман К. 42-43

Ленин В.И. 18-20, 90

Леонов И.Т. 14

Лепорская А.Р. 31, 47

Лепорский Н.И. 17, 19, 26,
29, 31, 51, 102

Лесгафт П.Ф. 87

Либбет К. 37

Лиела Ю. 40

Лиелукалн А.Ф. 38

Лойт А.О. 25

Литкевич А.Г. 92-93

Магнус Г. 36

Мазинг Л. 91

Мазинг Э. 31, 102, 107

Майзите Я.К. 39

Макаров А.В. 4

Максимов А.А. 21

Малов М. 107

Манассейн В.А. 17

Манцель Г. 82

Мартини 35, 83

Мартинсон Э.Э. 39

Матвей Д. 39

Матулайтис С. 94

Мейер-Беляева Л. 107

Меньшуткин Н.А. 18

Мерклин Э. 36

Меркулов Н.Е. 19

Мечников И.И. 15, 31, 42

Микельсон Я.Е. 39-40

Миц В.М. 38

Михнов С.Д. 25-26, 28-29,
31, 33, 102

Моисеев С.В. 47
Моллесон И.И. 73
Муратов А.А. 25

Ненцкий М.В. 21
Несмелов В.А. 47, 52
Никитин А.Ф. 17, 19
Никитин П.Ф. 55
Никольский Д.П. 45
Новосельский С.А. 45
Нордберг А. 23

Овсянников Ф.В. 8-9
Оглоблин А. 107
Ожерельев А.А. 66
Озол А. 39
Озолин Я. 102
Ольденбургский А.П. 74
Орбели Л. 20
Отто Г. 37

Павлов И.П. 7, 20-21, 31, 76
Павловский Е.Н. 15
Пальдрок А.К. 30-31, 102
Паррот Я.Ф.Г. 63
Пассек Е.В. 102, III
Пастер Л. 76
Паукул Э. 39
Пелекзирнис К. 39
Петевичайте-Бите Г. 87
Петтенкофер М. 47
Петухов Е.В. 27
Пиневиц-Десницкая А.М. 31
Пирогов Н.И. 3, 6, 15-16, 19,
22, 25-27, 31-33, 53-54,
63, 66-67, 104, 107

Побус В. 23
Подвысоцкий В.В. 31
Поляков П.А. 21, 101-102
Попов А.В. 30
Приманис Е.Е. 39
Пусбарник Я. 39
Путныньш Э.Я. 39
Пуусепп Л.М. 22
Пушкин А.С. 54
Пфейфер Р.Ф.И. 42

Раденер О. 66
Раден Э.Ф. 27
Рапчевский И.Ф. 42
Раубер А. 41, 91, 103-104, 106
Рафель А. 37
Рейер К.К. 35
Рейн Г.Е. 31
Рейнвальд А. 103
Рейснер Э. 35
Рейтер Я. 35. 80-82
Рогулис А. 40
Розен И. 83
Розиньш Ф. 38
Романовский Д.Л. 50

Россов А.В. 51
Ростовцев М.И. 25-27, 47,
101-102
Ротштейн Г.А. 39
Ру Э. 42
Рубашкин В.Я. 21, 93
Руберт Я.Ю. 39
Ружицкий С.С. 28
Рэلمان Э. 91

Сааресте Э. 22
Садовский А.И. 54, 100
Самбикин Н.П. 105
Свирловский Э.Я. 39
Сент-Илер К. 101
Серповский К.Г. 47
Сеченов И.М. 9, 17-18
Симановский Н.П. 22
Синеокова М.Д. 31
Сникер П.М. 39
Спандуяц Т.Г. 30
Срезневский Б.И. 30
Стида Л. 35
Столыпин П.А. 109
Страдынь Я.П. 35
Страузелис П. 39
Сидикас В.П. 86

Тальберг Я. 38
Тальвик С. 95
Тезяков Н.И. 45, 73, 76-
77

Тилинг Т. 36
Тило О. 36
Тома Р. 45, 70
Томсон Х. 39
Тонков В.Н. 20

Уйманов Н.А. 51
Ульянов Д.И. 90
Удельт Я. 107

Хазанов А.Н. 6
Хакен А. 36
Хампельн П. 36
Хах К. 36
Хено М.И. 83
Херталис Я. 38
Хлопин Г.В. 17-19, 41, 44-
45, 48
Хольст 36, 91
Хомзе О. 37

Фабер И. 82
Файн В. 40
Файтельсон А. 40
Федоров С.П. 20, 30
Фельдбах Э.Н. 26, 31
Фельдман Ф. 107
Феноменов Н.Н. 31
Ферман Э.А. 39

Филомафитский А.М. 3-4, 6
 Флейшер И.Г. 36
 Фолькман А.В. 4-5
 Фос Ф. 36
 Френкель Э.Г. 45
 Фриз Г. де 49

Цвинъев В.А. 47
 Цеге фон Мантейфель В.Г. 92,
 IOI

Циммерман Г. 66

Чаксте Р. 40
 Чермак Н.К. 2I
 Чернышевский Н.Г. 17
 Чиж В.Ф. 2I, 9I, IOI
 Чирвинский С.И. 25, 9I

Шапшев К.Н. 47, 50, 52
 Шварц Х. 36
 Шевкуненко В.Н. 20
 Шелгунов В.А. 19
 Шепиловский Е.А. 20, 26, 29,
 4I-55, 93, IOI
 Шидловский С.В. 42
 Шимановский Ю.К. 35
 Широкогоров И.И. 25-26, 3I,
 IOI
 Широкогорова А.И. 3I

Шлосман К. 47, 5I, IO7
 Шмидеберг О. 35
 Шмидт А. 70
 Шмидт К. 6-7, 35
 Штамм И.А. 47, 49, 5I-54
 Шульц Я.Я. 38
 Шульценберг А. IO2

Щепетова Г.А. 70

Эйгес Я.А. 5I
 Экземпларский М.М. 47, 49, 52,
 54
 Элиасберг Ю. 40
 Энгельгардт О. 36
 Эрлман И. 35
 Эрисман Ф.Ф. 18, 76
 Эрлих П. 53, 76

Юрьян Я. 37
 Ющенко А.И. 2I, 3I

Яблонский И. 86-87, 90
 Якубович Н.М. 7, 9, 17
 Янковский Я.Я. 38
 Янсон Э.К. 39
 Яроцкий А.И. 2I, 26, 28-29,
 IOI

ISIKUNIMEDE REGISTER

Aasa, M. 130
 Abu Mansur Muwaffak bin Ali
 Harawi 146
 Achundov, A.-Ch. 146
 Adelman, G. 125
 Arusaar, M. 130, 132

Bežanitskaja, K. 2
 Billard, C. 117
 Billroth, Th. 120
 Brauer, O. 138
 Braun, A. 127
 Buchheim, R. 140
 Burdenko, E. 121

Carus, C. 112

Dragendorff, G. 139, 142

Edenburg, H. 137
 Eistre, T. 129

Erdmann, J.F. 64

Fick, W. 120-121
 Filatov, V.P. 130
 Fleisch, C.B. 112

Golz, F.L. 139

Haller, A.H. 112
 Haller, P. 72
 Henke, A. 112
 Heubel, G.B. 116-119
 Heucking, C.F. 112, 114-115
 Hile, V. 128-132
 Hoffmann, F. 72
 Horwitz, H.A. 112

Ilomets, T. 2

Janikowski, S. 127
 Jäsche, G.I. 64

- Jürg, G. 112
- Kadaastik, H. 128
 Kallikorm, A. 133
 Kalnin, V. 2
 Karell, U. 122
 Karu, K. 138
 Kerberg, M. 130
 Kink, P.-J. 130
 Kiparsky, V. 125
 Kippasto, S. 130-131
 Kitajevski, M.K. 120
 Kobert, R. 139-147
 Koch, W. 127
 Kocher, Th. 121
 Koppelman, L. 138
 Kraepelin, E. 139
 Kõdar, A. 130, 132
 Käsnapuu, E. 125
 Käsper, E. 130-131
 Kürber, B. 72
- Lall, L. 132
 Leibur, E. 132
 Linkberg, A. 122-123
 Lumiste, S. 129, 133
 Lumiste, Ü. 2
 Lövi, M. 125, 132
- Markovitš, R. 136
 Martõnov, A. 127
 Meedar, H. 138
 Meissner, F. 112
 Meriloo, T. 112, 116
 Messerschmidt, A. 125
 Metsa, E.-M. 132
 Meyer, H.H. 139
- Neue, Chr.P. 64
 Nigol, A. 130
 Noor, K. 130
 Normann, H. 122
- Openchowski, Th. 72, 122
- Paju, K. 132
 Pakk, E. 129
 Palm, T. 130
 Pavlov, I.P. 128
 Petlem, H. 120
- Podvõssotski, V. 127, 139
 Pokk, L. 133
 Prüller, P. 2
 Pullerits, L. 128
- Rajavee, O. 139
 Ratimov, V.A. 120
 Rauber, A. 139
 Regulski, M. 127
 Rekk, T. 129
 Rhode, E.F. 112
 Rosenmüller, J.C. 112
 Russak, S. 129-130, 132
 Rütli, V. 129-130
 Rydygier, L. 120
- Schmiedeberg, O. 139, 143
 Sibul, S. 133
 Siilivaak, K. 2
 Sikka, O. 130
 Sillastu, V. 133
 Simson, M. 133
 Sohrt, A. 140, 142
 Szokalski, B. 125
 Szymanowsky, J. 125-126
 Stamberg, A. 130-131
 Storch, J. 117
 Strauch, C.H. 112
 Särgava, V. 133
- Zoege von Mannteuffel, W. 120-121, 139
- Tigae, L. 128, 132
 Toomsoo, T.-R. 132
 Trass, H. 2
 Trull, S. 125
 Tuglas, R. 137-138
 Tõlp, L. 133
- Vanus, K. 138
 Vihm, N. 129, 132
 Visnapuu, L. 132
 Vogel, S.G. 117
- Waldner, P. 136-138
 Walter, P.U.F. 112, 116
 Weber, T. 139
 Wider, A. 137-138

SISUKORD

E. Kaer-Kingisepp. Eksperimentaalsete uurimuste arendamine Tartu ülikooli fusioloogiakateedris XIX sajandi esimesel poolel	3
V. Kalnin, I. Leonov. Sõjaväemeditsiini akadeemia ja Tartu ülikooli arstiteaduskonna sidemetest ..	14
V. Kalnin, A. Loit. N. Pirogovi nimelise arstiteadusliku seltsi tegevusest Tartu ülikooli juures (1908-1918)	25
A. Viksna. Tartu ülikool ja meditsiini areng Lätis ..	34
V. Kalnin. Tartu ülikooli hügieeni- ja bakterioloogia-professor J. Šepilevski	41
V. Gritskevitš. Arst G. Jäsche - Tartu ülikooli kasvandik (100. surma-aastapäevaks)	62
G. Štšepetova, V. Kalnin. Arst P. Haller - Tartu ülikooli kasvandik	70
A. Viksna. Balti kubermangude meedikute - Academia Gustaviana ja Academia Gustavo-Carolina kasvandikest	79
V. Siudikas, V. Kalnin. Oftalmoloog P. Avižonis - Tartu ülikooli kasvandik	86
K. Bežanitskaja. Tartu ülikooli arstiteaduskonnas XX sajandi algul. (Mälestused.)	98
T. Meriloo. C. F. Heuckingi lastetervishoiuprobleemidele pühendatud vaitekiri aastast 1836	112
T. Meriloo. Imiku nutu diagnostilisest tähendusest G. B. Heubeli doktoridissertatsiooni põhjal ..	116
H. Petlem. Maokirurgia arengust Tartus varasemal perioodil	120
M. Lõvi, E. Käsnapuu, S. Trulli. Üliõpilaste osavõtt stomatoloogia-alasest teaduslikust uurimistööst Tartu ülikoolis	125
R. Markovits. Tartu ülikooli kasvandiku P. Waldneri tegevusest jaoskonnaarstina Koerus	136
O. Rajavee. R. Kobert - farmakoteraapilise suuna rajaja meditsiinis	139
Isikunimede register	148

СОДЕРЖАНИЕ

Э.Г.Кяэр-Кингисепп. Развитие экспериментальных исследований на кафедре физиологии Тартуского университета в первой половине XIX века	3
В.В.Калнин, И.Т.Леонов. О связях Военно-медицинской академии и медицинского факультета Тартуского университета	14
В.В.Калнин, А.О.Лойт. О деятельности медицинского общества имени Н.И.Пирогова при Юрьевском университете (1908-1918)	25
А.А.Виксна. Тартуский университет и развитие медицины в Латвии	34
В.В.Калнин. Профессор гигиены и бактериологии Тартуского университета Е.А.Шепилевский	41
В.П.Грицкевич. Воспитанник Тартуского университета врач Е.Б.Еше (К столетию со дня смерти).....	62
Г.А.Щепетова, В.В.Калнин. Врач П.К.Галлер - воспитанник Тартуского университета	70
А.А.Виксна. О медиках Прибалтики - воспитанниках Густавианской и Густаво-Каролинской академий в XVII-XVIII веках	79
В.М.Сюдикас, В.В.Калнин. Офтальмолог П.И.Авижонис - воспитанник Тартуского университета	86
К.Н.Безаницкая. На медицинском факультете Тартуского университета в начале XX века (Воспоминания)..	98
Т.Мерилоо. Диссертация К.Ф.Хейкинга с 1836 г., посвященная проблемам детского здравоохранения	112
Т.Мерилоо. О диагностическом значении плача грудных детей на основании докторской диссертации Г.Б.Хейбеля	116
Х.Петлем. О развитии желудочной хирургии в Тарту в раннем периоде	120
М.О.Льви, Э.Кяснапуу, С.Трулли. Участие студентов в научно-исследовательской работе по стоматологии в Тартуском университете.....	125
Р.С.Маркович. О деятельности воспитанника Тартуского университета П.Валднера в качестве участкового врача в Коэру	136
О.Раявээ. Р.Коберт - основоположник фармакотерапевтического направления в медицине	139
Указатель имен	148

INHALTSVERZEICHNIS

E. Käer-Kingisepp. Die Entwicklung der experimentellen Untersuchungen am Lehrstuhl der Physiologie der Tartuer Universität in der ersten Hälfte des XX Jahrhunderts	3
V. Kalnin, I. Leonow. Über die Beziehungen der Akademie der Kriegsmedizin zu der medizinischen Fakultät der Tartuer Universität	14
V. Kalnin, A. Loit. Über die Tätigkeit der Pirogoffschen Medizinischen Gesellschaft an der Tartuer Universität (1908-1918)	25
A. Viksna. Die Tartuer Universität und die Entwicklung der Medizin in Lettland	34
V. Kalnin. Professor der Hygiene und Bakteriologie der Tartuer Universität E. Schepilewsky	41
V. Gritskevitsch. Doktor G. Jäsche - ein Zögling der Tartuer Universität (Zum 100. Jahrestag des Todes)	62
G. Stschegetova, V. Kalnin. Doktor P. K. Haller - ein Zögling der Tartuer Universität	70
A. Viksna. Über die Mediziner des Baltikums - Zöglinge der Akademie Gustaviana und der Akademie Gustavo-Carolina im XVII - XVIII Jahrhundert	79
V. Siudikas, V. Kalnin. Ophthalmolog P. Avishonis - ein Zögling der Tartuer Universität	86
K. Beshanitskaja. An der medizinischen Fakultät der Tartuer Universität Anfang des XX Jahrhunderts. (Erinnerungen)	98
T. Meriloo. Die Dissertation C. F. Heuckings (1836) über die Probleme des Kindergesundheitswesens	112
T. Meriloo. Über die diagnostische Bedeutung des Weinens der Säuglinge im Grunde der Doktorsdissertation G. B. Heubels	116
H. Petlem. Über die Entwicklung der Ventrikulchirurgie in Tartu in der früheren Periode	120
M. Lõvi, E. Käsnapuu, S. Trulli. Die Teilnahme der Studenten an den wissenschaftlich-stomatologischen Untersuchungen der Tartuer Universität	125
R. Markovitsch. Tätigkeit des Zöglings der Tartuer Universität P. Waldner als Landarzt zu Koeru	136
O. Rajavee. R. Kobert als Wegweiser der pharmakotherapeutischen Richtung in der Medizin	139
Personenverzeichnis	148

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА VI.
(Материалы комиссии истории ТГУ). На эстон-
ском и русском языках. Тартуский государст-
венный университет. ЭССР, г. Тарту, ул.Мих-
кооли, 18. Ответственный редактор В.Каллине.
Корректоры Ю.Лаанекаск, Н.Чикалова, В.Логзи-
нова. Сдано в печать 16/09 77. Бумага пе-
чатная 30x45 1/4. Печ. листов 9,75. Учетно-
изд. листов 8,31. Тираж 1000. МБ 05318. Те-
пография ТГУ, ЭССР, г. Тарту, ул.Пялсонк, 14.
Зак. № 999. Цена 60 коп.